

КАРАВАННЫЕ ГОРОДА

М. И. Ростовцев

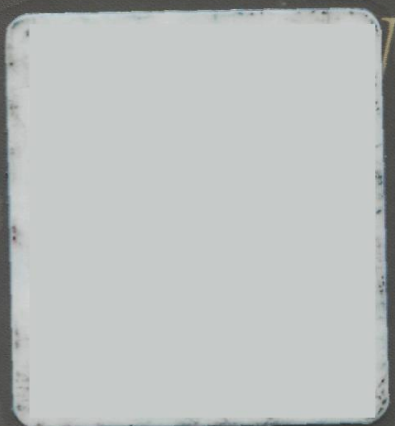

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

М. И. Ростовцев

M. I. Rostovtzeff

ISBN 978-5-8465-1001-2

9 785846 510012

КАРАВАННЫЕ ГОРОДА

Ростовцев Михаил Иванович

(1870, Житомир – 1952, Нью-Хейвен, США) историк античности и археолог. Учился в Киевском и Петербургском университетах, в 1918 г. эмигрировал сначала в Европу, затем в Америку. Преподавал в университете Висконсина в Мэдисоне, затем в Йельском университете, где создал собственную научную школу. Научное наследие Ростовцева грандиозно и многогранно. Он активно разрабатывал проблемы истории и культуры северо-причерноморских греческих колоний, взаимодействия античной цивилизации и «варварской» периферии («Эллинство и иранство на юге России» (1918), «Античная декоративная живопись на юге России» (1914)), социально-экономической истории Древнего мира («История государственного откупа в Римской империи от Августа до Диоклетиана» (1898), «Исследования по истории римского колоната» (1910), «Большое поместье в Египте III в. до н.э.» (1922), «Социально-экономическая история Римской империи» (1926) и «Социально-экономическая история эллинистического мира» (1941)). Научная и преподавательская карьера Ростовцева – это почти 60 лет непрерывного научного поиска и более 800 публикаций на русском, английском, немецком, французском, итальянском и других языках в самых известных издательствах и научных журналах мира.

М. И. РОСТОВЦЕВ

КАРАВАННЫЕ ГОРОДА

Под редакцией К. А. Аветисян

Факультет филологии и искусств
Санкт-Петербургского государственного университета
Нестор-История
Санкт-Петербург
2010

ББК 63.3(0)31

P78

Ростовцев, М. И.

P78 Караванные города / М. И. Ростовцев / пер., науч. ред., предисл. К. А. Аветисян. — СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010. — 216 с., ил. — (Историческая библиотека).

ISBN 978-5-8465-1001-2 (Факультет филологии и искусств СПбГУ)

ISBN 978-5-98187-530-4 (Нестор-История)

Предлагаемое издание — перевод на русский язык путевых очерков и исторических зарисовок М. И. Ростовцева — влиятельнейшего русского антиковеда, академика-эмигранта (1870–1952), получивших общее название «Караванные города».

Для специалистов в области истории Древнего мира, студентов и аспирантов, а также широкого круга читателей.

ББК 63.3(0)31

ISBN 978-5-8465-1001-2
ISBN 978-5-98187-530-4

© К. А. Аветисян, перевод, науч. ред., предисл., 2010
© Нестор-История, 2010
© С. В. Лебединский, оформление, 2010

М. И. РОСТОВЦЕВ, БЛИЖНИЙ ВОСТОК И КАРАВАННЫЕ ГОРОДА

Конец XIX — начало XX в. — своеобразная веха в истории изучения Египта, Ближнего Востока и Индии, время всплеска бурного интереса к этим областям Древнего мира, которые стали в то время и более доступными, и менее опасными для путешественников.

Ближний Восток, так же, как и Египет, уже давно притягивал интересы Михаила Ивановича Ростовцева. Ученый отмечал: «Почти невозможно знать Египет, не побывав там, и притом повторно»¹. То же самое справедливо и для Ближнего Востока. Как правило, все путешественники, побывавшие там хотя бы раз, были очарованы его манящей, притягательной и загадочной недосказанностью, точно так же, как тайнами далекого прошлого и слабо известного настоящего.

Рубеж веков — время зарождения современной науки об истории древних обществ, а также идеи исследования массового материала, нужного для того, чтобы «прежде всего, воссоздать картину... построить из богатого, но все-таки обрывочного материала... политическую, религиозную и культурную физиономию»².

М. И. Ростовцев писал об этой эпохе: «Каждый день приносит нам новое, и это новое... требует долгой и детальной работы, работы не только по книгам и изданиям, а в еще большей мере работы на месте»³. «Я люблю видеть вещи, которые изучаю...»⁴. Эта любовь — видеть своими глазами изучаемые предметы — бесспорно, была причиной большинства путешествий историка на протяжении всей его жизни.

¹ Ростовцев М. И. Поездка в Египет. М., 1908. С. 7; он же. Поездка в Египет // Русская мысль. 1908. Июнь. С. 107–128. Далее везде цитируется по изданию, указанному в данной ссылке первым.

² Ростовцев М. И. Поездка в Египет. С. 5.

³ Там же.

⁴ Бонгард-Левин Г. М., Бонне К., Литвиненко Ю. Н., Марконе А. «Монгол приветствует Сирийца»: переписка М. И. Ростовцева и Ф. Кюмона // ВДИ. 2000. № 3. С. 154; см. также: Бонгард-Левин Г. М., Бонне К., Литвиненко Ю. Н., Марконе А. «Mongolus Syrio salute optimat dat»: переписка М. И. Ростовцева и Ф. Кюмона // Парфянский выстрел / под ред. Г. М. Бонгард-Левина, Ю. Н. Литвиненко. М.: РОССПЭН, 2003. С. 234.

Излагая свои взгляды на постижение истории, ученый, чуждый догматизма, придавая большое значение влиянию географических, исторических и национальных факторов на историю, в то же время предупреждал: «Надо помнить при этом, что процесс всей этой работы в голове исследователя совершается далеко не так стройно и систематически, как это кажется, далеко не по тем рубрикам, на которые он распадается на бумаге; надо помнить, что один вывод теснит и гонит другой и что часто, если не всегда, приходится начинать не с начала, а с середины или конца, в зависимости от поставленного вопроса и от хода работы каждого исследователя»¹. «Наше знание растет и ширится, из тумана откровения постепенно переходим в реальные формы знания»².

Среди русской интеллектуальной элиты конца XIX — начала XX в. особую популярность приобрели «археологические путешествия».

Необходимо подчеркнуть, что Востоком в то время было увлечено не только русское общество, но также европейцы и американцы.

Однако путешествия М. И. Ростовцева на Ближний Восток и в Египет — это ни в коей мере не дань моде, не простое стремление к смене впечатлений, а скорее стимул в профессиональной деятельности, научная необходимость. Путешествуя, ученый посещал зарубежные музеи для завершения исследований, предпринимал поиски редких научных изданий в библиотеках разных стран.

В России у М. И. Ростовцева было множество предшественников, совмещавших в своих поездках по средиземноморским странам любознательность путешественников с научным интересом и анализом увиденного. Среди самых именитых ученых-путешественников — С. С. Абамелек-Лазарев³, А. В. Прахов⁴, Н. П. Кондаков, предпринявший в 80–90-е гг. XIX в. три поездки в Египет и на Ближний Восток⁵.

Даже в пожилом возрасте Ростовцев оставался заядлым путешественником, и жажда новых открытий, хотя и не столь острая, как в молодости, не покидала его. Перемена мест, путешествия благотворно дей-

¹ Ростовцев М. И. Поездка в Египет. С. 6.

² Там же.

³ Абамелек-Лазарев С. С. Пальмира. Археологическое исследование князя С. Абамелек-Лазарева, действительного члена Русского археологического общества. СПб., 1884; он же. Джераш. Археологическое исследование князя С. Абамелек-Лазарева, действительного члена Русского археологического общества. СПб., 1887; Коковцов П. Памяти князя С. С. Абамелек-Лазарева. Отд. оттиск из Записок Восточного отделения Русского археологического общества. Пг., 1917. С. 1–2.

⁴ Коростовцев М. А., Ходжаш С. И. Адриан Викторович Прахов (1846–1916) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 3. М., 1960. С. 117.

⁵ Кондаков Н. П. Путешествие на Синай в 1881 г. Из путевых впечатлений. Одесса, 1882; он же. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904.

ствовали на ученого, приносили глубокое умиротворение, повышали жизненный тонус. Впрочем, в этой склонности было и нечто типологическое, роднившее Ростовцева со всем его романтическим поколением, стремившимся посредством путешествий — прежде всего на Восток — расширить горизонты своего познания в поисках нового и необычного.

Изучение археологических памятников и музеев на местах, впечатления от увиденного помогали ученому понять, «какое влияние на мировую греко-римскую культуру, на основах которой выросли и мы, оказало многотысячелетнее культурное развитие» древнейших цивилизаций¹.

Во время своих путешествий Ростовцев не ограничивался лишь историческими и археологическими памятниками. Его интерес простирался значительно дальше. Пытаясь понять природу связей древневосточных культур с культурой античного Средиземноморья, он, веря в «идею непрерывной мировой эволюции»², сравнивал прошлое и настоящее Востока.

Для Ростовцева важнейшим исходным моментом являлось собственное восприятие исторического факта. Правда, в процессе исторического анализа он все же включал его в общий исторический и социальный контекст.

«Караванные города» — книга, складывавшаяся постепенно. Известно, что газеты начала XX в. любили публиковать различные заметки о путешествиях по экзотическим тогда странам Ближнего Востока и Северной Африки. Многие газеты финансировали путешественников, согласных делиться с их читателями своими впечатлениями от поездки.

Такая история нам известна по «Путешествию на Восток» Жерара де Нерваля (Жерар Лабрюни). Немногие скудные сведения об этом путешествии, дошедшие до нас благодаря частично сохранившейся корреспонденции Нерваля, красноречиво свидетельствуют о том, что средства, необходимые для путешествия, были, скорее всего, предоставлены ему одним из издательств и несколькими газетами под обязательство написать путевые заметки³.

Когда в 1911 г. чертежник берлинского проектного бюро Петера Беренса Шарль-Эдуард Жаннере (в будущем знаменитый французский архитектор Ле Корбюзье) вместе со своим приятелем Августом Клипштейном решил совершить путешествие на Восток, до Константинополя,

¹ Ростовцев М. И. Поездка в Египет. С. 6.

² Там же.

³ Нерваль Ж., де. Путешествие на Восток. М.: Наука, ГРВЛ, 1986.

он, имея минимум денег, решил писать заметки для газеты, выходящей в его родном городе Ла-Шо-де-Фон. Впоследствии эти заметки были переработаны, дополнены различными материалами и обобщены в книге «Путешествие на Восток»¹.

Вполне вероятно, что подобные договоренности могли существовать также между М. И. Ростовцевым и редакциями некоторых эмигрантских газет, поскольку в «Предисловии» к «Караванным городам» автор характеризует предварительный набросок книги — серию статей о впечатлениях от своего путешествия в Сирию, Аравию и Палестину в 1928 г., опубликованных в эмигрантских газетах «Руль» (Берлин)² и «Возрождение»³ (Париж) как путевые заметки. К сожалению, архивы редколлегий эмигрантских периодических изданий почти не сохранились, а публикации мемуаров сотрудников были изданы спустя много времени после того, как вышли последние номера газет и журналов, и не содержат информации о «внутренней» редакционной жизни⁴.

По свидетельству Ростовцева, эти заметки были переработаны и дополнены несколькими новыми очерками для публикации в одном из авторитетнейших «толстых» журналов Русского Зарубежья — «Современных записках» (Париж)⁵. Затем статьи, увидевшие свет

¹ Ле Корбюзье. Путешествие на Восток. М.: Стройиздат. 1991.

² Ростовцев М. И. Письма с Ближнего Востока. I. Египет. Письмо первое // Руль. Русская ежедневная демократическая газета. Берлин, 1928. 8 июля. № 28 (2314). С. 2–3; он же. Письма с Ближнего Востока. I. Египет. Письмо второе // Там же. № 32 (2318). 13 июля. С. 2–3; он же. Письма с Ближнего Востока. I. Египет. Письмо третье // Там же. № 34 (2320). 15 июля. С. 2–3; он же. Письма с Ближнего Востока. II. Караванные города Аравии и Сирии. Письмо четвертое // № 40 (2326). 22 июля. С. 2–4.

³ Ростовцев М. И. Письма с Ближнего Востока. I. Египет. Письмо первое // Возрождение. *Vozrojdienie — La Renaissance*. Paris, 1928. 8 июля. С. 2; он же. Письма с Ближнего Востока. I. Египет. Письмо второе // Там же. 13 июля. С. 2–3; он же. Письма с Ближнего Востока. I. Египет. Письмо третье // Там же. 17 июля. С. 3–4; он же. Письма с Ближнего Востока. II. Караванные города Аравии и Сирии. Письмо пятое // Там же. 28 июля. С. 2; он же. Письма с Ближнего Востока. II. Караванные города Аравии и Сирии. Письмо шестое // Там же. 3 авг. С. 2–3.

⁴ Аветисян К. А. Популяризация истории в среде русской эмиграции: М. И. Ростовцев и журналы русской эмиграции («Современные записки» и «Русские записки») // Ростовцев М. И. *Miscellanea: Из журналов Русского зарубежья (1920–1939)* / Подг. текста, перевод, предисл., коммент. К. А. Аветисян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2004. С. 5.

⁵ Ростовцев М. И. О Ближнем Востоке. Караванные города Аравии, Заиордания и Сирии. I. Караванная торговля. Исторический очерк. II. Петра // Современные записки. 1930. Т. XLI. С. 372–393; он же. О Ближнем Востоке. Караванные города Аравии, Заиордания и Сирии. III. Джераш (Гераса) // Там же. С. 292–308. Табл. V–VI; он же. О Ближнем Востоке. Караванные города Аравии, Заиордания и Сирии. IV. Пальмира и Дура. Исторический очерк. V. Пальмира и Дура. Руины // Там же. Т. XLIII. С. 353–375; он же. О Ближнем Востоке. Караванные города Аравии, Заиордания и Сирии. V. Пальмира и Дура. VI. Послесловие // Там же. Т. XLIV. С. 300–320.

в «Современных записках», были переработаны еще раз для их публикации отдельным изданием, которое под названием «О Ближнем Востоке»¹ увидело свет в парижском издательстве «Современные записки». О том, что отдельное издание статей было специально подготовлено для публикации и выверено самим автором, свидетельствует рукопись «О Ближнем Востоке», хранящаяся в архиве Йельского университета².

Следует обратить внимание, на тот факт, что газеты «Руль» и «Возрождение» продублировали не все «Письма с Ближнего Востока». Наиболее полно ими опубликована, условно называя, «первая серия» этих писем — впечатления о Египте — письма с первого по третье. Что касается «второй серии» — об интересующих нас караванных городах Аравии и Сирии, то ей повезло меньше, поскольку одно письмо (четвертое) было опубликовано только газетой «Руль», а два письма — пятое и шестое — только газетой «Возрождение»³. Еще одну статью — «Сумер и Аккад», которую условно можно назвать «письмом с Ближнего Востока» и отнести к «третьей серии» публикаций, журнал «Современные записки» опубликовал уже в 1932 г.⁴

Именно публикации путевых очерков «О Ближнем Востоке. Караванные города Аравии, Заиордания и Сирии» в «Современных записках» легли в основу книги «О Ближнем Востоке», для которой М. И. Ростовцев написал дополнительный очерк «От Востока к Западу», разделив его на две части «Кипр и Родос» (I) и «Греция» (II). Последний очерк — впечатления мая 1928 г. о посещении Кипра, Родоса и Афи́н на обратном пути из Сирии.

С 1928 г. Ростовцев ежегодно бывал на Ближнем Востоке, что было связано с началом раскопок парфянской крепости Дура-Европос. Первый сезон раскопок пришелся на весну 1928 г. В дальнейшем Ростовцев стал настаивать на проведении раскопок и в зимнее время, поэтому следующие сезоны охватывали продолжительные периоды с октября по март-апрель (второй сезон — октябрь 1928 — март 1929 г., третий сезон — октябрь 1929 — апрель 1930 г., четвертый сезон — октябрь 1930 — апрель 1931 г.)⁵. Благодаря регулярным археологическим

¹ Ростовцев М. И. О Ближнем Востоке. Париж: Издательство «Современные записки», 1931.

² M. I. Rostovtzeff. Papers. Series № IV. Box № 33. Folder № 223. Manuscripts and archives. Sterling Memorial Library. Yale University. USA.

³ Подробнее о путешествиях в Египет см.: Литвиненко Ю. Н. Египетские путешествия М. И. Ростовцева // Парфянский выстрел. С. 436–443.

⁴ Ростовцев М. И. Сумер и Аккад // Современные записки. 1932. Т. XLIX. С. 271–288.

⁵ См. подробнее: Бонгард-Левин Г. М., Гаибов В. А., Кошеленко Г. А. История раскопок Дура-Европос 1928–1937 в письмах и документах // Парфянский выстрел. С. 19–219.

раскопкам в Дура-Европос главы, посвященные этой крепости в «Караванных городах», отличаются большей детализацией, изобилуют подробными описаниями проводимых археологических исследований и предварительным рассмотрением их результатов по сравнению с главами о Дуре в «Письмах с Ближнего Востока».

Как видно из всего вышеприведенного, фактически «Караванные города», появившиеся в результате путешествий М. И. Ростовцева в 1928–1931 гг. на Ближний Восток и сложившиеся из отдельных очерков, выходявших в свет в тот же период, имеют автобиографический характер и как ни одно другое произведение автора позволяют подробнее рассмотреть личность ученого.

В «Письмах с Ближнего Востока» и «Караванных городах» Ростовцев в весьма непринужденной манере рассказывает о своих прогулках по историческим местам, о легендарной и документарной истории различных областей Ближнего Востока, разбавляя воспоминания путешественника научными описаниями археологических памятников, упоминаниями об изысканиях в библиотеках и о многих других вещах, входивших в круг его интересов. Прошлое и настоящее, реальность и мираж составляют фон, на котором в сложном контрапункте ученый рассказывает о Ближнем Востоке и его памятниках, о его древней и современной природе, о его городах и людях.

В своих «Караванных городах» ученый-путешественник демонстрирует не только восприимчивость туриста к меняющимся пейзажам и лицам и умение увлекательно рассказывать о них, но и колоссальную эрудицию. Таким образом, путешествие для Ростовцева было не только приобретением новых впечатлений, но и своеобразной проверкой старых знаний. Михаил Иванович был неутомимым читателем, поэтому естественно, что готовясь к поездке на Ближний Восток, он старался предварительно максимально подробно разработать маршрут и для начала ознакомиться с ним с помощью письменных источников.

В некоторых главах «Караванных городов» Ростовцев предстает великолепным пейзажистом, который в своем искусстве описания природы и городов очень удачно сочетает традиции романтической и реалистической школ. С волнением ожидает он встречи с ландшафтами, уже знакомыми ему не только по книгам и картинам, но и по прошлым путешествиям. Он счастлив, когда образы, существующие в его воображении и реальные, совпадают, и тогда романтический пафос его описаний проявляется в полной мере.

С восторгом открывает он для себя Петру: «Я испытываю искушение уподобить город чуду из «Тысячи и одной ночи». Когда с высот спускаешься в долину реки, прорвавшей себе путь через темно-крас-

ные скалы Петры, кажется с высоты, что Петра — это большой причудливый нарост, кусок красно-лилового мяса, севший между золотом пустыни и зеленью холмов. Зрелище необычное, которое становится еще более необычным, когда кавалькада медленно проходит в ущелье реки, и когда направо и налево идут ввысь пестрые — красные, оранжевые, лиловые, серые, зеленые пласты все сужающихся скалистых стен ущелья. Они дики и красочны; контраст света и тени; свет — ослепляющий, тени — черные. Иногда ничего не указывает на то, что это ущелье веками служило людям большой дорогой, по которой шагали верблюды, ослы и лошади, тянулись купцы-бедуины, ощущавшие, как и мы, если не прелесть, то ужас и мистическое очарование ущелья. Иногда можно увидеть фасад зубчатой гробницы-башни, или алтарь храма, расположенного высоко на вертикальных стенах с надписями и приветствиями некоему божеству, написанными на набатейском языке. Наш караван медленно идет по узкому ущелью, до тех пор, пока перед нами внезапно не появляется сверкающий розово-оранжевый на солнце фасад храма или гробницы. Изящные колонны, причудливые арки, соединяющие колонны и покрывающие ниши, статуи в нишах — все это в каком-то новом, неожиданном для человека, знакомого с античностью в ее классическом аспекте, стиле. Как будто перед нами встала грандиозная декорация эллинистического театра, как будто высечена в скале часть стенной росписи Помпей...» (см. с. 46, 47).

Однако нередко ему приходилось наблюдать, как рушатся один за другим прекраснейшие города, созданные его свободным и богатым воображением. В этом случае он с горечью констатировал несходство мечты и конкретной действительности, и тогда в его искусстве на время брали верх реалистические тенденции.

Ростовцев в «Письмах с Ближнего Востока», а затем и «Караванных городах» предстает иногда очарованным странником — добродушным и наивным, иногда удивленным туристом, озабоченным только поисками красивых пейзажей и экзотических зрелищ. За живописными полотнами, нарисованными им, таится лежащий в основе всякого истинно поэтического мышления поиск глубинного смысла, гармонии и попытка постичь ее во времени и пространстве. Можно сказать, что Ближний Восток и караванные города благодаря запискам М. И. Ростовцева обрели пространственное измерение.

Переводчиками «Караванных городов» стали супруги Дэвид и Тамара Тэлбот Райс. К сожалению, доступные и имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы не позволяют однозначно ответить на вопрос, были ли автор и переводчики книги знакомы до начала подготовки «Караванных городов» к публикации в Оксфорде. Сопостав-

ление некоторых фактов биографии М. И. и С. М. Ростовцевых и Тамары (Елены) Тэлбот Райс (Абельсон): петербургское прошлое, пребывание в 1919–1921 гг. в Оксфордском университете, близость научных интересов (увлечение археологией и искусством Ближнего Востока и скифами), работа последней в Колумбийском университете, продолжительное пребывание в Париже и на Ближнем Востоке — позволяют предполагать, что выбор переводчиков для книги не был случайным.

Дэвид Тэлбот Райс (1903–1972) — уроженец английского Глостершира. Будучи выпускником престижнейшей британской школы Итон (Eaton), он продолжил образование в Оксфорде (Christ Church College) по специальности антропология и археология. После окончания университета Райс провел несколько полевых археологических сезонов. Его основными увлечениями были без исключения все области истории Византии, а впоследствии он увлекся также историей исламского искусства. Именно поэтому он и стал одним из первых преподавателей во вновь созданном Courtauld Institute Лондонского университета. С 1934 г. до самой смерти Д. Тэлбот Райс возглавлял кафедру изобразительного искусства Эдинбургского университета. Преподавательская деятельность была прервана им только во время Второй мировой войны, когда ученый возглавлял (с 1943 г.) Ближневосточный отдел Британской военной разведки MI3b, в зону ответственности которого входила вся территория Восточной Европы и Югославия, за исключением СССР и скандинавских стран. С этого поста Райс ушел в отставку майором. В Эдинбургском университете в его честь основана и названа Галерея изобразительного искусства (Talbot Rice Gallery)¹.

Малая Азия входила в круг научных интересов супруги Дэвида Тэлбота Райса — Тамары (Елены) Тэлбот Райс, урожденной Абельсон. Она родилась в Петербурге в 1904 г. в семье промышленника и финансиста Бориса Абелевича Абельсона и Луизы Елизаветы («Липы») Виленкиной и была крестницей Льва Толстого. До эмиграции в 1917 г. с семьей сначала в Финляндию, а затем в Лондон и Париж посещала

¹ Основные труды Дэвида Талбота Райса (Talbot Rice David): *The Birth of Western Painting: a History of Colour, Form, and Iconography Illustrated from the Paintings of Mistra and Mount Athos, of Giotto and Duccio, and of El Greco*. London: Routledge. 1930; *Byzantine Art*. Oxford: Clarendon Press. 1935; *Byzantine Painting at Trebizond*. London: Allen & Unwin. 1936; *English Art, 871–1100*. Oxford: Clarendon Press. 1952; *The Beginnings of Christian Art*. London: Hodder and Stoughton. 1957; *The Art of Byzantium*. London: Thames and Hudson. 1959; *Byzantine Icons*. London: Faber and Faber. 1959; *Dark Ages: the Making of European Civilization*. London: Thames and Hudson. 1965; *Byzantine Painting: the Last Phase*. New York: Dial Press. 1968.

Петербургскую женскую гимназию Л. С. Таганцевой. В Англии до перехода в 1921 г. в Society of Oxford Home Students (ныне St. Anne's College) училась в Cheltenham Ladies' College и St. Hugh's College (оба — Оксфорд).

После 1924 г. Т. Абельсон переехала в Париж к своей теперь уже обедневшей семье. Здесь она подрабатывала журналистикой, но вскоре уехала в Нью-Йорк и стала вести исследовательскую работу для профессора Карлтона Хейса (Carlton Hayes), преподававшего тогда в Колумбийском университете (Columbia University).

В 1927 г. она вышла замуж за Дэвида Тэлбота Райса и вновь вернулась в Париж, где ее муж на протяжении последующих трех лет учился под руководством известнейшего византиниста Габриеля Милле (Gabriel Millet). Вместе с мужем Тамара Тэлбот Райс принимала участие в археологических раскопках в Греции, Югославии, Болгарии, Грузии, Иране и Турции. Некоторыми раскопками она руководила лично. В 1937 г. Т. Тэлбот Райс опубликовала книгу «Иконы Кипра»¹. Во время Второй мировой войны она работала в Лондоне в Турецком отделе министерства информации. После войны с небольшими интервалами опубликовала сразу несколько книг — «Скифы», «Сельджуки в Малой Азии» и «Повседневная жизнь в Византии».

Ее последняя научная публикация (1970) — первая на английском языке подробнейшая биография Елизаветы Петровны, где автор весьма высоко и позитивно характеризует как саму русскую императрицу, так и эпоху ее правления².

После смерти мужа в 1972 г. Тамара Тэлбот Райс начала писать мемуары, отрывки из которых ее дочь опубликовала в 1996 г.³, уже после смерти их автора⁴.

¹ Основные труды Тамары (Елены) Талбот Райс (Talbot Rice Tamara (Elena)): *Talbot Rice T., Talbot Rice D. Icons: the Natasha Allen Collection*. Dublin: National Gallery of Ireland, 1968; *Talbot Rice T., Talbot Rice D. Icons and their Dating: a Comprehensive Study of their Chronology and Provenance*. London: Thames and Hudson, 1974; *Icons*. London: Batchworth Press, 1959; *Ancient Arts of Central Asia*. New York: Praeger, 1965; *A Concise History of Russian Art*. New York: Praeger, 1963; *Czars and Czarinas of Russia*. New York: Lothrop, Lee & Shepard, 1968; *Russian Art*. West Drayton, Middlesex: Penguin Books, 1949; *The Scythians*. New York: Praeger, 1957; *The Seljuks in Asia Minor*. New York: Praeger, 1961.

² *Talbot Rice T. Elizabeth Empress of Russia*. New York: Praeger, 1970.

³ *Talbot-Rice E. ed. Tamara: Memoirs of St. Petersburg, Paris, Oxford and Byzantium*. London: Murray, 1996.

⁴ О Тамаре (Елене) Талбот Райс см. также: *Waugh E. A Little Learning: the First Volume of an Autobiography*. Boston: Little, Brown, 1964; *Powell A. Infants of the Spring*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1976; *Tarr R. Talbot-Rice, (Elena) Tamara // Oxford Dictionary of National Biography*; *Knox J. Talbot-Rice, (Elena) Tamara // The Independent*. September 29, 1993; *Ballance S. Talbot-Rice, (Elena) Tamara // The Guardian*. October 2, 1993; *Talbot-Rice, (Elena) Tamara // The Times (London)*. October 14, 1993.

В данном издании мы нашли целесообразным разместить не только полный перевод книги «Караванные города», но также включить в «Приложение» обе части очерка «От Востока к Западу», почти неизвестного современному читателю, который, как мы указывали выше, был написан М. И. Ростовцевым при подготовке отдельного издания «О Ближнем Востоке», а также две рецензии на книгу «Караванные города».

Как и в прежних наших публикациях¹, мы стремились максимально сохранить язык и стиль автора, не вносили никаких исправлений в текст, за исключением тех случаев, когда имели дело с явными опечатками или ошибками.

К. А. Аветисян

¹ Ростовцев М. И. Политические письма. СПб.: Наука, 2002; он же. Miscellanea: Из журналов Русского зарубежья (1920–1939).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — итог серии путевых заметок, написанных в 1928 г., в то время, когда впечатления от путешествия в Сирию, Аравию и Палестину в начале того года были еще свежи в моей памяти. Эти очерки появились сначала в двух русских газетах, публиковавшихся в Берлине и Париже, — «Руль» и «Возрождение», позже они были перепечатаны в русском журнале «Современные записки» (Париж), на сей раз с некоторыми исправлениями и дополнениями и с добавлением нескольких новых очерков. Наконец, в 1931 г. они появились в Париже в виде книги под названием «О Ближнем Востоке». Затем Clarendon Press предложил мне подготовить английское издание, но так как я собирался предпринять еще одно, более амбициозное, путешествие на Ближний Восток, то решил отложить до своего возвращения пересмотр рукописи для английского издания. Я хотел вновь посетить те места, которые и стали предметом моих очерков, включить в маршрут моего путешествия Нижнюю Месопотамию, современный Ирак.

Новые, живые впечатления, с которыми я вернулся из путешествия, возможность, которую оно мне дало изучить руины подробно, признание того, что археология сильно продвинулась вперед в изучении этих мест, позволили мне сделать так много новых выводов, что я почувствовал себя обязанным не только пересмотреть свой текст, но даже частично переписать его. Делая это, я опустил два последних очерка из русского тома, так как они были посвящены Родосу, Кипру и Микенской Греции, а не караванным городам.

Совершая эти путешествия, я мог собирать материал, которым и проиллюстрировал эту книгу. Этим я обязан частично моей жене, частично Службе древностей Сирии и Ливана и ее директору А. Сейригу (H. Seyrig), а частично руководителям раскопок в Джераше и Дуре — докторам Фишеру (C. Fisher) и Пилле (M. M. Pillet) и профессору Хопкинсу (C. Hopkins). Пользуясь случаем, хочу выразить мою искреннюю благодарность за столь деятельное участие.

Я не могу претендовать на то, что дал в этой книге окончательную и полную картину караванной торговли вообще или жизни некоторых караванных городов в частности. Рассмотрение караванной торговли

связано с многочисленными проблемами по экономике, географии, климату и истории, которые никогда не были полностью исследованы и которые ни один ученый не рассматривал в такой связи. Соответственно раздел, который я посвятил истории караванной торговли на Ближнем Востоке, не более чем очерк, план большой работы, которую в будущем предстоит выполнить кому-нибудь другому.

Разделы, посвященные караванным городам, так же несовершенны. Мой выбор этих городов случаен. Он основан не на исторической значимости рассмотренных городов, а на количестве доступных сведений или, если быть более точным, на уровне сохранности руин. Например, очевидно, что в Сирии такой город, как Дамаск, имеет более долгую и более поучительную историю как караванный город, чем Пальмира, а в Заиорданье Амман больше и важнее, чем Джераш. В северной Сирии история Алеппо спустя столетия более поучительна, чем история Дуры. Но от истории этих важных городов сохранилось так немного, а то немногое, что сохранилось, так фрагментарно по своему характеру, что представление, которое мы можем составить, неизбежно будет неполным. В Дамаске, например, следы караванных путей, храм и караван-сарай по-прежнему заметны, но старое так закрыто новым, что топография древнего города становится понятной только тогда, когда ее изучают в связи с Петрой и Пальмирой. А Амман — новый город, который постоянно растет, и поэтому никогда не будет полностью раскопан. Еще сложнее реконструировать топографию Алеппо, который до сих пор еще не исследован. Именно такие соображения предопределили мой выбор; пусть читатель судит, правильно ли я поступил.

Наконец, я должен сказать несколько слов о моем подходе к рассмотрению отдельных городов. Сирия, Палестина и Аравия вступают сейчас в период систематических исторических и археологических исследований, и возможно, что вскоре они прольют новый свет на караванные города, которые рассматриваются в этой книге. Критик может спросить: зачем в таком случае я спешу делать выводы? Почему бы мне не подождать появления новых фактов, на основе которых можно будет сделать менее спорные реконструкции? Такой вопрос закономерен; археологические исследования часто дают лишь общий план развития поселения, имеющего большое значение. Для того чтобы поиск был как можно более простым и удовлетворительным, важно представить точный объект исследования. Я не считаю, что дал исчерпывающий обзор тех исторических проблем, к которым обращаюсь на этих страницах, однако уверен, что направление исследования, которое здесь указал, правильно, что историческое значение многих сирийских городов только выиграет от того, что станет известно, что они были городами осо-

бого типа, и когда их развитие в качестве караванных городов будет вполне осмысленно.

Еще несколько слов о библиографическом приложении. Я никогда не публиковал книг без выражения своей признательности тем, кто прежде меня рассматривал какую-нибудь отдельную проблему, — это мой принцип. Я прошу прощения, что не мог сослаться на все древние источники и современные книги и статьи, которые использовал. Если бы я поступил таким образом, то полностью изменил бы характер книги. Поэтому я ограничился упоминанием тех книг и статей, в которых читатель может найти процитированные или опубликованные источники и которые содержат подробную и современную библиографию.

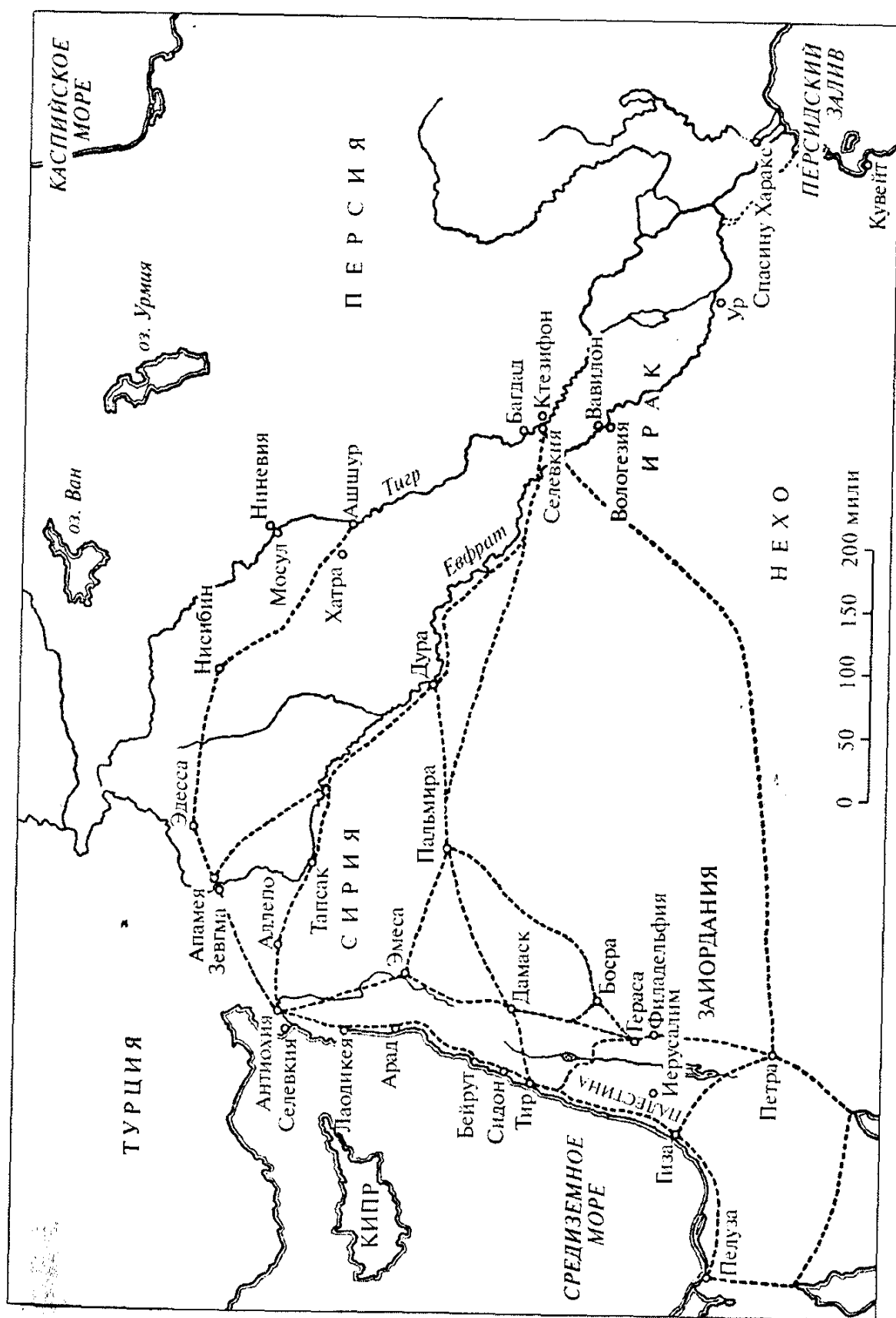
М. Р.

I

КАРАВАННАЯ ТОРГОВЛЯ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Что я имею в виду, говоря о «караванных городах»? Прежде чем ответить на этот вопрос, я должен напомнить несколько общеизвестных фактов, и начать, рискуя говорить об общеизвестном, с конфигурации Сирии и Финикии, Палестины, Месопотамии и Аравии (см. карту 1). Огромный четырехугольник Аравийского полуострова с юга омывается океаном, с востока и запада двумя бухтами океана — Персидским заливом и Красным морем. За исключением небольшой плодородной полосы на юго-западном побережье Аравии, так называемой Arabia Felix, и нескольких оазисов, Аравия — страна сплошной пустыни. На севере возвышенности и горы Палестины, Финикии, Сирии, Малой Азии и Иранского плато образуют границы пустыни и полумесяцем окаймляют ее. Снега и обильные дожди, которые выпадают в горах Ливана, Тавра и на Иранском плато, питают ряд крупных и мелких рек, как Иордан, Оронт, Евфрат, Хабур, Тигр, а они, в свою очередь, создают богатые плодородные равнины. Плодородие, обусловленное реками и частыми дождями, освежающие морские бризы превращают прибрежную полосу Средиземного моря — приморские Палестину, Финикию и Сирию в почти непрерывный пояс естественных садов и богатых полей. За областями побережья эти же реки и дожди отняли у пустыни широкий полумесяц орошенной или полуорошенной земли, превратив ее в богатейшие пастбища для кочевого населения пустыни и потенциальную ниву для оседлого населения. Более того, бурные потоки Тигра, Евфрата и Хабура и их притоков могут быть обузданы и использованы местным населением для орошения и завоевания у пустыни значительных полос земли вдоль крутых берегов этих рек. Наконец, вместе Тигр и Евфрат создали богатейшую аллювиальную Дельту, известную как Южная Месопотамия. Если за этой дельтой как следует следить, дренировать и орошать, она может из пустыни и болота превратиться в богатейшие сады, плодородное поле и восхитительное пастбище.

Такова была конфигурация Ближнего Востока в древности, такой же в общих чертах она осталась и теперь. Историческое изучение климатологии, предпринятое главным образом моим коллегой по Йелю

Карта 1. Ближневосточные торговые пути

(Yale University) профессором Элсфортом Хантингтоном (Elsworth Huntington), установило факт, что в древности полоса обработанной земли на границе пустыни имела различные размеры. Этот так называемый плодородный полумесяц изменялся в зависимости от увеличения и уменьшения влажности в этой местности; так что в периоды влажности земледелие и скотоводство были возможны на огромных пространствах, а в период сухости они превращались в бесплодную пустыню. В периоды влажности кочевое население пустыни не только численно возрастало, но становилось также оседлым. Но наступал новый период сухости, и население пустыни от голода нападало на процветающие общины оседлого населения, жгло и громило труд людей и самих людей, а когда эта разрушительная работа завершалась, он сменялся новым периодом влажности. Затем процесс завоевания и окультуривания пустыни начинался вновь.

С точки зрения местных и частных процессов историческая климатология, несомненно, права во многом; те изменения, которые я описал, целиком были следствием климатических условий. Однако не столько климат, сколько люди виноваты в полном запустении, которое царит в когда-то цветущей Месопотамии. То же самое верно относительно многочисленных, некогда цветущих городов по берегам Тигра и Евфрата и их притоков, которые лежат теперь в руинах. На этой земле люди потеряли навыки к организованной, целесообразной работе, когда-то приобретенной в вековой практике, и поэтому там, где когда-то цвели сады, плодоносили поля и находились богатые пастбища, мы видим теперь только запустение. Человек, а не природа создал каналы, дамбы, оросительные системы, без которых никакая цивилизация в долинах великих рек Ближнего Востока не выжила бы.

Такова характеристика, которая в мировой истории вряд ли сулит славу той стране, о которой я говорю. Правда, некоторые ее области не только производили достаточно продуктов для населения, но были в состоянии вывозить прибавочный продукт. Однако для этого населению нужны были как организованные земледелие и скотоводство, так и более или менее организованная система торговли. Трудно сказать, что в стране, которая производит, старше — производство или обмен, так как нам неизвестны периоды в истории человечества, которые не знали бы обмена. Обмен так же стар, как и производство, а стадия замкнутого домашнего хозяйства — плод воображения теоретиков-экономистов.

Ближний Восток был идеальной страной для развития обмена. Его восточные области пересечены с севера на юг двумя великими реками — Тигром и Евфратом, и хотя они никогда не были особенно судоходными, а движение по ним никогда не было оживленным, на их берегах так удачно сочетались растительность и вода, что они являлись

естественными торговыми путями. На западе, в Египте, более спокойный и более судоходный Нил, который течет с юга на север, тоже был хорошим средством для перевозки товаров.

Наконец, Аравийская пустыня, которую не следует рассматривать ни как мертвое пятно на карте Земли, ни как границу культурной жизни. Пустыня, как и море, не только разъединяет, но и соединяет, так как она — широкая открытая дорога для торговли. Она даже сама создала носителя этой торговли, «корабль пустыни» — верблюда. За пределами Аравийской пустыни, на востоке, ширится благословенное плато Ирана, а за ним и за Персидским заливом лежит Индия с ее сказочными богатствами. На западе Красное море столько же разделяет, сколько соединяет Аравию с другой сказочной страной — Центральной Африкой, с ее дорогими и экзотическими товарами; наконец, на севере пустыню связывает с богатейшим Египтом Суэцкий перешеек, а со Средиземноморьем — Грецией, Италией, Испанией — ряд превосходных гаваней прибрежных Палестины, Финикии и Сирии.

Как только в дельтах Тигра и Евфрата и в дельте Нила зародились древнейшие в мире цивилизации, как только они стали расти и развиваться, со всех сторон потянулись караваны в Вавилонию и Египет. Сначала — ближайшие соседи: арабы пустыни и обитатели Иранских гор. Шли вереницы верблюдов, северных сородичей одnogорбых изящных дромадеров Аравии, везли товары из-за гор Ирана. С севера, из северной Сирии и Малой Азии караваны тяжело нагруженных ослов двигались вниз по долинам Евфрата и Тигра. В это же время первые корабли с товарами стали бороздить моря, везя товары из Египта и с берегов Персидского залива, из Южной Аравии и с побережья Индии.

Эти корабли и караваны были нагружены тем, чего не хватало Вавилонии и Египту, — товарами, которые с каждым днем превращались все в большую и большую потребность, а не роскошь для культурного человека. Они были нагружены камнем и деревом для возведения храмов, дворцов и городов, медью для производства оружия, сельскохозяйственных и ремесленных инструментов, золотом и серебром, слоновой костью, драгоценными камнями и ценными породами дерева, самоцветами, жемчугом, благовониями для богов и людей, духами и притираниями, которые всегда ценились людьми Востока, и пряностями для их кухни. В Сирию и Каппадокию, на Иранское плато и в Индию, в Южную и Центральную Африку цивилизация слала в обмен свои новые товары: металлические изделия, главным образом оружие, цветные ткани, стеклянные бусы, вино, финики, растительное масло и хлеб — продукты, которые были особенно необходимы для полуголодных бедуинов пустыни. Вскоре подобные отношения возникли и между цивилизованными странами, так как им невозможно

было избежать обмена своими наиболее новыми товарами. Так, Вавилония посылала свои новинки в Египет, а Египет свои — в Вавилонию; Индия экспортировала свои товары в Вавилонию, а Вавилония свои — в Индию.

Недавние раскопки в Вавилонии и Египте дошли до самых низших слоев поселений и выявили предметы из храмов и дворцов, домов и гробниц, которые датируются ранними этапами цивилизации. Среди них имеются также наиболее ранние на сегодняшний день письменные тексты. Как предметы, так и тексты говорят нам о том, что даже в это время древнейшие города-государства Шумера в Месопотамии были связаны с далекими странами караванами: с Египтом — на западе, с Малой Азией — на севере, с Туркестаном, Систаном и Индией — на востоке и юго-востоке. Находка похожих печатей в Индии в Хараппе и в Мохенджо-Даро и в Вавилонии в Уре, древние золотые предметы шумерийского типа в Астрабаде на Каспийском море, сходство типов медного оружия и посуды в Египте, Вавилонии, Сирии и Иране являются подтверждением этого факта. Количество совпадений не только в предметах повседневного обихода, но и в декоративных мотивах Египта и Вавилонии показывает тесные связи между этими двумя странами. Еще более показательный пример древней внешней торговли обнаружен при анализе находок из гробниц додинастического периода в Уре и Кише. Великолепные предметы из золота, серебра, меди и различных видов дерева, инкрустированного драгоценными камнями, были найдены в удивительном изобилии, причем материалы, из которых они изготовлены, не местного происхождения. Они были импортированы издалека, и львиная доля импорта принадлежала караванной торговле.

С течением веков цивилизация охватывала все более и более обширные пространства. Причиной этого были Саргон и Нарамсин, цари Аккада в Вавилонии, которые в III тысячелетии до н. э. создали первую известную человечеству обширную империю. Они сформировали ее, объединив Западную Азию в единое государство, проводя политику, которой затем следовал Ур-Намму из III династии Ура. Это позволило им не только укрепить уже существующие линии соприкосновения различных областей с империей, но также установить новые отношения со своими соседями на севере, юге, востоке и западе. Наиболее важным результатом этой политики было тем не менее появление большого количества торговых городов в долинах и равнинах «плодородного полумесяца», которые превратили в крупные городские центры прибрежные поселения Палестины, Финикии и Сирии. Появились города в Малой Азии, началась торговля с европейским побережьем Средиземного моря, где ощущалась потребность в подобных торговых путях.

Потребление товаров Индии, Аравии и Африки становилось все более значительным, и торговые сношения с Аравией и через Аравию с Индией и Африкой, с одной стороны, и с Иранским плато — с другой, постепенно становились все более тесными и приобретали целесообразный характер.

У тех, кто стал профессиональным торговцем, появились деловые навыки, развилась торговая сметка, постепенно развивалось гражданское и торговое право. Сначала оно было основано на обычае, а позже превратилось в писаное право, которое на заре цивилизации мы находим в Вавилонии не только писаным, но даже кодифицированным. Мы знаем теперь, что свод законов Хаммурапи (около 1900 г. до н. э.) был не первой попыткой кодификации уголовного и гражданского права. III династия Ура, следовавшая империалистическим устремлениям Саргона, создала такой свод законов, который, вероятно, предназначался для применения во всей империи, хотя уже около 3000 г. до н. э. существовали тысячи контрактов и договоров самого разнообразного характера на старейшем из известных нам языков — носителей права — шумерском. Суть законов, использованные формулировки, контракты и договоры, которые являются свидетельством для всех тех, кто изучает подобного рода документы, остались практически неизменными со времен Саргона до времен первых греков и позже, когда римское право проникло на Ближний Восток.

Как видно из недавно обнаруженного фрагмента древнего ассирийского свода законов, восходящего, вероятно, к XV в. до н. э., со временем территории за пределами Шумера и Вавилонии приобщились к праву и к отношениям, основанным на тщательном определении прав. Другой свод законов несколько более позднего времени принадлежит великой Хеттской державе в Малой Азии, превратившейся в культурное и хорошо организованное государство в первые столетия II тысячелетия до н. э.

Обмен является предшественником торгового права, однако закон, в свою очередь, регулирует обмен, делает его более цивилизованным и устанавливает для него широкие рамки. Открытие в Кюль-Тепе в Каппадокии на севере Малой Азии, в районе позднего Мазака, сотен очень ранних документов частногоправового характера является отличным подтверждением этого. Документы рассказывают о систематическом использовании серебряных и медных рудников Каппадокии и Киликии совместными усилиями местного населения и некоторых иммигрантов с юга, которые могли быть предприимчивыми колонистами из периферии Шумерской империи, ранней Ассирии. Эти колонисты появились здесь не позднее первой половины III тысячелетия до н. э. и вскоре стали деловыми лидерами этой области. В то же самое время полити-

чески они зависели одновременно от Ассирии и от Шумеро-Аккадской империи. Металлы, добывавшиеся в этих рудниках Малой Азии, шли вниз по Евфрату в Месопотамию и по караванным дорогам в финикийские порты, особенно в Библ. Оттуда их в форме массивных колец везли в Египет.

Каппадокийские документы выявили много интересных фактов об организации и развитии караванной торговли. Мы не можем здесь подробно говорить об этом, хотя знаем, что большая часть документов является архивами важных торговых и банкирских домов. Эти дома снаряжали и финансировали большие караваны, в основном из ослов, которые отправлялись на юг и юго-запад. Таблички рассказывают нам о сложных деловых предприятиях и о развитой законодательной и гражданской процедуре того времени, так же как и о регулярной и упорядоченной работе, которую проводили специальные правовые органы. Из прочитанного ясно, что за этими документами — тысячелетия организованного обмена и что закон, которым они руководствовались, тоже развивался на протяжении тысячелетий. Вавилония заложила основы этого развития, однако то, что мы находим в Малой Азии относящимся к III тысячелетию до н. э., — ново и оригинально. Фактически система влияла на всю жизнь Малой Азии, так же как Сирии и стран, связанных с ними.

Закат империй Аккада и Ура привел к периоду политической анархии, результатом которой стала автономия мелких государств. За этим, в свою очередь, последовало новое объединение под предводительством западносемитской династии Вавилонна, династии, которая известна царем Хаммурапи. В течение этого периода политическая и экономическая жизнь древнего мира стала крайне сложной, хотя Вавилония по-прежнему оставалась ведущей силой.

Одно из величайших достижений шумерско-вавилонской культуры в области торговли относится к этому времени, т. е., точнее говоря, к концу III тысячелетия до н. э. Это было введение металлической единицы обмена, которая появилась отчасти благодаря удивительному развитию стандарта частной жизни и отвечала за постоянное увеличение сложностей в жизни цивилизованного человечества. Эти кусочки металла были прямыми предшественниками чеканной монеты, впервые появившейся в Малой Азии и Греции в VII в. до н. э., двумя тысячелетиями позже. Обмен основывался на серебряной «мине» и ее составляющей — «сикле». Это новшество было отчасти делом частных купцов (первых банкиров-торговцев в истории), а отчасти — государства.

Таким образом, все события того времени вели к большему развитию и более надежной организации караванной торговли. Бедуины пустыни и обитатели предгорий верховьев Евфрата или Тигра, население

Иранского плато и Малой Азии — все, кто прежде был только пастухом и разбойником, теперь стали купцами и деловыми людьми. Караван стал организацией, своеобразным и строго регулируемым миром в себе, таким же, каким он является и по сей час, так как железные дороги и автомобили не положили пока конец его своеобразному существованию.

Когда Вавилонское царство было живо и сильно, прочно владело устьями Тигра и Евфрата, когда его крупнейший соперник — Египет, находившийся далеко на западе, стал политически сильнее и создал удивительную цивилизацию, товары Индии и Аравии нашли себе великолепный рынок как в Месопотамии и странах, которые от нее зависели, так и в Египте.

Иногда индийские товары доставляли в Вавилонию по морю из индийских портов прямо в устье Тигра и Евфрата. Чаше они прибывали в один из аравийских портов, обычно в Герры на западном побережье Персидского залива; оттуда арабы-кочевники на спинах верблюдов и ослов доставляли их в Вавилонию. Товары, произведенные в *Arabia Felix* и купленные затем юго-западными арабами за Баб-эль-Мандебским проливом в Африке, или приходили через пустыню в те же самые Герры, а оттуда в Вавилонию, или на кораблях везли вдоль побережья в Герры или прямо в устье Тигра и Евфрата.

Другие важные дороги, проходившие через пустыни, вели в Египет. Юго-западные арабы посылали свои собственные товары, товары из Индии и Африки на север, вдоль восточного берега Красного моря и затем через Синайский полуостров в Египет. Или же герреи (геррейцы) перевозили те же самые товары и, возможно, некоторые товары из Вавилонии сначала в богатый оазис Тема в самом центре Аравийской пустыни, а затем из этого оазиса — на одну из стоянок прибрежной дороги вдоль Красного моря в Египет.

В эти древние времена сухопутные дороги были предпочтительнее морских. Море не любили, и ему не доверяли, пользовались им постольку, поскольку без него нельзя было обойтись. Верблюды и пустыня казались относительно более безопасными и внушающими больше доверия средствами перевозки, чем корабли, поэтому благодаря в основном караванам товары из Индии, Аравии и даже Центральной Африки шли из Аравии в Вавилонию, Сирию и Египет и даже дальше на север и запад.

Не удивительно, что эта регулярная и прибыльная торговля с Вавилонией, Египтом и зависимыми от них государствами (все цивилизованные государства) вела, как это было прежде в Каппадокии, к созданию организованных государств и своей собственной высокоразвитой цивилизации в Аравии. Как и прежде, наши знания о культуре Восточной

и Южной Аравии скудны. Однако мы хорошо знакомы с герреями на востоке, с населением Хадрамаута, Катабании или с населением царств сабейцев и минейцев на южном и юго-западном побережье. Последние правили той плодородной частью земли, которая даже в древности носила название Arabia Felix. Недавние путешествия многочисленных европейских ученых по этой сказочной земле выявили тысячи надписей и позволили нам ознакомиться с удивительными постройками, воздвигнутыми этими людьми, которые включают города, фортификации и храмы. Но здесь, как и в большинстве других случаев, когда не было проведено систематических раскопок, мы по-прежнему сталкиваемся со сложными проблемами, главной из которых является хронология. Как бы то ни было, мы можем точно сделать вывод, что в Южной Аравии начало порядка и цивилизации, письменности и строительства уходит в далекое прошлое, вероятно, во II тысячелетие до н. э.

Вполне вероятно, что более раннее культурное развитие Аравии было связано с герреями и минейцами, т. е. с людьми, которые благодаря географическому положению контролировали одни — восточные, другие — западные караванные пути. Похоже, что катабанцы и население Хадрамаута играли менее значительную роль в истории мировой торговли, в то время как сабейцы, соседи минейцев, пережили такое соперничество еще раньше.

Шли века, Вавилонская империя Хаммурапи пала, на Ближнем Востоке установилось так называемое «равновесие сил». Культура и торговля Вавилонии перешли в руки крупных и мелких городов и государств Ближнего Востока; ее преемниками были индоевропейское государство Митанни, попеременно могущественная и бессильная Ассирия, арийская Хеттская империя, крупные торговые города в Северной Сирии и среди них особенно Алеппо и Дамаск, города финикийского побережья. Египет тоже претерпевал изменения; после временного подчинения так называемым гиксосским правителям из Сирии он создал в середине II тысячелетия до н. э. Египетско-азиатскую империю великой восемнадцатой династии, которая просуществовала достаточно долго для того, чтобы оставить глубокий след на будущем развитии культурной и торговой жизни.

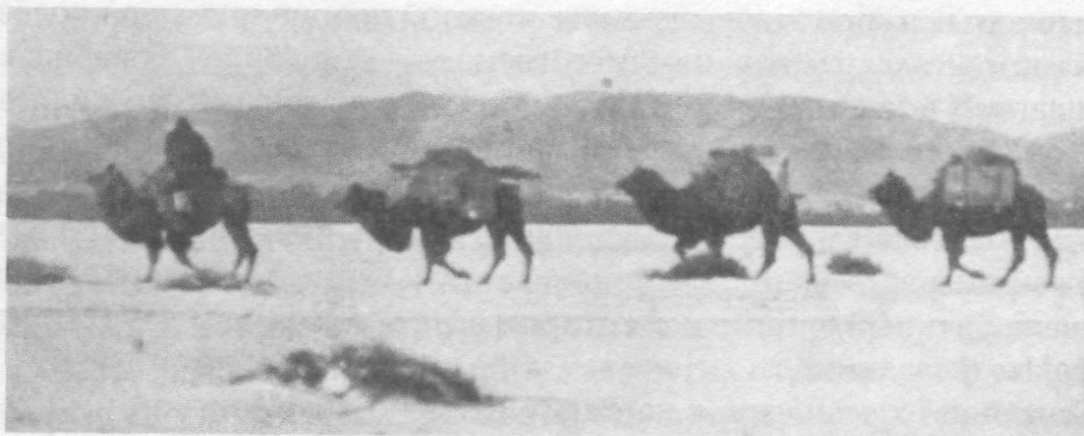
Впервые в истории цивилизованного человека Запад теперь объединился с Востоком в единое царство, и вавилонский образ жизни слился с египетским. Впервые в истории торговля стала набирать обороты между областями, которые находились в границах единой великой империи, власть которой распространялась не только на Ближний Восток, но также на Кипр и Крит. Поэтому не удивительно, что караванная торговля развилась в это время с необычайной энергией и что различные государства, участвовавшие в «равновесии сил» во II тыся-

челетии до н. э., боролись, стремясь превзойти друг друга великолепием жизни в них, красотой и величием построек, совершенством своего военного снаряжения. Свидетельством этого является дипломатическая переписка того времени. Очевидно, например, что Тутмос III, который с таким удовольствием говорит о том, что ассирийцы преподнесли ему персидскую ляпис-лазурь вместо похожей вавилонской в качестве дани, воспринимает культурный мир того времени как целое, единый организм, в котором все тесно связаны друг с другом торговыми связями.

В начале I тысячелетия на смену Шумеро-вавилонской империи, Египетской империи и недолговечной Хеттской пришла Ассирийская, а Ассирия, после кратковременного соперничества с Вавилонией, в свою очередь, уступила место могущественной Персидской империи. В течение всего этого периода торговля, и особенно торговля караванная, находились в состоянии постоянного развития и постепенно все более и более организовывались. Именно караванной торговле обязаны своим великолепием Алеппо и Дамаск, наиболее процветающие на Ближнем Востоке города, и именно эта караванная торговля позволила финикийским городам Тир, Библ и Арад встать на путь их беспримерного в истории торгового развития.

История внешних торговых сношений и постепенного сосредоточения караванной торговли в Ассирийской и Персидской империях еще не написана, хотя современные ученые тут и там отмечают разрозненные факты, свидетельствующие об этом. Тем не менее имеются точные свидетельства о том, что Ассирия играла огромную роль в ее развитии. Мы знаем, что в Ассирии существовали специальные ассирийские итинерарии не только для армии, но и для купцов. Эти итинерарии, составленные, видимо, по картам, картам очень древним, как доассирийским, так и ассирийским, дошли до наших дней и, несомненно, являются теми картами, которые заложили основу греческой картографии. Как итинерарии, так и карты этого времени стали следствием существования высокоразвитой системы дорог, и мы знаем, что ассирийские цари создали такую систему в основном для военных нужд. Однако система, которая годилась для армии, была пригодна и для купцов, которые могли выбрать безопасные и охраняемые дороги через пустыню или вдоль горных хребтов. Доходы купцов возросли благодаря тому, что вдоль дорог появились колодцы, а солдаты стали передавать новости из одной части страны в другую (см. рис. I, II).

Развитие и увеличение надежности караванной торговли под покровительством могущественных ассирийских монархов видны потому, что новые, более прямые дороги стали теперь наиболее безопасными для перемещения караванов. Сведения о городе Тадморе, который

1

2

3

Рис. I. Современные караваны:

1 — часть каравана господина Уоррена (Warren) после снежной бури в пустыне Гоби (с разрешения господина Уоррена); 2 — часть каравана М. Н. Рериха в Центральной Азии (с разрешения Roerich Museum Press); 3 — караван, идущий из Петры в Египет по южной дороге и пересекающий Вади Тейгера (с разрешения госпожи Конвей (A. E. Conway))

позже стал известен под названием Пальмира, впервые появились в ассирийских документах этого времени; мы знаем о нем, например, из надписей Тиглатпаласара I и Ашшурбанипала. Это свидетельствует о том, что в то время, а возможно даже раньше, караваны обычно шли из устья Евфрата через пустыню в Дамаск, следуя в основном по той же самой дороге, которая позже использовалась караванами или автомобильными конвоями, и вела из Дамаска в Багдад. Возможно также, что прямая дорога из Ниневии к устью Хабур и оттуда через Пальмиру в Дамаск тоже используется до сих пор.

Организованная караванная торговля не ограничивалась пределами Ассирийской империи. Царские надписи, датируемые временем Тиглатпаласара III и Саргона, надписи и барельефы Ашшурбанипала (из Ниневии) показывают, что серия походов в северные области Аравии позволила ассирийцам заставить минейцев и сабейцев признать их власть над собой. Хотя эти царства никогда не были вассалами Ассирии, они подчинились ее воле, и от времени и до времени они посылали дары — неофициальную дань ассирийскому царю.

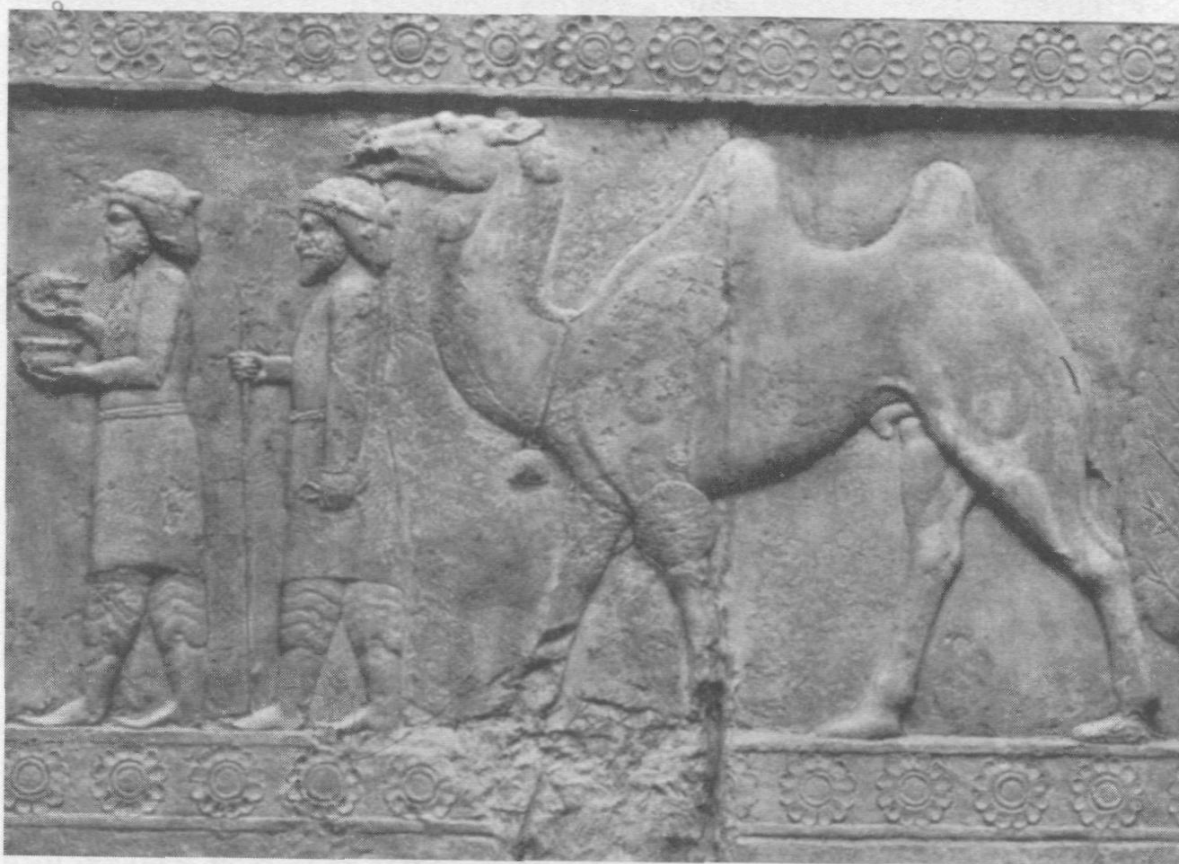
Несомненно, что эти дары были менее значительными по сравнению с выгодой, которую арабы юга извлекали из организации безопасной торговли с Ассирией. Этим временем мы, вероятно, можем датировать их расцвет, о котором свидетельствуют руины их городов, особенно сабейской столицы Марибы. Тысячи надписей самого разного содержания, наиболее ранние из которых датируются VII, возможно, даже VIII в. до н. э., указывают на значимость Аравии в этот период, даже при том, что они проливают всего лишь слабый свет на наше невежество в этой области.

Для получения более точных сведений нам надо дождаться того времени, когда раскопки можно будет проводить и на территории Аравии. Только тогда мы получим более или менее точную хронологическую последовательность южноаравийских надписей, архитектуры и скульптуры. Тем не менее в свете того, что нам теперь известно, мы полагаем, что библейские истории о сказочном богатстве сабейцев и их могущественной царицы верны и что события, описанные в них, иногда даже кажутся чем-то прозаическим. Так что библейское описание каравана исмаилитов, груженного благовониями, который шел из Гилеада через пустыню в Египет, не кажется таким уж невероятным или невозможным по сравнению с описанием в Книге Царств роскошного подарка, состоящего из ста двадцати золотых талантов, благовоний и драгоценных камней, посланных Соломону сабейской царицей.

Если бы ассирийцы и их наследники нововавилоняне достигли своей цели — контроля над новыми караванными путями, то очевидно, что они нуждались бы в опорных точках, которые делали бы их хозяе-

1

2

Рис. II. Ассирийские и персидские верблюды:
1 — дромадеры из Аравийской пустыни. Барельеф времен Ашшурбанипала
(Британский музей); 2 — верблюды Центральной Азии. Барельеф из дворца Ксеркса
в Персеполе (с разрешения Британского музея)

вами ситуации в Аравийской и Сирийской пустынях. Поэтому не удивительно, что, возможно, именно ассирийцы первыми поняли важность Тадмора-Пальмиры для сирийской караванной торговли и что эдомиты, предшественники набатеев, которые правили в области, ставшей позже известной как *Petraea*, платили дань ассирийским царям. В свете этой политики мы можем лучше понять усилия сначала ассирийских царей, а позже Набонида, известного царя Нововавилонской державы, направленные на то, чтобы контролировать не только Герры, но также и Тема — крупный центр караванной торговли в Центральной Аравии. Набонид даже перенес в Тема свою временную резиденцию и оттуда организовывал походы против аморитов и эдомитов.

Мантیا ассирийских и нововавилонских держав досталась персам, и это объединение всех культурных государств Востока в мощное и прекрасно организованное государство было сильнейшим импульсом для развития персидской торговли. В Персии были превосходные дороги, пересекавшие ее с запада на восток и с юга на север, единая твердая и устойчивая монетная система, золотые «дарики», которые проникали во все уголки средиземноморского мира. Письменные свидетельства говорят о постоянных торговых сношениях Персии с Дальним Востоком — с Индией и Китаем и том влиянии, которое оказало персидское искусство на развитие архитектуры и скульптуры в Индии и на развитие монументальной скульптуры в Китае. Более подробно я исследовал это влияние в моей недавней книге, посвященной бронзовому китайскому тазу эпохи Хань из коллекции Лоу (C. T. Loo).

Несомненно, что Дарий и его преемники не были удовлетворены узкими рамками торговли своего времени и что они стремились расширить поле своей деятельности. Они мечтали о торговле по океану, о прямых сношениях между Индией и Египтом, о прямом морском пути вокруг Аравии и Африки и другом — через Красное море и некоем подобии Суэцкого канала в Средиземное море.

Еще более интенсивный характер имела торговля Персии с Западом, ее связи с миром греческих городов-государств в материковой Греции, на берегах Черного моря, в Италии и Сицилии, с финикийскими колониями в Северной Африке и через них с племенами Юго-Западной и Северной Европы. Главным образом в эти страны вывозились товары караванной торговли, в особенности — предметы роскоши, как, например, благовония, притирания, поделки из слоновой кости и ценных пород дерева, окрашенные в пурпур и шитые золотом ткани и т. д. Финикийские города средиземноморского побережья и греческие города Малой Азии, особенно Милет, находившиеся под персидским контролем, процветали и богатели за счет этой торговли; на протяже-

нии раннего периода Персидской империи богаты были Фригия, а позже — Лидия, что было следствием той роли, которую эти государства играли в качестве посредников между Востоком и Западом; и наконец, но и это не все, мы должны упомянуть, какую огромную торговлю вел греческий Навкратис — предшественник Александрии. Город был основан греческими торговцами на северном побережье Египта в качестве перевалочного пункта между Египтом и Западом. Кроме того, пышный расцвет греческих городов северного побережья Черного моря в VI и V вв. до н. э. начался благодаря не только их торговле с греческими городами Средиземноморья, но и оживленному обмену с Персидской державой, как через Кавказ и Черное море, так и по старым караванным путям, ведущим из Туркестана через степи юго-восточной России к Дону и Пантикапею. В ученых трудах русских археологов влияние персидского искусства в VI и V вв. до н. э. на греко-восточное искусство юга России еще по достоинству не оценено. На Ближнем Востоке, т. е. в Аравии, Месопотамии и Сирии, караванная торговля Персидской империи несколько отличалась от караванной торговли ее предшественниц — Шумерийско-вавилонской и затем Ассирийской держав. Использовались как восточные, так и западные торговые пути. Мы можем предполагать, что среди этих двух путей восточный имел большее значение, в то время как западный, который в основном проходил по Египту, превратившемуся теперь в провинцию Персии, стал постепенно приходить в упадок. Это привело к продолжительному росту некоторых из древних семитских городов Сирийской пустыни: Алеппо, Дамаска, Хамаса (ныне Хамы), Эмесы (ныне Хомеса) и многих других. Каждый из этих городов являлся центром отличающихся по размеру плодородных областей с развитой земледельческой, садоводческой и скотоводческой жизнью. Ни один из них не был «караванным городом» в буквальном смысле этого слова, т. е. городом, возникновение которого было связано с караванной торговлей. Хотя именно караванная торговля сделала их значительными и богатыми.

Мы очень мало знаем об отношениях между Персией и арабами. Некоторые отрывочные сведения показывают, что они развивались в том же направлении, что и в ассирийское время. Так, мы знаем, например, о дани, которую платили Дарию южные арабы, и располагаем текстом, который говорит о минейских купцах, проживавших в Египте. Присутствие таких купцов в одной из стран, импортировавших южно-аравийские товары, вероятно, не было большой редкостью, хотя, несомненно, было следствием развития мирных контактов между Аравией и Персией и авторитета персидских властей, которые разрешали арабским купцам на длительное время селиться на территории Персидской империи, возможно, считая такие визиты обычным явлением. Переписка

еврейского торгового дома из Ниппура, который вел активные дела с халдеями, мидийцами, арамеями, эдомитами и сабейцами, дает дополнительные сведения об оживленном характере караванной торговли этого времени.

Вполне вероятно, что другой важный текст, в котором содержатся сведения о караванной торговле между различными странами Ближнего Востока и Южной Аравии, тоже относится к персидскому периоду. Я имею в виду минейскую надпись из Берагиша, современного Ятила, второй столицы Минейского царства, которая является едва ли не самым важным из обнаруженных на сегодняшний день текстов. В нем говорится о некоторых постройках и жертвоприношениях Athtar-Dhû-Gabdim, которые были совершены за счет неких купцов, торговавших с Египтом, Сирией и Ассирией. Все это они посвятили богу в знак благодарности за покровительство, которое он оказывал их караванам, идущим от сабейцев, во время большой войны. Возможно, что это была одна из войн между Персией и Египтом, или когда последний в 535 г. до н. э. был завоеван, или когда в 343 г. до н. э. одержал победу над Артаксерксом Охом. Другой подобный текст, на сей раз из Маина, столицы минейцев, к сожалению, не содержит даты. Вполне вероятно, что минейцы вели свою торговлю с Персидской державой через собственные военные и торговые колонии (среди которых наиболее значительной являлась современная Эль-Эла) и что они посылали свои товары в Египет или по суше через Газу, или по Красному морю из минейского порта в один из портов Египта. Последний путь мог быть быстро проложен для того, чтобы избежать уплаты налогов набатеям.

Минейские надписи, упомянутые выше, так же, как и некоторые другие факты, указывают на появление новых и независимых центров караванной торговли или в последние годы существования Нововавилонского царства, или в ранние периоды Персидской империи. Я обойду стороной Петру, о которой подробнее будет сказано ниже. Возможно, что в это время набатейские арабы впервые потеснили эдомитов в Петре и стали орудием Персии в ослаблении силы сабейцев, которые очень быстро возвысились и стали слишком богатыми для того, чтобы не вызывать беспокойство со стороны правителей тогдашнего мира.

Однако Персидская держава пала под ударами Александра Великого, а при его преемниках центр тяжести истории переместился с Востока на Запад. Изменились и условия караванной торговли, особенно в Аравии и Сирии. В организации своей Греко-восточной державы Александр следовал, в общем, традициям и обычаям Персии, однако как новатор и как преемник Дария он стремился пойти значительно дальше персов. О его намерениях накануне безвременной кончины мы знаем лишь то, что он хотел укрепить свое положение в Аравии и превратить в вас-

сальные те дружественные отношения, которые существовали между арабами и мировой Персидской империей. Это было причиной двух его экспедиций вокруг Аравии, которые искали пути для его армии и флота. Одна, направлявшаяся строго на запад, обогнула Аравию со стороны Персидского залива, в то время как другая, направлявшаяся прямо на восток, доплыла из Красного моря до устья Евфрата. К сожалению, смерть положила конец этой смелой, но вполне рациональной схеме.

После смерти Александра его держава распалась, а Восток раскололся на ряд государств — частью греческих, частью полугреческих, частью местных. Иранское плоскогорье ушло из-под греческого влияния и превратилось во владения парфянских царей, которые были преемниками персидских традиций; полугреческая Бактрия (Афганистан) жила и развивалась самостоятельно; Индия, которая одно время была персидской сатрапией, а затем провинцией империи Александра, вернула себе самостоятельность. Там возникла могущественная, хотя и временная империя, которая позже распалась на отдельные независимые государства. Западные государства, которые возникли на месте мощной империи Александра, в Греции и на Ближнем Востоке, Сирии, Египте и Македонии находились в состоянии постоянных раздоров или войн друг с другом, а в более позднее время в острую борьбу с ними включились некоторые малоазийские монархии — Пергам, Вифиния, Понт, Каппадокия, Армения. Чуждыми эллинистической культуре были некоторые из старых государств, управляемые более или менее эллинизированными монархами, которые со временем стали удивительно похожими на своих собратьев — царей Ближнего Востока. Такими были цари Боспора Киммерийского, Фракии и Нубии. Из Египта эллинистическое влияние в различной степени проникало как в северные, так и в южные царства Аравии.

Несмотря на это расчленение, рост и развитие цивилизации не остановились, индийские, аравийские и африканские товары продолжали пользоваться большим спросом. Однако вопрос о том, по каким путям пойдет восточная торговля, стал одним из больших вопросов политики эллинистического мира. Монархи Сирии желали монополизировать ее для себя, цари Египта делали все от них зависящее, чтобы направить ее через свои владения и превратить Александрию в крупный перевалочный пункт. Аравийская пустыня приобрела первостепенное значение. Сначала Антигон Одноглазый и его сын Деметрий, завладев Петрой, пытались заполучить прочный плацдарм в Северной Аравии. Затем Селевкиды, цари Сирии, и Птолемеи, цари Египта, мечтали приобрести полный контроль над аравийскими караванными путями (см. рис. III).

Однако ни Александр, ни его преемники не в силах были завоевать Аравию; да и теперь ни англичане, ни французы даже при помощи аэропланов и бронированных автомобилей не в силах сделать это. Однако сегодня там, где бессильно оружие, работает дипломатия. Так было и в эллинистическую эпоху. Пока Селевкиды Сирии твердо контролировали Месопотамию, а Птолемеи Египта — Финикию, Палестину и Заиорданье, создалось нечто вроде *entente cordiale*. В результате Восточная Аравия и караванный путь через Иранское плато отошли к Селевкидам, а западный путь и африканская торговля — Птолемеям. В Месопотамии Селевкиды основали Селевкию на Тигре, которая под влиянием караванной торговли превратилась в один из крупнейших городов мира; на западе — Антиохия на Оронте и два ее морских порта — Лаодикея и Селевкия в Пиерии стали не менее крупными портовыми городами. Та же караванная торговля привела к тому, что Селевком I и Антиохом I было основано большое количество городов на пути из Селевкии в земли герреев, а также из Селевкии на Тигре на Восток. И наконец, торговые соображения вынудили Антиоха III предпринять свой неудачный поход для покорения герреев. С другой стороны, Александрия обязана своим развитием западной дороге и ее ответвлениям в сторону Индии и Африки. Тому же самому влиянию обязано появление нескольких портов на аравийском и большое количество портов на египетском побережьях Красного моря. К этому следует также добавить попытку Птолемея II Филадельфа подчинить или, по крайней мере, изолировать Петру.

С конца III в. до н. э., и особенно во II и I вв. до н. э., обстоятельства вновь изменились. Затем, после затяжной и кровопролитной борьбы, Селевкиды вынуждены были окончательно уйти из иранских стран и даже уступить Месопотамию парфянам. Тем не менее взамен от безнадежно ослабевших Птолемеев они получили их восточные провинции — Палестину и Финикию. Затяжная борьба Сирии с Парфией подорвала наладившуюся караванную торговлю через Иранское плато и Персидский залив, а захват Парфией Месопотамии нанес ей еще более сильный удар. Владычицей этих путей стала Парфия, которая так никогда и не превратилась в сильное или централизованное государство. Она никогда не переставала мечтать о захвате всей Сирии, и поэтому борьба за Евфрат приобрела постоянный характер.

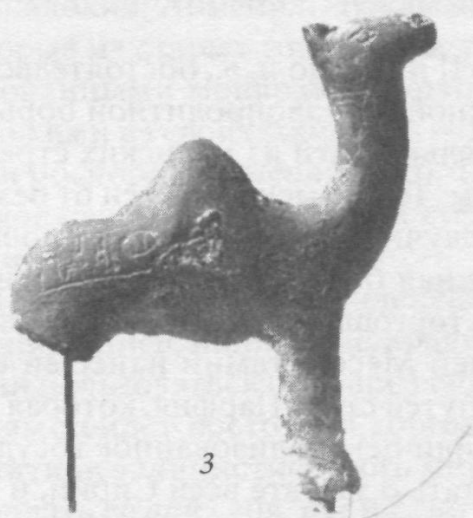
Не удивительно, что поздние Селевкиды утратили интерес к восточным караванным путям через Парфянскую державу и всячески старались освободиться от парфян. Они пытались, насколько это было возможно, направить торговлю Индии и Аравии по другим путям. Пути были не новы; с незапамятных времен по ним велась индо-египетская торговля, направляемая через западную Аравию как в Египет, так и

1

2

3

4

Рис. III. Люди и верблюды в Южной Аравии:

1 — погребальная стела (Лувр, Париж) (*Corpus Inscriptionum Semiticarum*, IV. 2, N 445); 2 — погребальная стела (Бомбейский музей) (*Corpus Inscriptionum Semiticarum*, IV. 2, N 698); 3 — бронзовый верблюд (Британский музей, не опубли.); 4 — бронзовая лошадь (Оттоманский музей, Константинополь) (*Corpus Inscriptionum Semiticarum*, IV. 2. N 507, P. 15)

в Палестину и Финикию. Тем не менее Селевкиды пытались создать новое направление в этой торговле — исключительно в Финикию и Сирию, вместо того, чтобы везти товары в Египет.

Возможно, что в этом они были вполне успешны, по крайней мере, хотя бы в течение определенного времени, как это видно из того факта, что Антиох IV Эпифан мог показать своим подданным во время одного из праздников в Антиохии столько золота, притираний, слоновой кости и благовоний из Индии и Аравии, сколько могли иметь только его наиболее могущественные предки. Этот показ можно сравнить с показом великого Птолемея II Филадельфа или его собственных современников в Египте.

Для того чтобы получить как можно больше от своей торговли с Индией, Аравией и Африкой, у Птолемеев было только одно средство — установление как можно более строгого контроля над Петрой, чтобы не позволить ей полностью попасть под влияние Селевкидов и, что было не менее важно, направлять товары из Индии, Аравии и Африки морским путем в Александрию и в египетские порты Красного моря.

Петра, старый центр северо-арабской караванной торговли, отказалась подчиняться и Селевкидам, и Птолемеям. Пользуясь слабостью обоих, она сохраняла независимые полудружественные отношения с теми и другими для того, чтобы прибрать к рукам контроль над важными караванными путями, ведущими на юг, в *Arabia Felix*, которая прежде, возможно, находилась под властью Птолемеев. Она также пыталась получить выход к морю и так преуспела в этом, что на некоторое время, во II и I вв. до н. э., Айла, современная Акаба на берегу

Комментарий к рис. III.

1. Погребальная стела некоего Игли, сына Саадлати Курана. На верхней части — эпитафия на сабейском языке. Первая полоса занята фигурой покойного, изображенного пьющим вино и слушающим музыку в загробном мире. Вторая полоса изображает его деяния: он запечатлен верхом на коне в роскошной одежде — длинном «бурнусе» и типичном головном уборе (современная кефия). Его лошадь богато убрана. В правой руке у него копье, а перед ним — верблюд. Игли изображен возвращающимся из похода.

2. Погребальная стела некоего Ауасили, сына Заббаявита. Сабейская надпись. Изображен сабейский дромадерий во время похода верхом на своем верблюде.

3. Маленький бронзовый верблюд с сабейской надписью. Вотивный дар богу Вадду.

4. Маленькая бронзовая лошадь с сабейской надписью, посвященная неким Лахиатети солнечному божеству Дхаат Бакдани.

Акабского залива, и Белая Деревня (*Leuse Come*) на аравийском побережье Красного моря стали ее портами. Примерно в это же время или, может быть, несколько раньше Петра вступила в прямой контакт с Парфией, через Герры и полунезависимого вассала Парфии, царство Харакс в горах Тигра.

Последние Птолемеи были слишком слабы, чтобы возобновить агрессивную политику Птолемея II по отношению к Петре, однако что-то делать они по-прежнему могли; они построили множество кораблей для того, чтобы сделать свою торговлю независимой от благорасположения Петры по отношению к ним. Они стали искать пути в Индию, которые пролегали бы мимо аравийских портов. Несколько отважных купцов один за другим пытались сделать это. Мы знаем, например, о двух удачных путешествиях Евдокса Книдского в конце II в. до н. э.; и это были не единичные попытки. Возможно, результатом было то, что во II в. до н. э. один из таких купцов, Гиппарх, открыл муссоны и таким образом сделал возможной прямую торговлю между Индией и Египтом.

Мы знаем, но очень мало, о позднеэллинистическом времени на Ближнем Востоке и о постепенном усилении римского влияния в Сирии, Финикии и Палестине. Главными событиями этого времени были, с одной стороны, усиление Парфии, а с другой — постепенное распространение арабов на север и их растущее стремление к независимости, которое четко проявилось в некоторых областях Сирийской империи и особенно в Иудее. Независимые государства, которыми управляли местные арабские династии севера, появились в Халкисе, Эмесе, Эдессе и, возможно, даже в Пальмире. Точно так же набатеи стали постепенно расселяться в северных областях, а тексты и надписи позволяют предположить, что в начале III в. до н. э. они контролировали все караванные пути между Петрой и Дамаском, а вместе с ними и города, которые находились вдоль этих путей. Интересно заметить, что на юге подобная экспансия не наблюдалась, там набатеи никогда не продвигались дальше Нейда (*Nejd*). Процесс распада Селевкидской державы стал особенно заметным после того, как некоторые из наиболее важных городов, особенно финикийского побережья, добились своей независимости.

Все эти события не могли не повлиять на караванную торговлю, которая теперь стала зависеть также от некоторых новых факторов. Наиболее важным из них является тот факт, что старые пути, которые через северную Сирию вели к Евфрату, теперь были небезопасны, так как попали в руки жадных и недисциплинированных местных династий. Петра, которая теперь в основном контролировала аравийскую караванную торговлю, была вынуждена искать замену прежним центрам караванной торговли в Сирии, а рост Пальмиры как караванного

города был отчасти связан с желанием Петры открыть новый путь из среднего течения Евфрата в Пальмиру, оттуда через Босру в Петру или напрямую, через пустыню — в Дамаск, который полностью находился под ее контролем.

Мы знаем, что после периода анархии, царившей на Ближнем Востоке в конце II — начале I в. до н. э., Помпей взял в руки римлян управление Сирией, Палестиной и Финикией. Для караванной торговли это было началом новой эры, так как рынком ее теперь стал *orbis Romanus*. Теперь для нее были открыты все Средиземноморье и сопредельные страны. В течение долгого внешнего и внутреннего мира (который, однако, ненадолго был прерван гражданской войной, в ходе которой Антоний разделил Сирию и восстановил власть Птолемеев на большей территории юга), начиная со времени Августа, благополучие империи все больше возрастало, а с ним и спрос на привозные товары.

Римляне, как и их эллинистические предшественники, продолжали считать торговлю с Индией и Аравией вопросом первостепенного значения. Этот вопрос достался им в наследство от македонян в необычайно сложном состоянии. Соперничество между цивилизованными державами Запада и их постоянная борьба за контроль над караванными путями подошли к концу, но и арабы, и парфяне остались. Арабы сохранили все свои анархические повадки, существовавшие у них с незапамятных времен, а парфяне оставались не только непобедимыми, но и непобежденными Западом.

Организацию восточной караванной торговли Рим унаследовал от Селевкидов и Птолемеев. Что касается египетской торговли, то Август напугал арабов сначала своей экспедицией в Arabia Felix, хотя и неудачной, но внушившей благоговейный ужас, а затем своими не менее впечатляющими приготовлениями ко второму походу, так и не состоявшемуся; поэтому с тех пор египетским купцам легче было наладить регулярные посещения Индии по морю с заходом, в случае необходимости, в порты Аравии.

В северной Сирии римляне провозгласили себя наследниками позднеселевкидских, а не птолемеевских традиций. Помпей положил конец Набатейскому государству в Петре и таким образом поставил северный торговый караванный путь через Заиорданье под политический и военный контроль Рима. От имени Рима он даровал автономию греческим городам, расположенным вдоль этого пути. Все караванные пути, контролировавшиеся Петрой, которая обеспечивала их безопасность в интересах купцов, остались неизменными, и, кажется, даже сохранилось торговое влияние Петры. Изменения носили исключительно политический характер. В результате нескольких походов, предпринятых против нее, Петра в конце второй половины I в. до н. э. стала вассалом

Рима и на этом все кончилось. Города, которые располагались на караванных путях севернее Петры, вступили теперь в период бóльшего процветания, так как римляне, опираясь на всю свою военную мощь и опыт управления, впервые в истории Сирии сделали движение по этим путям абсолютно безопасным. Так обстояло дело в Босре, Канате, Филадельфии (Амман), Герасе (Джераш). Тот факт, что вышеназванные города вступили в этот период в полосу процветания, подтверждается тем, что караванные пути, ведущие из Филадельфии в Дамаск и из Филадельфии в Палестину через крупный город Скифополь, проходили через Джераш; очевидно, что римляне обеспечивали безопасность этого пути. Египту остались морской транспорт и та часть караванной торговли, которая предпочитала египетский путь, проходящий через Петру, заиорданскому.

Решение восточной проблемы было еще более сложным и трудным. Несмотря на все дорогостоящие усилия, Риму не удалось сломить Парфию. Так что ради караванной торговли он обратился к дипломатии и добился молчаливого, а может быть и письменного, согласия Парфии по этому поводу. Результатом стала Пальмира. Первоначально непримечательная деревня в одном из пустынных оазисов, библейский Тадмор, Пальмира в позднеэллинистическое время превратилась в быстро растущий центр караванной торговли, находящийся под защитой Петры; теперь она стала не только сильным нейтральным государством, но также наиболее значительным торговым центром между римской Сирией и Парфией. Ни Рим, ни парфяне не считали контроль или обеспечение безопасности на более северном сирийском пути легким делом, поэтому они пришли к согласию выбрать пустынную дорогу через Пальмиру как более короткую и дешевую альтернативу. Караваны шли с низовьев Евфрата и Иранского плато через Дуру, сильную парфянскую крепость. Отсюда вместо того, чтобы направляться дальше на север вдоль Евфрата, они направлялись по пустынной дороге к Пальмире, затем через Дамаск, или Хамас, или Эмесу в Алеппо или города Финикии и Сирии. О сказочном росте Пальмиры и Дуры в I в. до н. э. мы скажем позже.

Мы мало знаем об истории караванных путей после того, как Августом и Тиберием были заложены основы римской политики на Сирийском Востоке. Тем не менее мы знаем, что преемники Тиберия — Калигула, Клавдий, Нерон вернулись к политике Помпея, политике, которую Август, а еще больше Тиберий, хотели прекратить. Эта политика состояла в том, что Ближним Востоком управляли от имени вассальных царей. В свете такой политики мы легко можем понять заявление св. Павла и надпись, относящуюся к 93–94 гг. о власти, которую распространили на Дамаск набатейские цари. Возможно, что они рас-

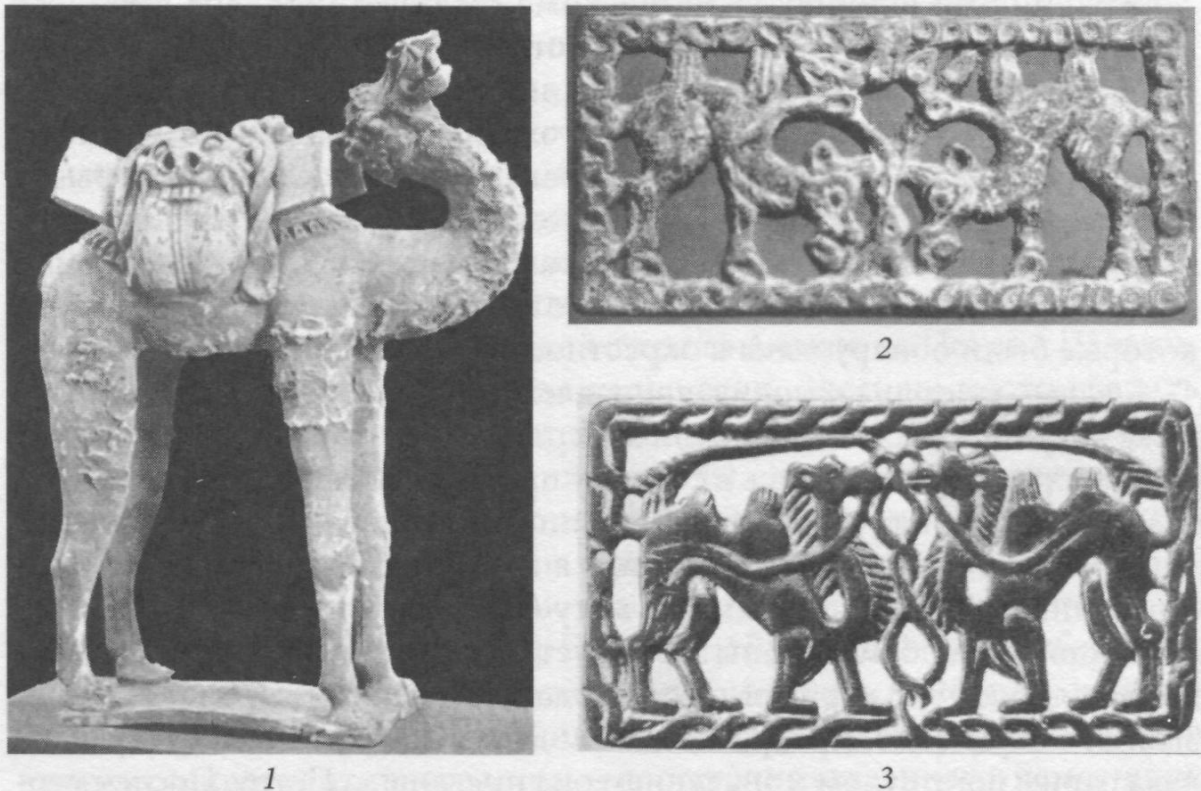

Рис. IV. Верблюды китайских караванов:

1 — верблюд, груженный двумя торбами. Китай. Эпоха Тань (с разрешения музея Пенсильванского университета, Филадельфия); 2, 3 — центральноазиатские двугорбые верблюды. Две бронзовые поясные накладки. Династия Хань (время ранней Римской империи (коллекция Лоу) (Париж, не опубл.)

пространили эту свою власть на все северные караванные пути из Петры, проходящие через Дамаск, прямо к портам сирийского и финикийского побережья.

С Флавиев и Траяна в жизни Аравии и в восточной торговле начинается новый период. После урока, данного Флавиями Палестине, — взятие и разрушение Иерусалима, когда почти все римские вассальные государства были превращены в римские провинции, престиж Рима был высок. Риму казалось, что не стоит далее идти по пути компромисса, дипломатии и полумер. Вассальные Петра и Пальмира казались анахронизмом. Траян аннексировал Петру и натянул вожжи в Пальмире. Бурная строительная деятельность опутала Сирию и Северную Аравию сетью превосходных мощеных дорог. Широкие дороги с великолепным покрытием связывали Эланитский залив с Петрой, а Петру — с крупными торговыми центрами Сирии и Палестины на путях к Амману, Джерашу, Босре. Даже через дику Леджу к воротам Пальмиры шла прямая и ровная дорога, которую можно видеть и сегодня (рис. IV).

Аравийская военная граница Рима была установлена Траяном, укреплена военными лагерями, крепостями, большими и малыми башнями, защищавшими новые провинции от врагов, вдоль нее располагались колодцы (*hydreumata*), которые охранялись солдатами. Вероятно, такие военные посты защищали и караванный путь к югу от Петры, на протяжении веков находившийся под военным покровительством этого города, так как только таким образом я могу объяснить votивные надписи римских всадников, особенно людей из корпуса дромадериев, которые были обнаружены в окрестностях Эль-Эла.

Босра — еще одна колония, принадлежавшая набетеям Петры, теперь тоже вступила в тот великолепный период своего процветания, в течение которого превратилась в столицу провинции Аравия, где располагалась резиденция губернатора провинции, и большой растущий центр караванной торговли. К сожалению, я не ездил в Босру изучать ее великолепные руины и поэтому не могу описать их из первых рук. Они представляют собой любопытное сочетание римского военного лагеря и настоящих черт караванного города. Несомненно, что во II в. н. э. здания Босры были прекраснее, чем здания Петры, а в последующие века своим богатством и значением она превзошла Петру. После смерти Траяна этот город вступил в период относительного упадка, так как караванное движение предпочло дороге, проходящей через Петру, другую, более короткую, шедшую мимо нее. Постепенно ее купцы вынуждены были прекратить торговлю или эмигрировать в Босру.

Казалось, что Траяну и его преемникам надолго удалось стабилизировать политику в области караванной торговли и караванных городов. После Петры настал черед Пальмиры, и она сделалась, по крайней мере номинально, городом Римской империи. На процветании караванных городов эта новая политика отразилась благоприятно, а II и III вв. н. э. — время высшего их расцвета.

Затем последовала анархия III в., когда внутри самой Империи царили война и разрушения. В Сирии все изменилось. Вместо парфян появилась новая Персия, которая была возрождена под властью Сасанидов, на Евфрате начался новый период войн. В Сирии царила анархия; на троне один за другим менялись императоры, местные шейхи осмелели и вновь взялись за привычный им грабеж. Торговля замерла, и некому было ее оживить и защитить. Римские легионы уничтожали друг друга и были бессильны в борьбе с персами, сирийскими восстаниями или арабами. Караванные города сами пришли себе на помощь. Самый богатый и сильный, самый независимый из них, Пальмира, пытался объединить в одном государстве все караванные пути, всех участников караванной торговли. Пальмира, караванный город, пыталась создать на базе караванных городов единое караванное государство, и на корот-

кое время это удалось сделать. Эта политика и ее крах связаны с именами Одената и Зенобии — знаменитой царицы Пальмиры.

Тем не менее мощь Рима была восстановлена Аврелианом и Диоклетианом, и он не хотел и не мог отказаться от контроля над Востоком. Пальмира и ее недолговечная империя пали, а в истории Древнего мира начался новый период. Это было начало византийской эпохи.

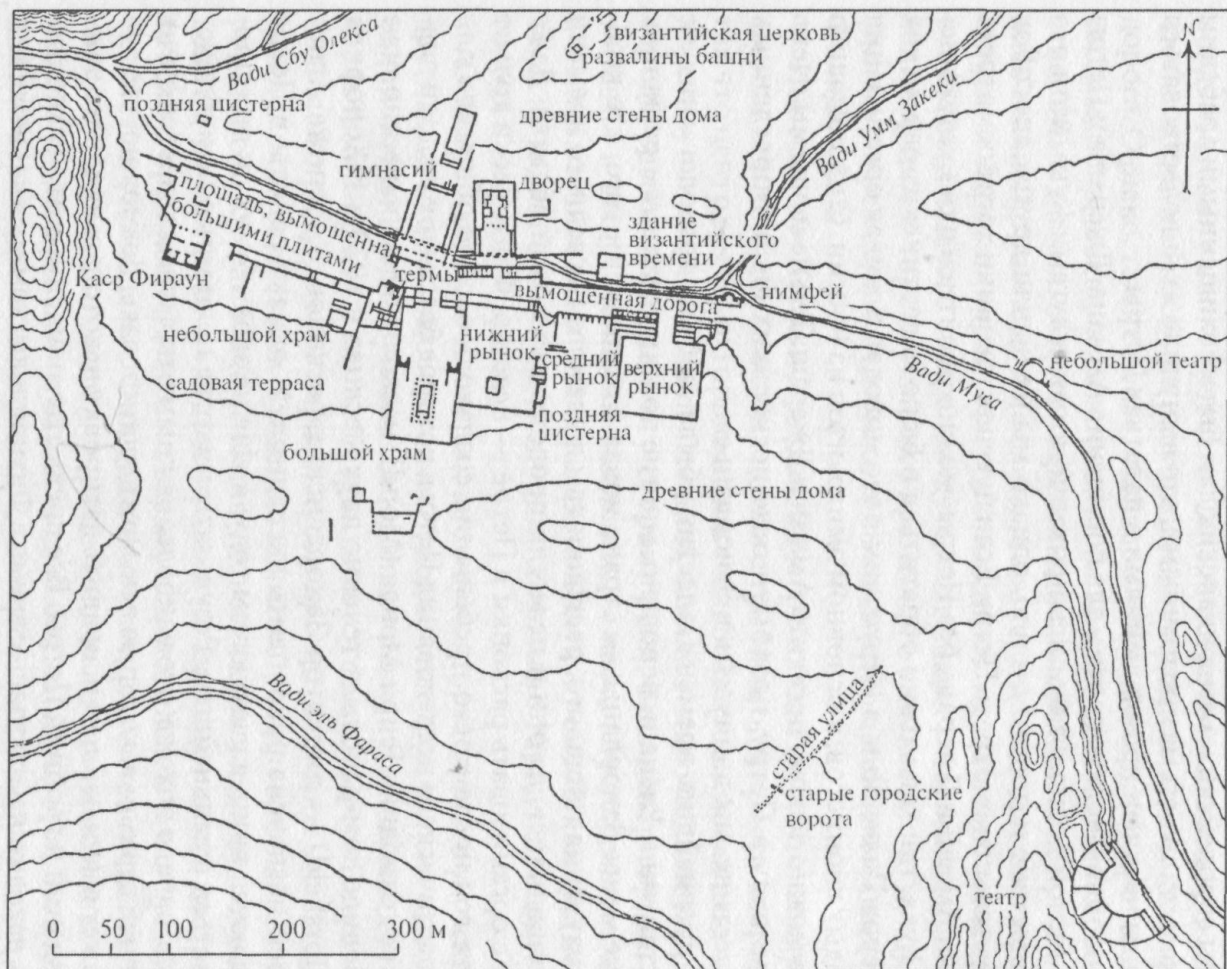
Караванная торговля пережила этот кризис и эту перемену, однако характер ее изменился. Пережили его и некоторые караванные города, главным образом Босра, в меньшей степени Амман, но Петра и Пальмира с зависимыми от них городами исчезли. Здесь не место следить за перипетиями восточной торговли и караванных городов в позднеримский и византийско-арабский периоды. Эти периоды лежат за пределами моей книги, и я не располагаю достаточным материалом. Пусть читатель возьмет в руки книгу о. Ламмена (Lammens) о Мекке и доисламской Аравии вообще. Я знаю также, что общую работу о торговле этого периода готовит профессор Блейк (R. P. Blake), директор Библиотеки Гарвардского университета. В этих книгах читатель найдет все необходимые ему сведения. Для моей цели — истории караванных городов в эпоху расцвета античного мира — достаточно сказанного; памятники, о которых я буду говорить в следующих главах, превратились в руины уже в ранневизантийское время.

II

ПЕТРА

Когда девятнадцать лет тому назад я в первый раз был в Палестине, откуда лежит путь к Петре (см. карту 2), Амману и Джерашу, посещение этих городов не только занимало много времени, но и было трудным делом, а также сложным и дорогим — не по средствам молодому профессору Петербургского университета. В те дни для того, чтобы увидеть эти руины, надо было снаряжать караван, добывать охрану, получать от турецких чиновников *iradé*. В сегодняшней Палестине все это изменилось. Появились англичане, а с ними оживление, как когда-то с римлянами, порядок и безопасность, хорошие дороги и новые способы передвижения. В Палестине автомобиль упразднил верблюда, а место *iradé* султана, каваса консульства и турецкого запятого заняли мистер Томас Кук своими болтливыми гидами и полицейские нового правительства Заиорданского эмира. В Аммане появилась сравнительно чистая гостиница, предстоит открытие такой же в Джераше, а в долине Петры раскинулся лагерь-гостиница Томаса Кука. Ее спальни — в палатках и пещерных гробницах, домах древней Петры, есть роскошная палатка-столовая. Благодаря этим нововведениям потянулись и туристы, и отныне посетители Джераша и Петры считаются уже не единицами, как раньше, а десятками и сотнями. Несомненно, что скоро их будут тысячи.

Новые правители Палестины и Заиорданья делают все, чтобы всячески содействовать этому туристическому развитию области. Местное население относится ни враждебно, ни дружелюбно, возможно по причине своего смешанного происхождения. Некоторые из них — черкесы городов, выходцы из России, переселенные в Заиорданье Абдул-Гамидом, другие — евреи из Палестины и Ливана. Это — новые поселенцы, которые радуются возможности ограбить, не нарушая закона, иностранца и продать ему мелкие древности и то небольшое, что производит страна. Бедуины пустыни косятся и не прочь пограбить, что делают от времени до времени. Но обходится им это дорого; по дороге в Петру в Маане, в пустыне, расположился лагерь нового Заиорданского легиона, организованного англичанами и оснащенного аэропланами, бараками и сараями для бронированных автомобилей. Кавалеристы этой военной силы — на лошадях и верблюдах, как когда-то при римлянах

Карта 2. Город Петра (по: Wiegand. Petra, fig. I; с разрешения профессора Виганда)

(верблюжья кавалерия называется теперь, впрочем, не дромадериями, как при римлянах, а «мэаристами»). Бронированные автомобили и аэропланы всегда в порядке, готовы налететь на бедуинов пустыни и заставить их дорого заплатить за набеги и похищение иностранцев. В результате шансы европейских и американских дам быть похищенными арабским шейхом стали весьма призрачными, что вынудило их довольствоваться романтическими приключениями в палатках Петры.

Подобно многим другим, для посещения Аммана, Джераша и Петры мы с женой воспользовались прозаическими услугами Кука, хотя это путешествие и дорого стоило, однако мы не нашли других способов основательно осмотреть Петру. Если путешественники хотят осмотреть только Амман и Джераш, без Петры, можно обойтись и без услуг мистера Кука, так как можно обратиться в бюро палестинских еврейских шоферов Палестины в Иерусалиме; это молодая и живая организация молодых сионистов, в основном эмигрантов из России. С их помощью легко можно дешево посетить Амман и Джераш. Тем не менее мы очень стремились в Петру, поэтому после нескольких дней, проведенных в Палестине, мы двинулись в Заиорданье.

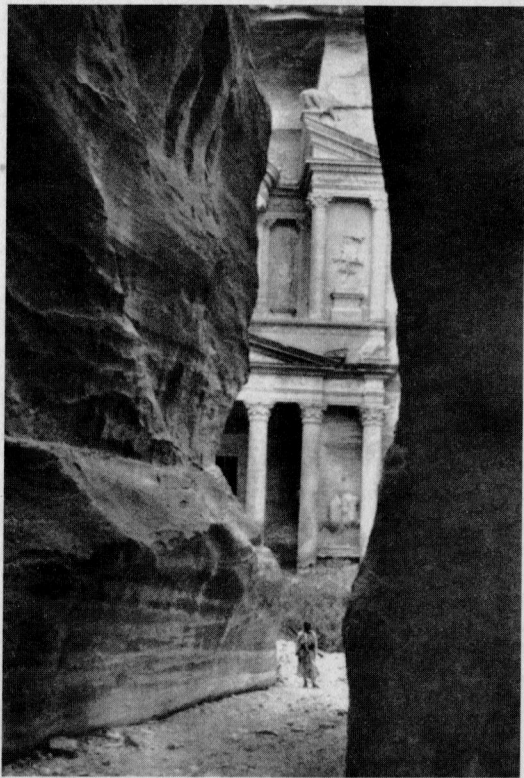
С древнейших времен Палестина была любима археологами; еще Константин и Елена и, вероятно, многие до них делали там раскопки. Тем не менее Заиорданье — страна новая в отношении того, что касается изучения прошлого, раскопки там до самого последнего времени не проводились, да они и не могли проводиться в этой области. Даже сейчас организовать раскопки в Петре — нелегко. Фактически только спустя год после моего пребывания создалось особое общество для археологического исследования Петры, которое благодаря щедрой поддержке господина Генри Монда (Mond), насколько мне известно, уже проводило там работы в течение двух месяцев в 1920 г. Г. Хорсфилд (G. Horsfield) — директор Заиорданских раскопок, а госпожа Агнес Конвей назначена руководить экспедицией, однако работы в Петре ожидаются лишь в следующем году; я еще не знаю, будут ли они продолжаться в дальнейшем. Результаты никогда полностью не публиковались, однако похоже, что наиболее важным открытием является очень странная керамика, которую всю можно датировать. Возможно, что это поможет в дальнейшем исправить датировку некоторых наиболее важных зданий и гробниц Петры. Все предметы, найденные этой экспедицией, находятся в настоящее время в Фитцвильямском музее (Fitzwilliam Museum) Кембриджа.

В Джераше и Аммане работы начались уже несколько лет тому назад, началась и для них эра подземной работы, а не надземного собирания (см. рис. V). В Аммане высоко в цитадели начал свои раскопки итальянский учёный Гвиди (Guidi), где ему удалось открыть интереснейшие

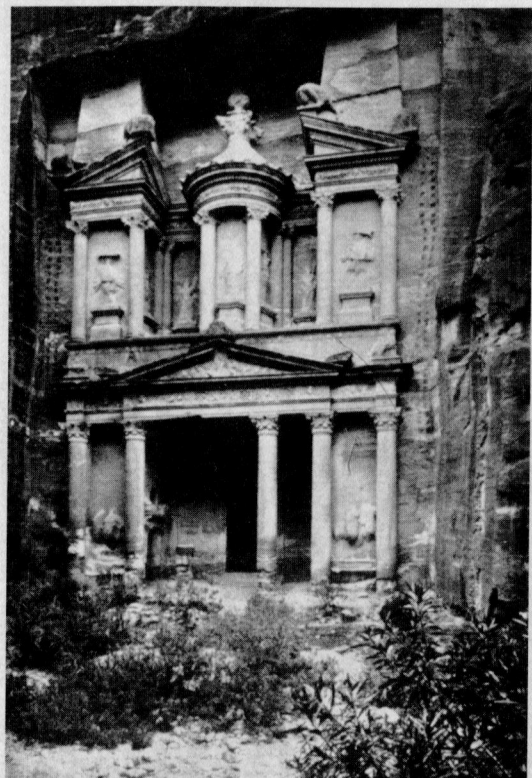
памятники, свидетельствующие о кратковременном владычестве персов-сасанидов. Теперь там копает другой итальянский ученый; однако в Аммане копать трудно, так как новый город, быстро вырастающий из скромной кавказской деревни в грязную, но большую столицу Заиорданья, занял место древнего. Теперь остается мало надежды на то, чтобы когда-нибудь была раскопана его главная улица — караванная дорога. Однако, тем не менее, мы знаем, что она частично пролегла по сводам, покрывающим ложе реки, и была украшена портиками, общественными зданиями и триумфальными арками. Вдоль нее располагались главный храм и другие святилища, термы, еще частью сохранившиеся, и караван-сарай. Над рекой одиноко возвышаются могучие руины почти целого театра, свидетельствующие о богатстве и величии древнего города римского времени и о том, как много нужно еще сделать современному, чтобы хотя бы отдаленно приблизиться к старой Филадельфии.

Иное дело — Петра и Джераш. В Петре жалкие поселения бедуинов заняли только часть скальных домов и гробниц обширного некрополя, так что центр древнего города не населен. В Джераше новая кавказская деревня, основанная Абдул-Гамидом, заняла только бедные кварталы города, расположенные по ту сторону реки. Весь центр города, с его улицами и общественными зданиями, — масса поразительных, единственных в мире руин, с которыми, пожалуй, кроме Пальмиры на Востоке, не может соперничать ни один античный город на Западе, даже города Северной Африки.

О Петре написано много, и я не хочу повторять то, что уже сказано другими. Я испытываю искушение уподобить город чуду из «Тысячи и одной ночи». Когда спускаешься в долину реки, прорвавшей себе путь через темно-красные скалы Петры, кажется с высоты, что Петра — это большой причудливый нарост, кусок красно-лилового мяса, севший между золотом пустыни и зеленью холмов. Зрелище необычное, которое становится еще более необычным, когда кавалькада медленно проходит в ущелье реки и когда направо и налево идут ввысь пестрые — красные, оранжевые, лиловые, серые, зеленые пласты все сужающихся скалистых стен ущелья. Они дики и красочны; контраст света и тени; свет — ослепляющий, тени — черные. Иногда ничего не указывает на то, что это ущелье веками служило людям большой дорогой, по которой шагали верблюды, ослы и лошади, тянулись купцы-бедуины, ощущавшие, как и мы, если не прелесть, то ужас и мистическое очарование ущелья. Иногда можно увидеть фасад зубчатой гробницы-башни или алтарь храма, расположенного высоко на вертикальных стенах с надписями и приветствиями некоему божеству, написанными на набатейском языке. Наш караван медленно идет по узкому ущелью до тех пор,

1

2

Рис. V. Петра:

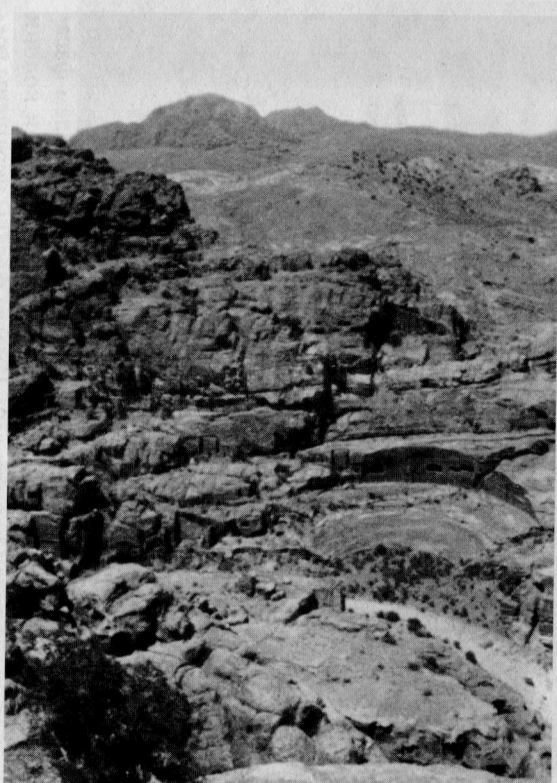
1, 2 — два вида Эль-Хазне (храм Тихе в Петре) (фото — Раад, Иерусалим)

пока перед нами внезапно не появляется сверкающий розово-оранжевый на солнце фасад храма или гробницы (см. рис. V). Изящные колонны, причудливые арки, соединяющие колонны и покрывающие ниши, статуи в нишах, — все это в каком-то новом, неожиданном для человека, знакомого с античностью в ее классическом аспекте, стиле. Как будто перед нами встала грандиозная декорация эллинистического театра, как будто высечена в скале часть стенной росписи Помпей, не четвертого, а второго стиля. Но эти параллели приходят в голову только некоторым путешественникам; другие могут хорошо разглядеть в них павильоны дворцов и парков эпохи барокко и рококо и сравнить ниши стен дворцов, фасады домов и церквей этих же стилей. Однако что это за памятники, которые напоминают барокко и рококо? Это храмы или гробницы? К какому периоду они относятся?

На все эти вопросы ученые не дают положительного ответа. Обычно это здание называют храмом Изиды, однако я думаю, что неправильно. Я согласен, что эта постройка — храм, а не гробница, но я уверен, что это храм не египетской богини и ее спутников. Скорее всего, это дом местной богини: Тихе, Фортуны, Гения города Петры, которая представляет собой эллинистический эквивалент иранского Хварено и семитской Гад и в то же время великой богини петрейских арабов — богини Луны Аллат. Та же самая богиня позже появляется на монетах Петры. Вместе с нею поклоняются также двум ее спутникам греческого происхождения, которых греки называют Диоскурами; оба — звезды небосклона: одна — утренняя звезда, а другая — вечерняя. Звезды покровительствовали грекам в их плаваниях по морю, для петрейских же арабов они указывали путь в темной пустыне. Они направляли их по пути, который вел к воде и богатству, они освещали им путь на чужбину и путь с чужбины на родину.

Датировка храма — это следующая проблема, и здесь я думаю, что не правы те, кто говорит о II или III вв. до н. э. Стиль постройки так нежен и изящен, орнаменты так грациозны и так одухотворенны, параллели со вторым помпеевским стилем так очевидны, что для меня нет сомнений: храм был сооружен мастерами позднеэллинистического времени.

От этого храма ущелье оживает — оживает рядом фасадов домов мертвых, окаймляющих ущелье. Бесчисленные гробницы покрывают своими фасадами стены скал ущелья (см. рис. VII). Перед нами возникают то колоссальные башни-алтари с причудливыми зубцами ассирийского типа, вырезанные в таком глубоком рельефе, что почти свободно стоят на фоне скалы, то мелкие и крупные фасады того же типа в низком и высоком рельефе. И рядом с этим местным стилем фасадов — эллинистические фасады, состоящие из портиков и колонн с местными и греческими капителями. Иногда фасады украшены гре-

1

2

Рис. VI. Петра:

1 — театр; 2 — арки над главной улицей (фото — Американская колония, Иерусалим)

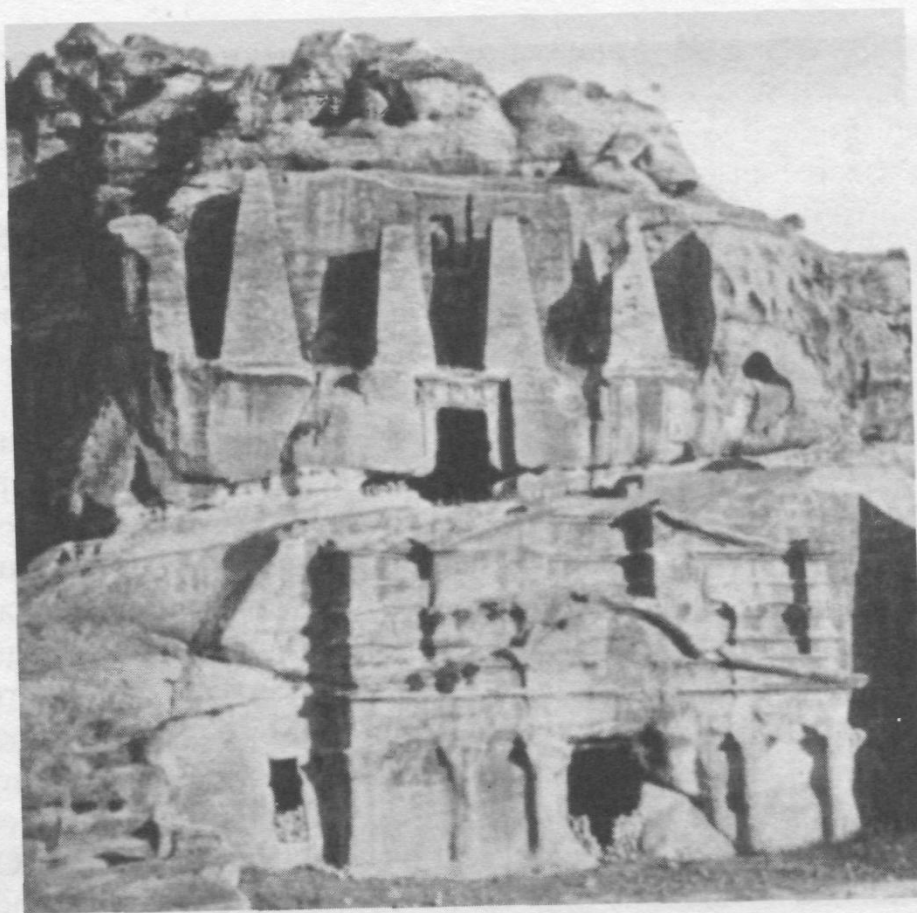
ческими статуями. Иногда эти эллинистические фасады достигают высоты в один, два и даже три этажа.

В целом некрополь — фантастический город мертвых, или лучше такая же декорация сцены какого-то огромного сказочного театра. Ущелье все расширяется. Однако здесь часть старых гробничных фасадов разрушена для того, чтобы дать место встроенному в скалу изящному театру, украшенному сверкающими, врезанными в скалу ступенями (см. рис. VI, 1). Вот направо — стена, вся покрытая самыми фантастическими из всех фасадов. Это эллинистические гробницы — самые знаменитые фасады Петры, которые нам всем известны по репродукциям и по кинематографу. За ними, в долине реки, расположена котловина, где петрейские купцы решили выстроить свой город так, чтобы он со всех сторон был окружен отвесными скалами с тысячами гробниц, врезанных в них.

Для туриста Петра не только город гробниц, но и город, окруженный скальными святилищами (см. рис. VIII, 1). Их можно найти везде, и они хорошо сохранились. От города живых и через окружающее его кольцо города мертвых тянутся крутые тропы, подчас превращающиеся в ступени, к вершинам гор, где с древнейших времен местные бедуины почитали своих богов, не в храмах, как их эллинизированные потомки, а под открытым небом. И верховные боги Петры Дюшара, бог Солнца, и Аллат, богиня Луны, стояли здесь и ждали поклонения не в облики людей, а в виде фетишей или обелисков (см. рис. VIII, 2). Символом Дюшары был фаллический обелиск или черный метеор, упавший с неба. Такой же метеор стоит и в Мекке. Кровавые жертвоприношения этим богам совершались в горных святилищах на грубых, высеченных в скале, алтарях — прототипах надгробных памятников. Не одни полудикие, кочевые племена, кланы и семьи арабов почитали богов на этих площадках и алтарях; по священным тропам тянулись к ним из города и городские жители (см. рис. IX, 2). Храмы их города — дань его жителей моде; свою настоящую молитву они творили там, на вершинах гор, днем — так близко от дарителя жизни вечного Солнца, утопая в лучах его, или ночью — в таинственном единении с великой магической богиней — серебристой Луной, чье мерцание обволакивало их.

Появляется новое видение. Из расщелины скалы струится проток, поток живительной и животворящей воды. И тут, конечно, вырастает святилище (см. рис. IX, 1). Это — пещера под нависающей скалой, в таинственном свежем полумраке. Священные тропы тянутся к ней, к ней шли паломники — попить живой воды за скромной трапезой в пещере, превращенной в столовую.

Гробниц и горных святилищ множество, однако в дополнение к ним был и город живых, такой же, как Мекка времени до Магомета, город такой же, как Джераш и Амман, как Пальмира, другим словами — кара-

1

2

Рис. VII. Петра. Скальные гробницы:

1 — гробница обелисков (фото — Американская колония, Иерусалим);
2 — гробница-урна

ванный город. Это был город богатых и изворотливых купцов, но это был город причудливый и своеобразный в своем кольце красных скал. От него мало что сохранилось, но планировка ясна. Недавно, фактически во время войны, немецкому археологу Виганду, директору Берлинского музея классических древностей, впервые в истории удалось набросать план этого города. Дополнения к нему были сделаны британской экспедицией, о которой я уже упоминал.

Основные черты топографии города ясны. Три ущелья, связывавшие Петру с внешним миром, являлись главными входами в нее; это — Баб-эс-Сик, о котором я уже говорил, Тугхара — на юге и Туркмание — на севере. Вполне вероятно, что территория позднего города не совпадает с таковой античного. Это были крепость и пещерный город, известные нам по Библии и ранним упоминаниям о Петре. Возможно, что укрепленная цитадель располагалась на Эль Хабисе, на возвышении над котловиной Петры и ее поздних построек.

На севере, вблизи крепости Эль Хабис, два романтических ущелья — Эс-Сияг и Эль Муесра, которые были исследованы господином Хорсфилдом и госпожой Конвей. Они нашли там остатки нескольких больших и богатых домов, высеченных в скалах. Некоторые из этих домов в более позднее время были превращены в гробницы. Обнаружено несколько нетронутых гробниц, в которых найдена керамика, относящаяся к сравнительно раннему периоду. Это делает вероятным то, что дома, вырезанные в скалах, представляли собой жилища обитателей Петры во времена, когда она впервые стала богатым и преуспевающим центром караванной торговли.

В связи с этим я хочу отметить, что дома, высеченные в скалах, напоминают нам подобные подземные дома, которые иногда встречаются в Африке. Только немногие знакомы с богатым подземным городом римского времени, который в Тунисе известен под названием *Bulla Regia*, однако *Garian*, подобный город рядом с Триполи, населенный арабами и евреями, часто посещают, и те, кто видел его, понимают, о чем я говорю.

В позднеэллинистическое и раннеримское время Петра спустилась в ущелье и изменила свой характер, она из подземного превратилась в наземный город. Возможно, что именно в это время она была обнесена стеной, которую по-прежнему можно видеть, хотя она и не целиком совпадает со стеной византийского времени, сохранившейся очень хорошо. Датировка ранних стен Петры неясна, что дает повод для различных спекуляций на протяжении очень длительного времени, так как никаких раскопок ни вдоль стен, ни под ними не велось. Тем не менее я хочу отметить, что ни Диодор, чье описание восходит к концу IV или началу III в. до н. э., ни Страбон, отразивший условия, сложившиеся в конце II в. до н. э., не упоминают о фортификации Петры.

Похоже, что в ранненабатейское время только цитадель была укреплена, а последние набатейские цари построили стены в то время, когда они могли воспользоваться анархией позднеэллинистических дней и создать свою Сиро-Аравийскую державу.

План города внутри стен был обусловлен караванной торговлей. Ось города — центральная улица по реке — Вади Мусе, которая частью перекрыта сводами. Так называемая триумфальная арка — орнаментальные ворота, развалины которых сохранились и по сей день, переброшены через реку-улицу (см. рис. VI, 2). С одной стороны этой главной улицы, на западном плато города, на террасах, обращенных в сторону города, — храмы и общественные здания. Два храма по-прежнему высятся как гордые руины; один из них — Каср-Фираун, даже сохранил на стенах своей целлы остатки скульптурных украшений в технике стукко. До сих пор просматривается общий план трех больших рыночных площадей. Здесь были сосредоточены богатства, здесь банкиры, купцы, посредники и их агенты вели свои дела, здесь передавались из рук в руки золото и драгоценные камни, здесь сладко пахло тмином, а воздух был пропитан ароматом благовоний и других пахучих листьев и корней из Индии и Аравии.

По крайней мере, часть жилого квартала города по-прежнему состоит из домов, даже в позднее время вытесанных в скалах, в то время как часть образована домами на противоположном берегу главной улицы-реки. Здесь стены больших дворцов, и дворца царя царей, могли находиться бок о бок с другими большими жилыми домами.

В целом руины, как те, которые относятся к городу, так и те, которые относятся к святилищам, домам и фасадам гробниц, великолепны и исключительно романтичны, однако они сохранили мало воспоминаний об истории города. Его дома по-прежнему стоят покрытые пылью веков, фасады гробниц по-прежнему не датированы, надписи монотонны и бедны содержанием. Все теории об историческом развитии Петры и эволюции ее архитектурного стиля по-прежнему «висят в воздухе». Предположения тех, кто считает, что Петра утратила свое значение во времена Траяна, так же необоснованны, как и мысли тех, кто думает, что II в. н. э. был временем наибольшего расцвета. Единственные определенные сведения, существующие на сегодняшний день, — это полученные французским доминиканцем о. Жюссеном (Jaussen) и Савиньяком (Savignac), который последовательно исследовал надписи и архитектуру подобных гробниц петрейских купцов в их караванном городе Эль Хегра. Теперь мы точно знаем, что в I в. н. э., т. е. в раннеимперское время, все типы этих петрейских гробниц, которые современными учеными так впечатляюще распределены по степени эволюции, использовались одновременно. Однако не хватает одного типа

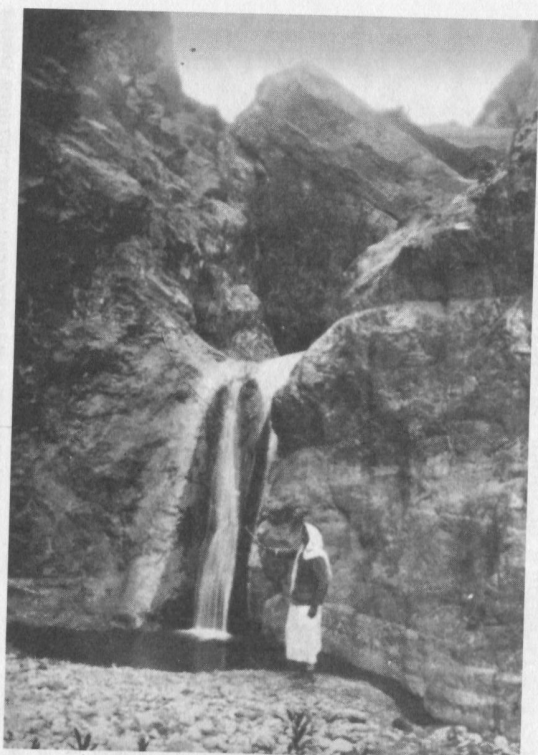
1

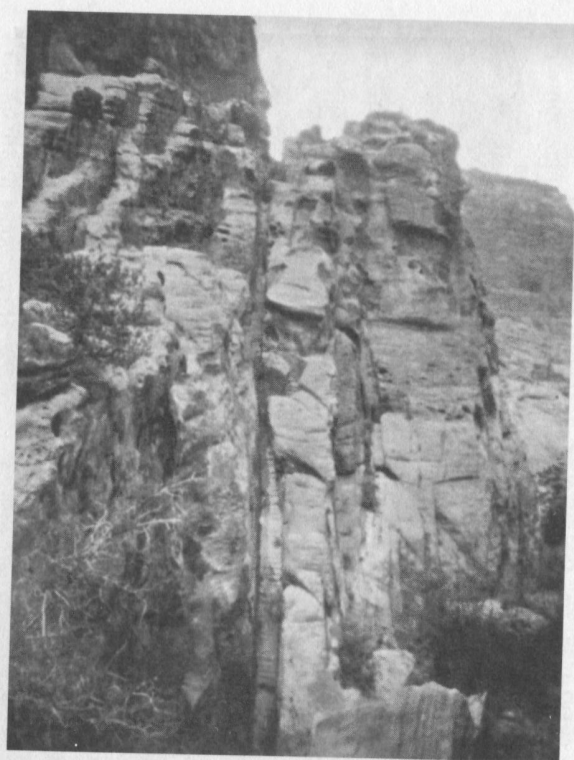
2

Рис. VIII. Петра:

1 — скальное святилище: на переднем плане — большой фундамент с алтарем в центре, сзади слева — вырезанный в скале алтарь и основание для метеоритного камня Батила (Кааба); 2 — два обелиска (солнечные символы) (фото — Раад, Иерусалим)

1

2

Рис. IX. Петра:

1 — источник и святилище Источника (фото — Раад, Иерусалим); 2 — лестница на Джебель эн Умер (ведущая к скальному святилищу) (фото — госпожа Конвей)

гробниц, которые имели бы целиком эллинистические фасады, — факт, который подтверждает, что они относятся ко времени более позднему, чем период правления Августа, и могут относиться ко времени Диоклетиана. Они столь роскошны и великолепны, что не могли быть построены в какой-нибудь период упадка города.

Соответственно я предполагаю, что Петра — караванный город, переживала попеременно периоды расцвета и упадка. Ее деятельность началась во времена персидского господства, затем последовал раннеэллинистический период, который был одинаково тяжелым как политически, так и экономически. Ее золотой век начался в позднеэллинистическое время, когда ее торговля развилась до невероятных масштабов. Именно в это время петрейские купцы появились севернее Сидона в Финикии и в Италии, например в Путеолах, где они образовали крепкую и богатую общину и имели даже свои собственные храмы. Похоже, что в это же время контроль над всеми караванными путями перешел в их руки и что в это время они создали свою караванную империю. Возможно, что этот период с небольшими перерывами длился чуть меньше трех веков, и примечательно, что именно от этих трех столетий, т. е. с 164 г. до н. э. до времени правления Траяна, до нас дошли имена набатейских царей. Похоже, что правление Августа было одним из периодов относительного упадка, хотя мы абсолютно уверенными в этом быть не можем.

После правления Траяна в новой провинции Аравия Петра перестала быть важным торговым центром, хотя богатые люди по-прежнему жили за ее стенами и строили богатые гробницы для себя и своих потомков. Тогда центр торговли постепенно стал перемещаться в Босру, город, который превратился также в центр политической жизни. Мы не знаем, как долго продолжался период последнего упадка Петры, так как история этих лет так же темна, как и история ее возникновения.

Этот очерк ее возвышения и упадка основан на анализе ее архитектурных памятников, на изучении ее монет и на ее надписях, которые почти все на набатейском языке. Очень редко встречаются и греческие. Большинство из них происходит не из самой Петры, а из зависимых от нее территорий в Аравии и из областей, на которые распространялись ее торговые интересы.

Тем не менее монеты и надписи дают нам только общее представление о ее развитии; они называют нам имена набатейских богов и царей, имена некоторых петрейских граждан, названия племен и родов. В них нет сведений об интересах Петры или видах ее деятельности, политической организации или экономической структуре. Иногда из этих источников можно почерпнуть некоторые сведения о правителях и полководцах, о феодальных династиях военных правителей отдельных

провинций, однако все они относятся ко времени Nabateyской державы; мы также знаем имена командиров петрейского кавалерийского подразделения и о меаристах, которые защищали караванные пути, а также сирийские и аравийские владения набатейских царей. Интересно, что звания военных и должности правителей этих областей не арамейские, а греческие; они были стратегами, епархами, гиппархами, хилиархами. Очевидно, что только набатеям, когда они включили в состав своих владений эллинизированные территории на севере и создали военную и гражданскую организацию, которая не должна была быть чуждой их новым подданным, стали нужны эти звания. Парфяне в этот же самый период вынуждены были поступить таким же образом. Именно из-за этих новых подданных набатеи давали своим чиновникам должности стратегов и епархов, а своим полководцам — звания хилиархов и гиппархов, а для того, чтобы доставить им большее удовольствие, некоторые цари называли себя Филэллинами, хотя для своих прежних подданных они по-прежнему оставались «царями, которые вернули жизнь и спасли» или «царями, которые любят свой народ».

Тем не менее за этими званиями, за этими правителями мы чувствуем силу тех лукавых торговых князей, которые контролировали огромные караваны, медленно бредущие с севера на юг и с юга на север, которые, возможно, даже не заходили в Петру. Нигде более, ни даже в Пальмире или Джераше, так ясно не чувствуешь биения пульса торговой, караванной жизни, как в Петре. Нигде не ощущаешь так близко, так непосредственно того соединения горячей веры бедуина пустыни, руководителя караванов с лихорадочной жизнью купцов-спекулянтов, этого причудливого соединения, которое создало Магомета и его великую религиозную империю. В Мекке я не был; но атмосфера Петры такая же, как и Мекки, и здесь, в Петре, я впервые понял, откуда у арабов Магомета появились те черты, которые позволили им создать мировую религию и мировую империю, осуществить то, что когда-то осуществили шумеры и вавилоняне. Это никогда не удавалось осуществить евреям, которые с самого начала своей истории были слишком тесно связаны с одной страной, а их национальный характер был недостаточно гибким и многогранным. Всякому, кто хочет понять роль семитов в истории религии, культуры и государственности, я могу посоветовать одно: поезжайте в Петру, проведите несколько ночей в этой фантастической котловине, послушайте ночной вой шакалов, совершите паломничество к горным святилищам. Только так вы можете проникнуться былой жизнью Петры, самого великолепного из всех караванных городов,

Где по утренним пескам
Верблюд несет фимиам.

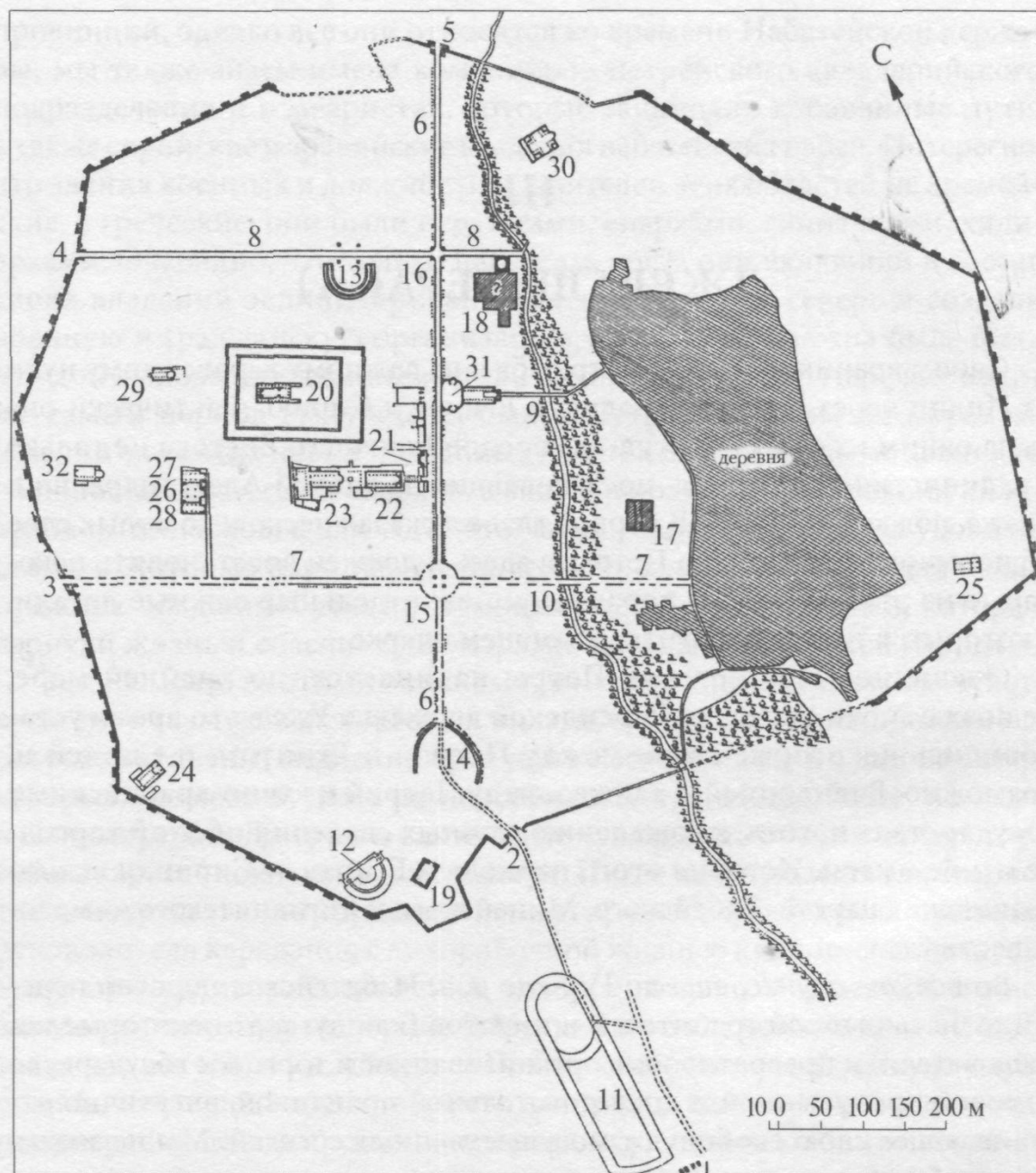
III

ДЖЕРАШ (ГЕРАСА)

Своим возникновением Петра обязана важному караванному пути из Индии через Южную Аравию в Египет и Сирию. Фактически она была одним из самых цветущих городов Ближнего Востока не только в эллинистическое время, последовавшее за эпохой Александра, но и позже, под эгидой Рима. В первой главе я сказал несколько новых слов об истории Заиорданья и Петры, а здесь я должен восстановить некоторые из этих фактов и добавить к ним отдельные важные детали, к которым я не мог обратиться в общем очерке.

Очевидно, что торговля Петры начинается, по крайней мере, не позже эпохи расцвета Персидской державы. Уже в это время установились некоторые связи между Петрой и Египтом, и Сирией и, возможно, Вавилонией, а также между Петрой и южно-аравийскими государствами, хотя, к сожалению, точных сведений об этой торговле мы не имеем. История этого периода и Египта, и Сирии, и южно-аравийских царств: Сабейского, Минейского и Лигианитского — малоизвестна.

Во всяком случае, еще до IV в. до н. э. Набатейское царство перестало быть шайкой грабителей и пиратов (как думают некоторые исследователи) и превратилось в организованное и торговое государство со своей продуманной и последовательной политикой, энергично отстаивающее свою свободу от могущественных соседей. Мы не знаем, каково было отношение Александра к набатеям, но его ближайшие преемники не прочь были наложить руку на этот цветущий караванный город. Кстати, первая попытка была сделана одними из самых энергичных и талантливых наследников идей и власти Александра — Антигоном Одноглазым и его сыном Деметрием. Конечно, их целью было отвлечь торговлю Петры от Египта и направить ее в финикийские порты, и, возможно, что они или их более значительный предшественник Пердикка основали первые в Заиорданье военные поселения, задачей которых было обеспечение безопасности караванам, направлявшимся из Петры на север к портам Палестины и Финикии. Однако попытка Антигона и Деметрия закончилась неудачей, и набатеи отстаивали свою самостоятельность.

Карта 3. План-карта города Джераш
(по чертежу проф. К. Фишера):

Ворота: 1 — Арки; 2 — Филадельфии; 3 — Пеллы; 4 — Гадары; 5 — Дамаска. Улицы и т. п.: 6 — Антонина; 7 — Пеллы; 8 — Гадары; 14 — форум; 15 — южный тетрапил; 16 — северный тетрапил; 9 — мост Артемиды; 10 — мост Пеллы. Театры: 11 — ипподром; 12 — южный театр; 13 — северный театр. Общественные здания: 17 — восточная купальня; 18 — западная купальня; 21 — нимфей. Храмы: 19 — Зевса; 20 — Артемиды. Церкви и соборы: 22 — кафедральный; 23 — св. Феодора; 24 — св. Петра и Павла; 25 — св. апостола Павла; 26 — св. Иоанна Крестителя; 27 — св. Дамиана; 28 — св. Георгия; 29 — церковь, построенная на месте синагоги; 30 — проповедников, апостолов и мучеников; 31 — пропилеи; 32 — Рождества

Также не сразу наладились отношения между набатеями и Птолемеями, правившими в Египте в качестве преемников Александра. Мы мало знаем о ранней истории отношений этих двух сил, но тем не менее ясно, что уже в начале III в. до н. э. Птолемеи, контролировавшие величайшую торговую гавань в мире — Александрию, пытаются замкнуть или включить Петру в сферу своего исключительного влияния, для того чтобы сделать ее полностью зависимой от себя и послушной их приказам. Очевидно, что Птолемеи в своей попытке привлечь в порты своей империи как можно больше индийских и южно-аравийских товаров, не могли состязаться на европейских рынках с Селевкидами, полностью контролировавшими Евфратскую дорогу, и не могли при этом мириться с полной свободой Петры или ее высокими таможенными пошлинами с караванов *en route* в Александрию или Финикию. Поэтому не удивительно, что Птолемеи предпринимали все меры, чтобы позволить южно-аравийской торговле миновать Петру и принудить ее признать верховенство над собой. Этой политикой объясняется лихорадочная деятельность Птолемея II, гениальнейшего из купцов, когда-либо контролировавших Александрию, направленная на развитие торговли Египта с Аравией по морю. По этой причине он возобновил и закончил работы по строительству канала между Нилом и Красным морем; это он построил ряд гаваней на египетском побережье Красного моря; это он, вероятно, помог основать греческий порт на аравийском берегу и установил суровый египетский надзор над Лигианитским царством, которое было преемником минейцев в контроле над аравийскими караванами.

Результатом этой политики стал тесный союз между Египтом и Эль-Элой, прежде минейской, а теперь лигианитской караванной стоянкой. Интересная надпись на саркофаге, который, вероятно, был найден в Фаюме, указывает на это положение вещей. Она касается минейского купца, который одновременно был египетским жрецом и посредником между некоторыми храмами Египта и южно-аравийскими купцами. Он снабжал храмы ладаном, а в обмен на него на своих собственных кораблях посылал в Аравию тонкое льняное полотно (виссон). Это льняное полотно было особым товаром ткацкого производства египетских храмов.

Сведения, которыми мы располагаем о пиратстве набатеев на Красном море, следует связать с политикой Птолемеев, так как ограбление набатеями птолемеевских судов — естественный ответ на торговую политику Птолемеев в Красном море. Результатом стал карательный поход египетского флота Филадельфа или Эвергета I, который положил конец попыткам набатеев превратиться в морскую державу.

Той же политикой Птолемеев объясняется их деятельность в Финикии, Палестине и Заиорданье. Именно из политических и торговых

соображений они одну за другой развязывали войны против Селевкидов, с целью сначала установить, а затем и закрепить свой контроль над этими странами. Не владея Палестиной и Заиорданьем, Птолемеи никогда не могли бы организовать ни эффективную защиту своих синайских границ, ни заставить подчиниться набатеев. Контроль над финикийскими городами был естественным дополнением контроля над Палестиной и Заиорданьем. Мы не должны забывать, что Тир и Сидон были старейшими и лучшими портами палестинского, финикийского и сирийского побережья и что с древнейших времен эти города были *debouchés* аравийской и азиатской торговли Ближнего Востока. В руках Селевкидов Тир и Сидон были опасными морскими базами против Египта и, кроме того, являлись хорошими отправными пунктами для сдерживания попыток установления контроля над наиболее важными караванными путями Ближнего Востока со стороны Птолемеев.

Поэтому не удивительно, что Птолемеи, которым удалось превратить Финикию и Палестину в египетскую провинцию и установить протекторат над аммонитскими шейхами Заиорданья, стали предпринимать отчаянные усилия для консолидации своих сил в этих странах. Одним из средств достижения этой цели была эллинизация этих центров семитской жизни и цивилизации. Мы очень мало знаем об этой стороне их политики; однако то немногое, что нам известно, свидетельствует о политике интенсивной эллинизации как в Палестине и Финикии, так и в Заиорданье. Недавние раскопки таких городов как Бет-Цур, Газара и Мареша показывают, каким сильным было птолемеевское влияние на эти семитские города; а основание множества городов с династическими названиями в Заиорданье как, например, Филадельфия, Береника, Филотерия и Арсиноя показывает, сколько еще надо сделать в этом направлении. Птолемеи были не первыми урбанизаторами, так как македонские колонии существовали здесь еще до их появления. Однако они делали все от них зависящее для того, чтобы сделать эти македонские военные колонии сильными и богатыми, чтобы ослабить наследственную склонность аммонитов к разбою.

Результаты этой политики Птолемеев в Заиорданье нам довольно хорошо известны благодаря знаменитому архиву Зенона, в котором сохранились многочисленные письма и другие документы, большая часть из которых относится ко времени около 259 г. до н. э. и проливает свет на деятельность египтян в стране аммонитов и особенно на оживленную торговлю, установившуюся в это время между Заиорданьем и Египтом. Зенон провел в Палестине и Заиорданье год в качестве агента Аполлония — могущественного министра финансов Птолемея Филадельфа. Не удивительно, что письма, написанные им или адресованные

ему в период его пребывания в Палестине, содержат множество подробностей о политике Птолемеев как в самой Палестине, так и в Заиорданье. Так как после своего возвращения в Александрию Зенон около двух лет был секретарем Аполлония, он хранил оригиналы или копии также других писем подобного характера. Давайте рассмотрим те из них, которые относятся к Заиорданью.

Оживленная переписка шла между Тобией, эмиром аммонитов, и Аполлонием и его господином Филадельфом. Из этих писем и других документов переписки Зенона мы узнаем о том, что в распоряжении Тобии находились птолемеевские солдаты, расквартированные в Раббат-Аммене, столице Тобии, который был переименован в Филадельфию Птолемеем Филадельфом или Тобией в его честь. Это указывает на то, что Тобия был практически вассалом Филадельфа, как теперь его современный преемник является вассалом Британской короны.

Отношения между царем и эмиром были весьма дружественными. На прекрасном греческом последний писал о некоторых подарках, которые он послал через Зенона и Аполлония. Это были лошади, большие и сильные заиорданские ослы, онагры и их потомство, произошедшее от скрещивания онагров и ослов, а также собаки. Очевидно, что эмир знал о том, как Филадельф увлекается коллекционированием редких животных и сколько усилий он тратит на то, чтобы улучшить египетские породы за счет скрещивания с привезенными из-за рубежа. Интересно, что в перечне не упоминаются верблюды, хотя мы знаем, что их в это время уже начали ввозить в Египет.

Животные были посланы Филадельфу, другие дары были направлены Аполлонию: молодые рабы знатного происхождения с розовыми щеками и яркими, черными миндалевидными глазами были среди даров Тобии канцлеру казначейства.

В то время как это дипломатическое общение происходило между дворами Филадельфии и Александрии, в Заиорданье и Палестине царило оживление. Группы египтян, возможно снаряженные важными чиновниками Александрии, путешествовали с одного места на другое в Палестине и Заиорданье. Начав с Газы, главного птолемеевского порта в Палестине, они побывали во всех крупных торговых городах Палестины и Заиорданья, посетили набатеев в Петре на юге и арамейцев в Дамаске на севере. Они везде покупали товары, предназначенные для экспорта: рабов и лошадей; большая часть их — результат набегов аммонитов на территории противников Птолемеев — Селевкидов.

Однако наиболее важными были перевозки аравийских товаров, доставлявшихся в Заиорданье и Палестину набатейскими караванами:

ладан и мирра были основными товарами. Похоже, что меры, предпринятые Птолемеями с целью установления контроля над набатеями, были в основном успешными и привели к *entente cordiale*, результатами которой стали оживленная караванная торговля как между Петрой и Александрией, так и между Петрой и азиатскими подданными Египта. Поэтому не удивительно, что современник Зенона рассказывает нам о том, что именно торговля с набатеями сделала Птолемеевскую Сирию и Палестину «богатыми золотом».

Имея в виду все эти факты, вполне можно предположить, что история македонских крепостей Заиорданья как караванных городов восходит к птолемеевским временам. Тем не менее Гераса не входила в их число. Тогда это была, вероятно, по-прежнему небольшая деревня арабов, которые пасли свои стада и иногда пахали землю.

К концу III в. положение дел в Заиорданье изменилось. Палестина и Финикия были утрачены Птолемеями и перешли к Селевкидам, которые все еще были властителями Месопотамии и части иранских земель. Владея Палестиной и Заиорданьем, Селевкиды, естественно, переняли подход Птолемеев к караванной торговле. Владея Палестиной, Заиорданьем и Финикией, они пытались отвлечь караваны Аравии, шедшие через Петру в Александрию, к приморским городам Палестины, Финикии и Сирии. Мы не знаем, насколько Селевкидам II в. до н. э. удалось достичь этой цели, однако кое-какие сведения о том, что Петра в это время была теснее связана с Селевкидами, чем с Птолемеями, нам известны; мы знаем, например, о появлении набатейских (т. е. петрейских) купцов в городах Финикии и на Делосе — главной гавани Селевкидов в Европе.

Конечно, по всему видно, что Антиох III и его преемники, особенно знаменитый Антиох IV Эпифан, возобновили попытки систематической эллинизации Заиорданья, которая была начата там их предшественниками. Некоторые из городов следует считать основанными ими самими, так как прежде на их месте городских центров не существовало. Достаточно одного взгляда на карту Передней Азии, чтобы объяснить цель этого градостроительства и градостроительной политики Селевкидов.

Само Заиорданье — страна, не пригодная ни для земледелия, ни для коневодства или скотоводства. На процветание там могли надеяться только небольшие земледельческие и скотоводческие центры. В окрестностях Джераша были обнаружены небольшие запасы железа.

Однако не желание разрабатывать малозначительное железо, не соображения земледелия заставили Селевкидов и их предшественников эллинизировать и колонизировать Заиорданье, основывая колонии, цепью вытянув их от одной плодородной равнины к другой вдоль большой караванной дороги, соединяющей Петру с Дамаском, Финикией

и Сирией, с одной стороны, и с Иерусалимом и портами Палестины — с другой. Эти заиорданские города, которые в течение II в. до н. э. планомерно эллинизировались Селевкидами, были на самом деле укрепленными караванными городами и, возможно, что только при Селевкидах Амман или, иначе, Филадельфия впервые сделался настоящим греческим городом. Мы можем быть практически уверенными, что Антиох III или Антиох IV был первым, кто около современного Джераша основал греческую колонию на месте небольшой местной деревни. Эта деревня была центром полукочевого племени герасенов, поэтому теперь она стала называться Антиохия Герасенов, или Антиохия на Хрисорое (название ручья, протекающего через поселение). Руины этой Антиохии стоят и сейчас.

Приведенные выше соображения о ранней истории Заиорданья имеют гипотетический характер. Страна, за исключением некоторых дорог римского времени, очень мало исследована с научной точки зрения. Направление движения караванов этого времени вполне очевидно, однако мы опускаемся до уровня предположений о том, что касается сети караванных дорог эллинистической эпохи, и мы не можем сделать большего до тех пор, пока не будут проведены тщательные археологические раскопки, основанные на точных картах, составленных специалистами при помощи аэросъемки. Я придерживаюсь мнения, что причиной роста городов Заиорданья являлась только торговля. О позднем времени следует отметить, что Джераш был связан прекрасными дорогами как с Амманом, так и Босрой. Ничто не подтверждает существование таких дорог между Джерашем и Дамаском и Джерасом и Палестиной даже в римское время (см. карту 3).

Нам известно, как недолговечна была последняя попытка македонских царей Передней Азии совладать с волной национальной реакции против чуждого греческого элемента. Одним из центров этой реакции стала Палестина при Маккавеях. Мы знаем, как при содействии римлян, для которых даже после их победы над Антиохом III Селевкиды оставались серьезными врагами, евреям удалось освободиться от эллинизаторов Селевкидов, и как Рим позволил этим варварам упорно и жестоко уничтожить все и вся эллинистическое. Жертвами этой реакции сделались также города Заиорданья, а среди них и только что основанная Антиохия Герасенов, которая, став жертвой реакции, была захвачена и разрушена при Александре Яннае (102–76 гг. до н. э.). Казалось, настал конец этому несчастливому городу, этому новому центру эллинизма на Хрисорое, где селевкидская культура еще не успела пустить корни. Судьба решила иначе.

О событиях в Заиорданье и Джераше в I в. до н. э. известно мало, но несомненно, что в этот период набатейская торговля вступила в наи-

более цветущий период своего развития. Не случайно, что прекрасный петрейский памятник Эль-Хазне, о котором мы упоминали выше, относится к этому периоду, и не случайно, что мы располагаем сведениями о правлении набатейских царей в Дамаске.

Расцвету Петры способствовала анархия на Евфрате; это было связано с постепенным продвижением парфян и завоеванием земли между двумя реками. Продолжительная война между Селевкидами и парфянскими Аршакидами привела к тому, что временно вышел из строя караванный путь из Селевкии вверх по Евфрату и временно для караванов стало более выгодным идти в Петру из Герр на Персидском заливе или Харакса, чем из Герр к устью Евфрата и оттуда вдоль реки на север. Немаловажен был и тот факт, что ослабленный Египет был уже не в состоянии диктовать свою волю набатеям. В результате набатеи установили контроль как над караванной дорогой через Синайский полуостров, так и над частью морского пути по Красному морю в Египет. Таким образом, их царство значительно распространилось на юг и на запад, а их гаванью на восточном побережье Эланитского (Акабского) залива стала открытая гавань Левке Коме (Белой Деревни). Она поглотила существовавший прежде порт и вступила в оживленные сношения с египетскими портами Птолемеев.

Мы не знаем, в какой мере этот расцвет набатеев пошел на пользу Заиорданью, но вполне вероятно, что начало их процветания, если только не возобновление их жизни вообще, следует отнести к этому периоду. История Босры дает немногочисленные сведения об этом, так же как и обнаружение в 1930 г. в Джераше первой набатейской надписи, которая датируется, кажется, I в. до н. э.

Тем не менее достоверными сведениями об этом мы не располагаем; нам точно известно только то, что это важное событие в истории Заиорданья случилось, когда Помпей положил конец независимости петрейской Аравии, Сирии и Палестины и дал «свободу» городам Заиорданья. После этого место Селевкидов на Ближнем Востоке заняли римляне, которые, пойдя по следам селевкидских традиций, стали новыми эллинизаторами. С самого начала их политика в Сирии была продолжением политики Селевкидов, а города Заиорданья построили свое более позднее величие и богатство на этом факте. Поэтому естественно, что в Джераше Помпей стал новым основателем города, что нашло выражение во введении новой системы летосчисления, которую мы можем назвать помпеянской эрой (началась в 64 г. до н. э.). Это выглядело так, словно в этот год к власти пришла новая династия, если не эллинская, то, конечно, филэллинская.

Политика Помпея в основном была продолжена его преемниками в Сирии. Более чем полтора столетия местные цари, имена которых

нам известны, правили Петрой в качестве вассалов Рима и продолжали контролировать аравийскую караванную торговлю. Римская политика в связи с этим не совсем ясна, но в период Ранней империи скорее была направлена на усиление Египта посредством развития самостоятельных отношений этой страны с Индией и Южной Аравией, чем на покровительство и развитие сухопутной караванной торговли через Петру. Во всяком случае, такое впечатление складывается на основе наших скудных данных об аравийском походе Августа и о политике, которую его преемники, главным образом Нерон, проводили в Красном море.

Тем не менее города за Иорданом не могли не почувствовать бóльшей стабильности, которой в это время жизнь достигла как в Сирии, так и во всей Римской империи, особенно в первые десятилетия I в. н. э. В результате этой стабильности начался период расцвета Сирии и Палестины. Свидетельства — бурная строительная деятельность Ирода Великого и его династии, этих блестящих наследников Маккавеев и покорных вассалов Рима, правивших в огромном Сиро-Палестинском царстве. Следы этого процветания сохранились и в Джераше, систематические раскопки которого недавно начались. Они подтверждают, что начало I в. было периодом лихорадочной строительной деятельности в городе, основные черты которого сложились именно в этот период.

Однако настоящий период расцвета как для Джераша, так и для всего Заиорданья начался несколько позже. Он частично связан с двумя группами событий на Ближнем Востоке: восстанием евреев против Нерона и Веспасиана и политикой римских императоров по отношению к Александрии. Палестинская война 70 г. н. э. привела к попытке Флавиев окружить центр иудейского фанатизма цепью эллинистических городов и замкнуть иудаизм в железное кольцо эллинизма. Города Заиорданья являлись звеньями этой цепи по линии Иордана. Там Веспасиан и Домициан поселили сильные группы римских ветеранов греческого происхождения или довольно сильно эллинизированных. В некоторых городах Заиорданья вновь появились мощные римские гарнизоны, для того чтобы поддержать этих новых носителей эллинизма и римского влияния. Вполне вероятно, что помимо этой военной политики Флавии предприняли меры для развития петрейской торговли и направили ее через заиорданские города. Этот факт подтверждается некоторыми надписями, недавно раскопанными в Джераше.

Никто не может усомниться в том, что эта политика частично была направлена также против Александрии и что ущерб, который мог быть причинен ею этому городу, наносился сознательно. В I в. до н. э.

Александрия стала слишком богата и слишком благополучна, а ее жители смотрели на римлян с презрением и ненавистью. Оппозиция не раз поднимала голову в Александрии, и только энергичное вмешательство римской власти не давало александрийским еврейским погромам развиваться в настоящие восстания. Поэтому не удивительно, что Флавии и их преемники охотно направляли часть александрийских восточных товаров в другие провинции Римской империи и что для этой цели они выбрали города Заиорданья и делали все от них зависящее, чтобы развить торговлю этих городов.

В свете этого становятся понятными политика Траяна и его преемников и колоссальный, буквально сказочный рост заиорданских городов во II в. до н. э., который тоже объясним. Я уже описывал, как Траян жестко прибрал к рукам Петру и сделал ее частью своей новой провинции Аравия, ясно объяснив населению, что впредь их торговля пойдет не только по Красному морю в Египет, но также через Дамаск и побережье Финикии и Сирии к городам Заиорданья. Несомненно, что схема Траяна стала следствием ситуации в Александрии и Палестине, которую мы только что описали, а также отношений с Парфией и Месопотамией, о которых я буду говорить в следующей главе. Его политику в Аравии и Заиорданье продолжали и его преемники — Адриан, Антонин Пий, Марк Аврелий и Коммод, а позже — династия Северов. В течение этого периода Джераш расцвел, были построены лучшие его здания. Теперь город раскинулся на большой площади по обоим берегам реки и превратился в типичный караванный город, но об этом далее.

В III веке н. э. этот расцвет был прерван. Города Заиорданья превратились в руины и опустели. Возможно, хотя у нас и нет прямых доказательств, что новые владыки Иранского Востока, сасанидские персы, которые в середине III в. многократно сметали всю Сирию и Месопотамию в море, включили в один из своих грабительских и опустошительных походов Петру и города Заиорданья. Это могло быть одной из причин их упадка, хотя главной причиной была, конечно, анархия и руины, которые образовались на всей территории Римской империи в течение почти всего III в., и повлияли, прежде всего и больше всего, на караванную торговлю. Мы не должны забывать, что их блестящее развитие во II в. н. э. было целиком связано с расцветом Римской империи в это время.

Мы не можем сказать, возродилась ли Петра после своего упадка в III в., но Джераш позже возродился, постепенно и медленно приобрел значение как христианский город. Начиная с IV в. рядом с его храмами выросли скромные церкви, а рядом с ними появлялись синагоги. Место Солнца и Луны занял победный Крест, но торговая жизнь города в это время была жалкой — медленным и болезненным возрождением.

Настоящее возрождение Джераша произошло позднее — во времена Юстиниана, а причины этого возрождения выяснят в будущем те, кто когда-нибудь серьезно займется историей караванной торговли в позднеримское и византийское время. Одно несомненно: при Юстиниане произошло возрождение караванной торговли. Она вновь пошла по заиорданской дороге через Петру или через города-преемницы Петры в Аравии и оказала большое влияние на Джераш. Именно в это время рядом с руинами храма Артемиды выросла колоссальная церковь — собор Феодора Стратилата, которая наряду с нимфеем и могучими пропилеями соперничала с языческими постройками, расположившимися рядом. Они тоже повсеместно были превращены в церкви и расцвелились живописью и мозаикой. Не забыта была и та часть населения, которая еще оставалась языческой или стала полухристианской, так как именно для них в это время был возрожден длительный семитский праздник Маюма, столь ненавистный отцам церкви, которые считали празднование Маюма безнравственностью и распущенностью.

Однако возрождение города длилось недолго. Над ним прошла санидская гроза, а за нею последовало владычество арабов до и после принятия мусульманства. Эти правители Востока сыграли свою роль в разрушении Джераша, но это не они привели Джераш и другие центры эллинизма в Заиорданье к их последнему издыханию. Во всяком случае, разрушения в его христианских церквях могли произойти при Омаре II — иконоборце (717–720), который нанес больше урона городу, чем землетрясение 18 января 746 г., разрушившее многие его крупные здания. Хотя ни Омар, ни землетрясение не были настоящими причинами его окончательного разрушения. Настоящей причиной было изменение организации караванной торговли во времена арабского господства. Торговля пошла по новому пути, который шел в обход Джераша. Некое подобие жизни продолжало теплиться в ней; остатки арабского города с XII по XIV в. недавно были раскопаны. Дальнейшие раскопки покажут, насколько значительной была роль этого города с XII по XIV в. Как мы можем теперь сказать, его возрождение было неполным и кратковременным. Вскоре после этого Джераш превратился в то, что он представляет собой сегодня — город самых поэтических руин столь богатой руинами Сирии и один из наиболее многообещающих объектов для исследований современной археологии.

Что же сделали там археологи? Еще лет десять тому назад поездка туда была делом сложным и трудным. Теперь это проще простого. Если вы утром сядете в автомобиль в Иерусалиме, то к обеду вы окажетесь в Джераше. Не удивительно, что в XIX в. посетителей руин были единицы, теперь — сотни, а скоро — будут тысячи. Не удивительно также, что в прошлом археологи довольствовались фотосъемкой руин и ко-

пированием надписей, теперь же для Джераша наступила эра систематических научных раскопок. Нужно, однако, сознаться, что пока раскопки дали довольно мало нового материала. Главное, что нам известно, добыто собиранием и занесением на план имеющихся руин старшим поколением археологов. Среди этого старшего поколения почетное место занимает наш соотечественник кн. Абамелек-Лазарев, опубликовавший очень ценную работу о Джераше (в сотрудничестве с Р. Х. Лепером) с рядом превосходных фазастафий, и немецкий археолог Шухард, впервые сделавший более или менее точную съемку как всего города, так и отдельных его зданий.

Мы, археологи XX в., работаем на той основе, которая была заложена для нас нашими предшественниками в XVIII и XIX вв., теми путешественниками, кто первым стал собирать надписи Джераша, зарисовывать и фотографировать руины наиболее значительных зданий, делать их обмеры и чертить общий план города. После такой подготовительной работы первые раскопки Джераша были предприняты профессором Гарстангом (Garstang), директором Британской археологической школы в Иерусалиме.

За время его директорства Заиорданье было организовано в самостоятельное «государство» с очень интересной конституцией: во главе государства стоит эмир, живущий в новеньком, но маленьком дворце в Аммане, столице царства. Он консультирует кабинет, состоящий из министров, избранных местным населением; при каждом из этих местных министров — советник-англичанин. Есть уэмира и армия — Заиорданский легион, офицерами которого частично являются англичане. Вероятно, правительство примерно такое же, как при Птолемах. Одним из важных департаментов Заиорданского правительства является Служба древностей, во главе которой попеременно находятся местный и британский директоры. Британский советник, хорошо известный архитектор господин Хорсфилд, проживает в Джераше и, следуя профессору Гарстангу, начал новую эру в истории города как систематическими раскопками, так и частичной реставрацией города.

В этом господину Хорсфилду помогали и помогают многие иностранные учреждения; прежде всего Британская школа, которая сотрудничала с ним по расчистке руин. Вскоре и Йельский университет по совету покойного профессора Б. Бекона (B. Bacon) проявил живой интерес к работе и помог профессору Хорсфилду и преемнику господина Гарстанга Кроуфуту (Crowfoot) проводить свои работы. Несмотря на то, что Британская школа устранилась, работа была продолжена Йельским университетом при участии Американской школы восточных исследований (American School of Oriental Research) в Иерусалиме и с помощью и благодаря советам господина Хорсфилда.

На протяжении двух первых лет работы Йеля нашей целью было исследовать христианские древности, в то время как Хорсфилд посвящал себя изучению языческих памятников Джераша. Теперь мы все заняты изучением наиболее значительных памятников, вне зависимости от того, являются ли они христианскими или языческими.

В мою задачу не входит дать подробный отчет о проделанной работе, так как многое из сделанного еще остается неопубликованным и мне не хотелось бы нарушать права тех, кому принадлежит право публикации. Я дам здесь только общее описание Джераша во время его наивысшего расцвета в I и II вв. н. э. Еще недостаточно освещена сложная проблема, чем он был до и чем стал после этого. Даже раскопками последних лет восстановить эллинистический город невозможно, и только поверхностно можно представить его христианского преемника — Джераш IV и последующих веков.

Здесь, как и в Петре, руины дают нам четкое представление о строении всего костяка. Стены, опоясывающие город, подчеркивают особенность окружающей его страны. Их датировка неточна. Возможно, что основную часть их можно отнести к эллинистическому времени. Возможно, что какая-то работа была проделана в раннеримский период, особенно до и после крупных еврейских восстаний против Нерона и Веспасиана. Ремонт и реконструкция стен могли быть произведены в III и последующих веках.

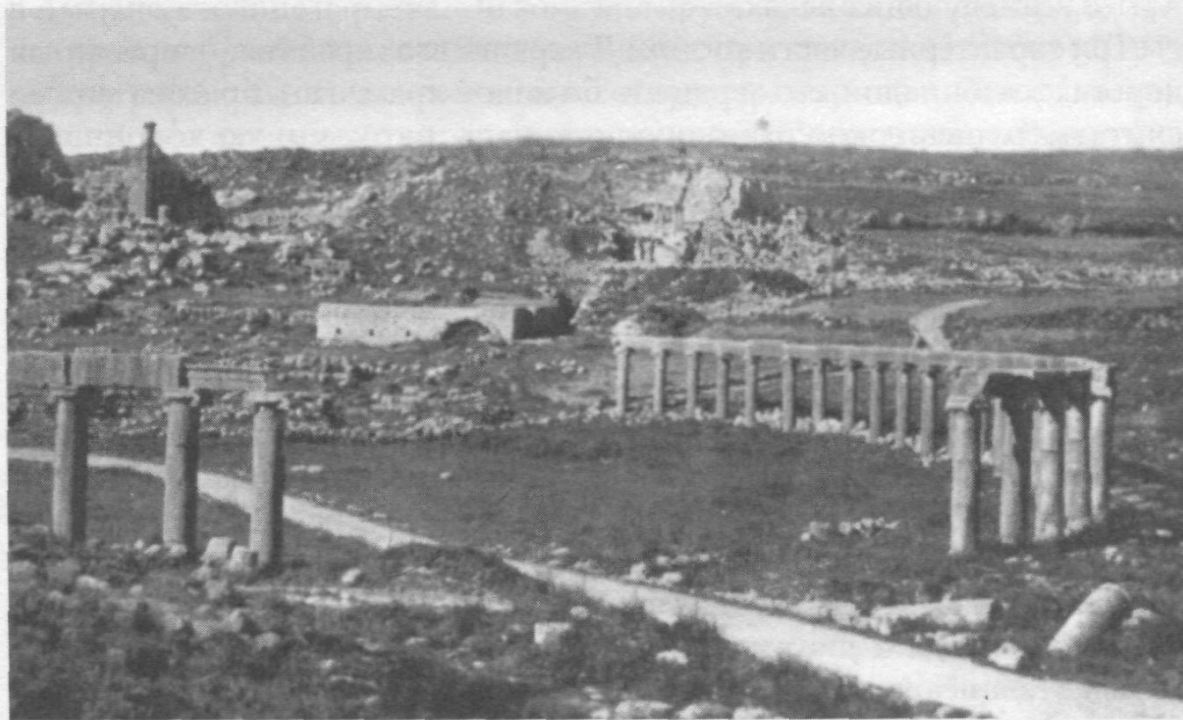
Три характерные части костяка Джераша: его «хребет» — караванная дорога с колоннадой, его сердце — большой храм, а его брюхом можно считать грушевидную рыночную площадь, окруженную колоннами. Несколько поодаль стоят величественные руины театра и храма Зевса, обращенного к южным воротам, словно защищающие город с этой стороны.

Если въезжаешь в Джераш со стороны амманской дороги, первая постройка, которую можно увидеть, — типичная для многих городов Римской империи. Это триумфальная арка — символические ворота города, воздвигнутые для прославления Империи и императора (см. рис. X, 1). В Джераше, как и в Дуре, эта арка находилась за чертой города. Посвятительная надпись, к сожалению, утрачена, поэтому мы не знаем времени сооружения арки, хотя она находится вблизи южных ворот. Можно предположить, что они были построены в одно и то же время, однако дата сооружения южных ворот тоже неизвестна.

Следующие руины, которые проезжает посетитель, находятся слева от дороги, ведущей из Аммана, но тоже за пределами города. Это большой ипподром (более 200 метров в длину и около 80 метров в ширину) обычной формы со скамьями и двойными «ложами». С ним связано забавное заблуждение, так как многие ученые называют его «навмахи-

1

2

Рис. Х. Джераш:

1 — «триумфальная» арка за пределами города; 2 — грушевидная площадь.
Слева на холме руины храма Зевса, а справа от них — театр

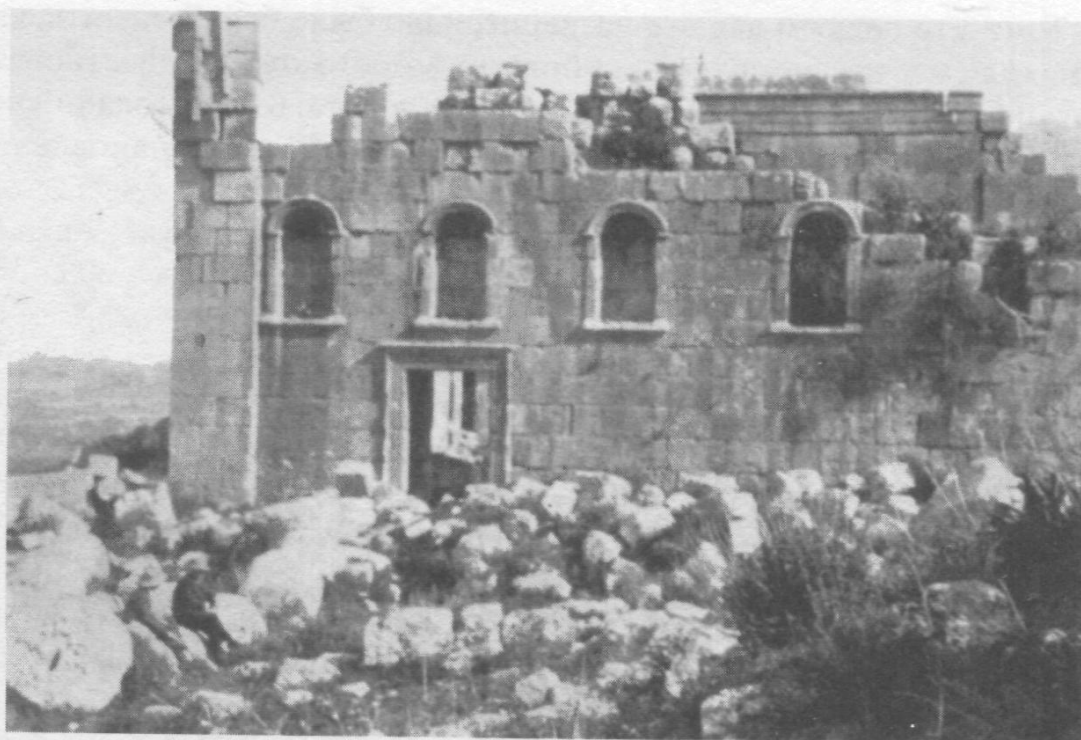
ей». Тому, кто первым дал это название, надо было бы объяснить, как навмахия (место для потешных боев на море) может существовать в полупустынной местности, где вода на вес золота. В самом здании нет ни малейших признаков какого-либо приспособления для наполнения прямоугольной площади с одним полукруглым концом водой. Настоящее назначение здания очевидно — это ристалище для атлетических состязаний. Возможно, что оно также служило неким более прозаическим и более подходящим для караванного города целям и было лошадиным, верблюжьим и скотным рынком; здесь караваны могли покупать нужных и продавать ненужных им животных. Использование ипподрома в этих целях было, вероятно, продиктовано желанием позволить продавцу и покупателю испытать животное, прежде чем заключать сделку. В позднее время, возможно в период второго парфянского нашествия, северная часть ипподрома была отгорожена и превращена в маленький цирк.

За ипподромом в нескольких минутах перехода караван, шедший из Аммана, входил в южные ворота города — богато отстроенную и украшенную арку с тремя пролетами.

Характерно, что здесь имеется выступ стены для того, чтобы включить в укрепления высокий холм, на котором стоят два эффектных здания (см. рис. X, 2). Они по-прежнему в хорошем состоянии и представляют собой большой и богатый храм и театр. Их расположение у самых ворот города сложно объяснить, так же как и то, что эти здания ориентированы иначе, чем весь остальной город. В городе дороги прямые, идут с юга на север и с запада на восток, и несомненно, что общая планировка датируется раннеримским временем. Храм и театр, которые не укладываются в эту схему, не могли, таким образом, быть построенными римлянами; они являются наследием более старого Джераша эллинистического времени.

Храм, посвященный в римский период Зевсу Олимпийскому, никогда не раскапывался, и поэтому о его истории мы знаем очень мало. Единственный известный о нем факт — это то, что в I в. н. э. на его строительство или перестройку был объявлен сбор денег. Эта работа была завершена лишь в 163 г. н. э., когда храм принял свой римский вид и был посвящен Зевсу (см. рис. XI, 1)

История театра (см. рис. XI, 2) менее туманна. Его зрительный зал, вмещавший 4500 зрителей, был выстроен в раннеримское время; сцена многократно перестраивалась, и датировки этих работ еще научно не определены. Мое впечатление таково, что ее наиболее ранняя форма датируется эллинистическим временем, и если это действительно так, и если памятники на холме действительно построены в это время, то не стоит слишком спешить с их реконструкцией.

1

2

Рис. XI. Джераш:

1 — один из боковых фасадов храма Зевса; 2 — зрительские места в театре

В доэллинистическое время там, вероятно, находился храм, посвященный местному семитскому божеству; о последнем надписи говорят нам, что в более позднее время на этом холме поселился Зевс Олимпийский в сопровождении своих гиеродулов (священных рабов), которых можно считать восточным наследием от прежнего храма. Он, подобно другим сирийским храмам, мог быть связан со зданием, похожим на театр, который использовался для религиозных отправлений. В эллинистическое время местное святилище было превращено в храм Зевса и был также построен большой греческий театр. Возможно, что холм стал акрополем и цитаделью и даже мог быть укреплен. Наконец, в раннеримское время, примерно в I в. н. э., храм и театр были перестроены, расширены и заново отделаны. Возможно, что в это время прежний храм был окружен периболом с монументальной лестницей, которая связывала его террасы с территорией, имевшей яйцевидную форму, от которой начиналась главная городская артерия — колоннадная улица. Когда были построены городские стены, укрепленная цитадель, конечно, оказалась на территории, которую они защищали; возможно, даже она продолжала служить цитаделью.

Караван входил в римский город, минуя его ворота. Первый архитектурный комплекс, его встречавший, — необычная как по размерам, так и по форме, грушевидная площадь с монументальными воротами по обеим сторонам. Она была отлично вымощена и окружена двумя портиками ионических колонн, не замыкающими со всех сторон свободное пространство (см. рис. X, 2). Пробные раскопки, проведенные в этом году, подтвердили, что в своем нынешнем виде она датируется раннеримским временем, т. е. временем перестройки города. В более ранний период площади на этом месте не было. Раскопки показали, что глубокая лощина между двумя холмами (акрополем и холмом рядом с рекой) была заполнена строительным мусором для того, чтобы создать ровное пространство для римской площади. Тем не менее те же раскопки не смогли выявить действительную причину постройки этой особой площади, но я придерживаюсь того мнения, что в Джераше, как и в Петре, первым архитектурным комплексом города, встречавшим путешественников, был один или несколько караван-сараев. Они опоясывали рыночные площади, окруженные лавками, складами и постоялыми дворами, как это можно видеть в современных караванных городах. Здесь останавливались караваны; разгружались верблюды, товары переносили в склады, путешественники мылись и отряхивали с себя пыль. И только после того как путники принимали вид чистых, изящных и цивилизованных людей, они вступали в чистый и изящный город.

От грушевидной площади начинается, как и в Петре, гордость Джераша, гордость любого сирийского города — широкая улица (см. рис. XII).

1

2

Рис. XII. Джераш:

1 — главная колоннадная улица Джераша. Сзади на холме находился храм Артемиды;
2 — часть колоннадной улицы

Она фланкирована колоннами, которых всего было более 500, хотя на сегодняшний день сохранились более 70, и пересечена в двух местах — в начале и в центральной части типичными для городов Сирии четырехпролетными воротами — тетрапилами. Между ними по обе стороны улицы высились самые главные здания. На восток и на запад от тетрапилов, пересекая улицу под прямым углом, проходят колоннадные улицы, из которых одна, ведущая к мосту через реку, проходит под первым тетрапилом.

Центральная часть главной улицы была фланкирована необычайно красивыми зданиями. Из них нам хорошо известно находящееся на северной стороне, где прямо за первым тетрапилом перед путешественниками, вступающими в город с юга, открывается самая великолепная вереница фасадов. Сначала появляется прекрасный нимфей, недавно раскопанный и частично восстановленный Хорсфилдом. Это — трехэтажное здание с богато украшенным фасадом, напоминающим каменное убранство театра, служившее храмом, водопроводом и цистерной. Оно было украшено нишами, статуями, разноцветной мраморной облицовкой, их дополняли также струи беспрестанно текущей воды (см. рис. XIII, 1).

Рядом с ним — изящные пропилеи — ворота, ведущие к монументальной многоступенчатой лестнице. Она ведет к небольшому храму — скромному соседу храма Артемиды, возможно, обители ее божественного супруга. Он, вероятно, благоговел перед величием своей супруги, несколько уступая ей, как во многих местах Хадад — Атаргатис, как и многие другие боги Сирии и Малой Азии; здесь Великая Богиня, олицетворение «Вечной женственности», довлеет над мужским началом в религии и чуть ли не в повседневной жизни тоже. В христианское время, когда храм был превращен в христианскую церковь, основные архитектурные детали, как, например, монументальная лестница, сохранились, но само здание постепенно превратилось в великолепную базилику Феодора Стратилата, о которой я подробнее буду говорить ниже (см. рис. XIII, 2).

За ним появляется храм Артемиды, божественной покровительницы Джераша, которая в римское время прибавила к своему греческому имя Фортуна, «Счастье» города. Этот вход был спроектирован с необычайной любовью и талантом и имеет все точные характеристики, свидетельствующие о высоком техническом развитии, которое мы наблюдаем в зримом нагромождении греко-римской архитектуры имперского времени. Главный вход в храм был расположен под прямым углом по отношению к главной колоннадной улице. Подход с другого берега реки тоже вел к колоннадной улице; сначала дорога проходила через мост и затем сквозь узкий прямоугольный двор, который был

обрамлен коринфскими колоннами. Монументальные ворота соединяются с ним посредством другого, более широкого двора, который имел форму равнобедренной трапеции. Его длинная сторона была обращена в сторону колоннадной улицы и увенчана большой трехпролетной триумфальной аркой. Этот второй двор — настоящий *trompe-l'œil* — удивительное достижение иллюзорной архитектуры, в которой все направлено на то, чтобы подчеркнуть производящие сильное впечатление линии арки. Дорога проходит под триумфальной аркой и затем направляется к пропилеям. В христианское время вся эта группа зданий между улицей и рекой была превращена в церковь св. Прокопия, однако основные черты прежней постройки разглядеть все еще можно.

Пропилеи были великолепно восстановлены Хорсфилдом (см. рис. XIV, 1). Простота и изящество основных линий делают их еще более величественными, хотя план прост и оригинален. Они состоят из монументальных трехпролетных ворот, откуда большая и прямая лестница ведет ко входу в перибол. Здесь план продуман так, что, хотя пропилеи лежат теперь в руинах, они не могут не впечатлить зрителя, так как он не в силах отвлечь свое внимание от декоративных деталей. До сих пор в иллюзорной архитектуре даже эти детали важны, так как они придают постройке необходимую игру света и тени. Для того чтобы представить себе постройку полностью, необходимо прежде всего признать успех архитектора в решении им наиболее сложных проблем, как, например, объединении по террасам нескольких зданий, относящихся к различным периодам и стилям.

Сотни людей, направляясь поклониться Артемиде — царице города, проходили под этими пропилеями: жители Джераша — богатые и бедные, мужчины, женщины и дети, путешественники и купцы, чьи караваны от времени и до времени останавливались в городе; важные водители караванов, скромные погонщики верблюдов и ослов, свободные или рабы — все и каждый шли почтить свою госпожу, омыться в чистых водах ее фонтана, очиститься в ее присутствии от скверны и принести ей свои дары и дать обеты.

Пространство между тремя фасадами этих зданий занято большими двухэтажными лавками, построенными из камня, — настоящая «Барлингтонская Аркада». Все построены напротив террас храма и небольшого театра, который мы опишем позже; все одинаковы, и очевидно, что этот торговый центр должен был находиться в собственности города, а аренда лавок — приносить значительные и постоянные поступления в местные доходы.

Несомненно, что храм Артемиды представлен самыми импозантными на сегодняшний день руинами в городе, так как и сейчас еще

1

2

Рис. XIII. Джераш:

1 — нимфей (монументальный фонтан на центральной улице); 2 — вход в церковь св. Феодора (бывший языческий храм рядом с храмом Артемиды)

высятся *in situ* многие его колонны, увенчанные чудными и превосходно сохранившимися коринфскими капителями (см. рис. XIV, 2). Можно было бы легко восстановить колонны, которые выпали из портика, окружающего перибол, и из колоннады, так как они все лежат прямо там, куда упали во время землетрясения. Можно войти также под могучие своды храма, в котором сейчас располагается музей, образованный на основе архитектурных и эпиграфических руин. Прекрасный и хорошо сохранившийся в руинах храм, несмотря на это, все еще загадка, он все еще таинственен в своей великолепии. Когда он был построен? Кто его построил и как? Было ли это место свято и до зарождения караванного города? Возможно, что когда-нибудь раскопки дадут ответы на все эти вопросы. Единственное, что мы знаем точно, это что пропилеи храма в их настоящем виде были сооружены в 150 г. н. э.

Таковы основные черты города. Римский Джераш, как и Петра, — город, блестящее развитие которого было в значительной степени связано с караванной торговлей и чей план сознательно или бессознательно был приспособлен для караванов. Все остальное в городе второстепенно, поэтому не удивительно, что время стерло его. Может быть, менее второстепенен комплекс зданий за храмом Артемиды, как бы его дополнение, которое состоит из крытого театра с причудливой площадью перед ним. Это могло быть чем-то вроде форума, где в римское время собирался народ и совет старейшин. Здесь могло быть и место религиозных церемоний, а также представлений священной музыки и ритуальных танцев. Место очень похоже на храм Артемиды в Дуре, который я опишу позже, хотя здесь все в значительно более крупном масштабе.

Таков город, который располагается на западном берегу Хрисорои. Топография кварталов на восточном берегу, связанном с западным двумя каменными мостами, неясна. Здешние руины никогда не были значительными, и теперь почти все их следы окончательно стерты построенной поверх них деревней кавказских эмигрантов, мигрировавших в Турцию в 1860 г., а в 1878 г. переселенных в Джераш; кое-кто из них еще говорит по-русски. Вряд ли эта часть была когда-то занята постройками старого эллинистического города; скорее всего, она возникла в результате расширения центральной части города за счет противоположного берега реки, где располагались жилые кварталы, предместья и здания практического назначения. И сейчас еще высятся здесь руины больших и роскошных терм, впрочем, менее роскошных, чем термы на западном берегу.

В Джераше, как и во всех городах Древнего мира, второй и не менее впечатляющий город воздвигался непосредственно за жилым городом; это был город мертвых, полный замечательных памятников. Описывать

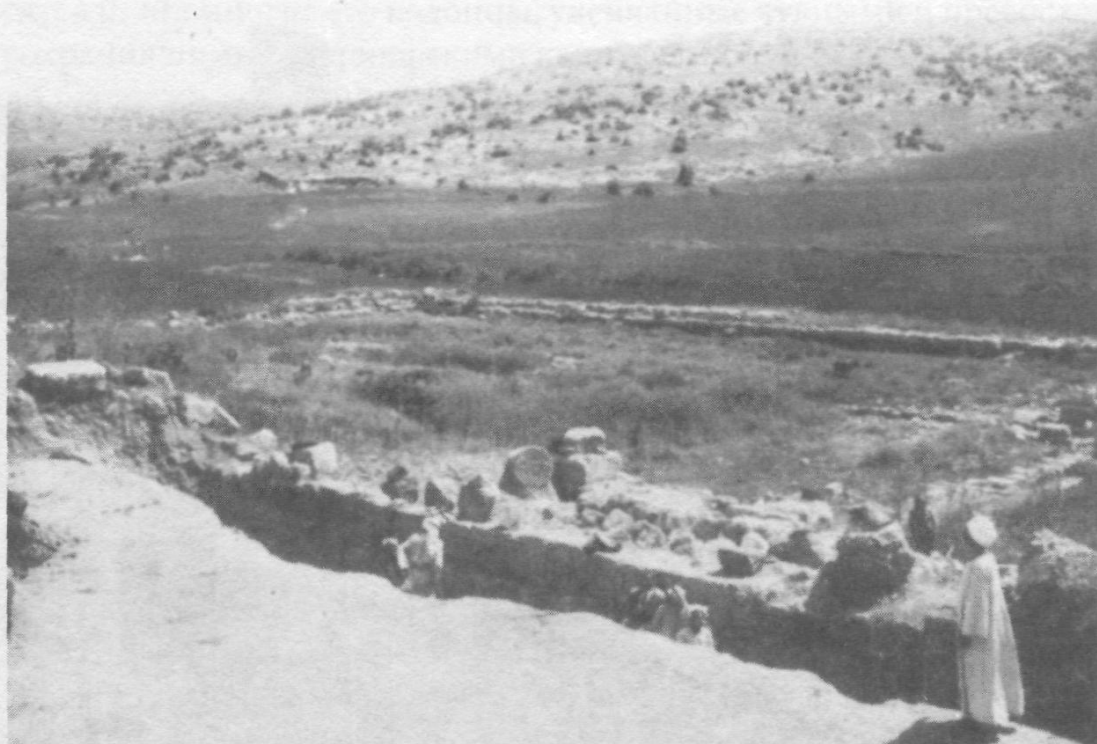
1

2

Рис. XIV. Джераш:

1 — монументальные пропилеи (ворота, ведущие к большому храму Артемиды);
2 — фасад храма Артемиды

1

2

Рис. XV. Джераш:

1 — большая цистерна для воды за пределами города; 2 — театр, построенный на склоне холма недалеко от большой цистерны для воды, в которой обнаружена надпись Маюма

их здесь необходимости нет, так как они не удивительнее и не прекраснее тех, что в Петре и Пальмире. Однако город без них кажется неполным, так как они — первое, что встречает путешественников, прибывающих сюда из Дамаска или Палестины, Филадельфии или Босры, или из других городов Декаполиса. Храмы и часовни, огромные массивные саркофаги, ступенчатые пирамиды, расположившиеся на тяжелых основаниях, фасады, высеченные в скалах, — все фантастически сменяет друг друга, и возможно, что это готовит странника к великолепию города живых.

Среди этих гробниц стоит один из наиболее любопытных памятников Джераша — огромная цистерна, или резервуар, в северном некрополе, в которую впадают многие ручьи, несомненно, основной источник воды для города. Это не цистерна наподобие тех, что встречаются во многих других городах Древнего мира, а открытый резервуар, такой, какой можно видеть в сегодняшней Америке (см. рис. XV, 1). Из этого резервуара вода через шлюз поступала в акведук, который вел в город с запада, со стороны так называемых Дамасских ворот. Затем он огибал с тыла «комплекс Артемиды» и заканчивался в великолепном нимфее, расположенном на главной улице, который описан выше. Цистерна поделена стеной на две неравные части. Все здания около южной оконечности бассейна недавно были раскопаны доктором Фишером, однако некоторые проблемы, связанные с ними, по-прежнему остаются.

Вдоль южной стороны цистерны расположена терраса, ограниченная со стороны воды колоннадой. По другую сторону террасы находится небольшой театр примерно на 1000 зрителей (см. рис. XV, 2). Южный вход на террасу был украшен арочными воротами, рядом с которыми был найден каменный блок с длинной греческой надписью, о которой мне хотелось бы здесь рассказать. Мы можем отметить, что с мест в театре, если театр имел настоящую сцену, цистерна не была видна. Если даже конструкция сцены была очень низкой, то «те, кто сидел по краям полукруглого зрительного зала, с трудом могли бы видеть то, что происходило внизу на сцене», — говорит доктор Фишер в своем рукописном отчете о раскопках.

Если бы не было вышеупомянутой надписи — позднегреческого текста, относящегося к 535 г., мы никогда не догадались бы о назначении этого комплекса зданий. Тем не менее эта надпись указывает на то, что здесь отмечали праздник Маюма. Это была одна из наиболее известных религиозных церемоний языческой Сирии, и она вызвала особое отвращение у христиан по той причине, что в присутствии зрителей, сидящих в храме, похожем на театр, который весьма типичен для Сирии, совершалось ритуальное омовение обнаженной женщины.

Похоже, что перед нами на краю резервуара находятся все элементы, необходимые для данной церемонии; этого достаточно, чтобы с легкостью мысленно восстановить все действия. Таким образом, мы можем очень живо представить себе церемонию, которую устраивали здесь в честь богини Джераша. Однако, к сожалению, результаты раскопок последних лет вряд ли могут заставить нас поверить в то, что небольшое здание театра было построено для того, чтобы наблюдать церемонию, которая происходила в цистерне. И это потому, что, как я уже говорил, скорее всего, со ступеней театра невозможно было видеть то, что происходит в резервуаре. Поэтому можно предположить, что, если церемония Маюма, как она проходила в Джераше, была связана с театром, она не могла быть связана с резервуаром; и наоборот, если она происходила в резервуаре, то тогда она не имела ничего общего с театром. Раскопки рождают многие наши гипотезы, но они могут и разрушать их.

Таков в общих чертах был облик Джераша в эпоху ранней Римской империи. О жизни населения мы знаем очень мало. Многочисленные надписи из города позволяют нам реконструировать прошлое некоторых его зданий и культ его богов, но в целом, что касается жителей, они рассказывают нам немного и неинтересно, в основном то, что могло происходить в любом другом городе Римской империи.

Тем не менее очень внимательное изучение надписей нас кое-чему учит. Мы узнаем, например, что город не был целиком греческим, что фактически греки были вытеснены местными семитами, постоянно возрастающим в численности арабским и еврейским населением; таким образом, хотя внешне город был греческим, в основе своей он был арабским; то же самое верно и относительно его религии.

Ни в Джераше, ни в Петре по надписям невозможно проследить зависимость общественного благополучия от караванной торговли, так как древние надписи очень редко говорят о таких прозаических фактах, хотя надписи Пальмиры — исключение. Ни общие черты города, ни характер его памятников не позволяют нам думать, что город был населен караванными купцами. В Петре и Пальмире это не так; в обоих весь план города имеет типичные черты караванного.

Вопреки этому я твердо уверен, что Джераш был караванным городом. Несколько дней тщательных исследований подтверждают это. Потому что когда мы смотрим на бесплодную территорию, чахлую растительность и небольшие рудники, то становится ясно, что только транзитная торговля могла дать богатства, необходимые для строительства зданий, которые я только что описал. Деньги на эти здания текли из карманов его жителей, вряд ли они могли получать внешнюю финансовую помощь, так как маловероятно, что какой-то правитель израсхо-

довал бы средства на его украшение. Если правители и оказывали помощь каким-то отдельным городам, то на это всегда имелись особые причины. Филипп, например, принял участие в судьбе расположенной поблизости Канаты, однако не следует забывать, что он был по происхождению арабом; Септимий Север превратил Лептис в Северной Африке в город своей мечты, однако он был выходцем из него и нежно любил его. Никаких подобных связей в Джераше проследить невозможно. Только караванная торговля могла дать огромные суммы денег, необходимые для строительства прекрасных памятников города. Этот факт значителен, и его следует принять во внимание тем, кто посвятил себя исследованию экономической истории древности. Он дает нам четкое представление о том, как велики были затраты, связанные с караванной торговлей, и каковы были доходы, приносимые ею.

Во времена ранней Римской империи, когда город сделался христианским, а великая Артемида из властительницы и госпожи стала злым демоном, основные линии Джераша не изменились. Однако изменился внешний вид города. Уже в эпоху разрушения и опустения — в III и IV вв. н. э. христианские церкви одно за другим захватывают лучшие здания города. Эти ранние христианские церкви малы и скромны и не идут ни в какое сравнение с языческими руинами, однако когда период возрождения города в V и VI вв. н. э., главным образом при Юстиниане, завершился и христиане поставили перед собой цель создать новый Джераш, по крайней мере такой же блистательный, как прежний, они стали возводить его на руинах зданий языческого периода.

Так, собор Феодора Стратилата, святого воителя, был воздвигнут рядом с храмом Артемиды, на руинах храма ее воинственного божественного супруга. Собор своими пропилеями, своей монументальной лестницей, своей восхитительной живописью, своими прекрасными мозаиками и скульптурой является чем-то бóльшим, чем просто христианское подражание раннему языческому храму, однако одна деталь в структуре храма выделяется. Это особая форма двора и «ганглион» сложных зданий, которые здесь постепенно возникали.

Двор расположен между церковью V и VI вв. и выходящим на улицу более старым зданием, которое, вероятно, можно отнести к IV в. В центре находится монументальный фонтан, а из двора прекрасная лестница ведет к поздней церкви. Напротив фонтана, непосредственно за апсидой поздней церкви, высится епископский трон. Кажется очевидным, что христианский нимфей был выстроен здесь на месте древнего языческого фонтана. Однако мы можем проследить далее, так как Елифаний, епископ Кипра, в одном месте своего *Панариона*, около 475 г., говоря о чудесах христианского мира, называет ряд мест, где в день чуда в Кане Галилейской, совпадающим с днем Преображения, вода в источ-

никах, т. е. в фонтанах, превращается в вино. Среди мест, перечисленных в этом списке, мы находим и Джераш, где чудо, говорят, совершилось в «мартирии». Несомненно, что христианское чудо там, где оно свершалось, происходило на месте подобного же чуда языческих мистерий, и очевидно, что подобное чудо могло наблюдаться вблизи или в самом храме Артемиды в языческое время¹.

Церковь св. Феодора была не единственной христианской постройкой в Джераше. Еще до того, как начались наши раскопки, были известны три церкви, и мы тщательно их изучили. Мы обнаружили, что все они датируются VI в., т. е. временем Юстиниана. Наши раскопки выявили еще шесть церквей и одну синагогу; в последней мы обнаружили мозаичный пол с изображением потопы. Всюду, где в руинах Джераша имелось большое скопление камней, первые же удары кирки показывали, что мы имеем дело с христианской церковью. Все эти церкви возникли в одно и то же время; истинно христианским Джераш сделался при Юстиниане. Город был не беден, когда они появились, и хотя все его церкви построены из камней, взятых из языческих построек, но все внутреннее убранство ново и индивидуально. Вся роспись, мозаика стен и сводов, которые когда-то их украшали, конечно, исчезли, однако мы располагаем кое-какими фрагментами уцелевших напольных мозаик.

Для историков и археологов особенно важны две из них, так как их бордюры составлены из схематических видов древних городов, названия которых указаны рядом с ними. Большая часть этих видов исчезла, но несколько осталось, судьбе было угодно, чтобы в двух мозаиках этого типа сохранилось одно и то же изображение: вид могущественной Александрии с ее знаменитым маяком — Фаросом. Рядом с Александрией на одной из мозаик изображен город Мемфис.

Я не буду обсуждать здесь важность этих мозаик для истории византийского искусства и для изучения топографии Александрии и Мемфиса византийского времени; все это выяснит тот, кому судьба позволила открыть эти мозаики, — господин Кроуфут. Тем не менее следует отметить, что случай сохранил здесь виды двух городов: Мемфиса и Александрии, которые соответственно представляют упадок и конец

¹ Мы должны помнить, что в этих областях Северной Аравии мужской ипостасью Артемиды был Душара, бог плодородия, которого греки отождествляли с Дионисом. Это божество, этот «арабский бог», как его звали жители Джераша, в Джераше удостаивался таких же почестей, как Зевс Олимпийский и сама Артемида. Уже раскопано три votivных дара ему. Мы можем предположить, что арабский Дюшара, или Дюшарес, мог появляться в своих скульптурных и барельефных изображениях не только в облике Диониса, но и бога войны. Это можно соотнести с культом святого воителя, утвердившегося на этой территории в христианское время.

египетской культуры. И тот, и другой город при Юстиниане были важны не потому, что они являлись носителями многовековых исторических традиций, а потому, что теперь они стали носителями новой культуры, культуры христианской империи. То, что изображено в них как символ и знамение времени, — это не великие постройки прошлого, а могучие храмы христианского культа. Они были не только наследниками и продолжателями этой прошлой культуры, но также воплощением абсолютно новой цивилизации. То, чем в Константинополе была св. София, в Ватикане — Латеран, в Риме — св. Мария Маджоре, в Александрии и Мемфисе — их великие церкви, этим в Джераше были мартирий Феодора Стратилата и десятки других церквей города.

Восток удивительно живуч и цепок, греческая языческая цивилизация жила в Джераше сотни лет; ее сменила греческая христианская культура. Но стоило накатиться сначала волне персидского Ормузда, а затем поверх него обрушиться Мохаммеду, как эта древняя, казалось бы такая прочная греческая надстройка превратилась в мираж. И вновь на горизонте над руинами языческого и христианского города появился полумесяц; медленно пришли в упадок колонны и портики; в этом состоянии мы их теперь и видим.

IV

ПАЛЬМИРА И ДУРА

Караванные дороги Персидской державы, шедшие из Индии и Ирана в Палестину, Сирию и Малую Азию, создали, как и арабо-индийские пути, свои собственные караванные города. Среди наиболее древних городов, возникших подобным образом, были Дамаск, Хама, Эмеса и Алеппо — все известны не только тем, что были богатейшими городами своего времени, но и сегодня остаются важными торговыми центрами. Позднее, в эллинистический период, на берегах Тигра выросла Селевкия, а еще позже в самом сердце пустыни возвысилась Пальмира, оказавшаяся на середине пути между долиной Евфрата и цветущими полями, лесами и гаванями Сирии и Финикии. Одновременно с Селевкией в среднем течении Евфрата появилась и Дура; хотя она была менее значительна и менее богата, но ее историческое значение больше.

История древнейших караванных городов Сирии покрыта мраком. Ни один из них не раскопан, и ни один раскопан быть не может, так как почти все они и сейчас — цветущие торговые города. Литературные же данные и упоминания в документах, даже для вавилонской и ассирийской эпохи, скудны и никогда не являлись предметом сравнительного изучения. Данные, датирующиеся персидским и эллинистическим временем, еще более малочисленны, но даже они имеют очень незначительное историческое значение. Случай с Селевкией, Дурой и Пальмирой — тремя караванными городами, характеризующимися своей эллинистической и римской культурой, особый, так как их топография и памятники теперь постепенно исследуются. Селевкия возникла как соединение караванного города и большой речной гавани; Дура — как соединение караванной станции и пограничной крепости; Пальмира приобрела значение как крупнейший караванный центр римского времени в сирийской пустыне. Для Селевкии время научных раскопок только началось. Что касается Дуры и Пальмиры, то материал имеется, так как в Дуре на протяжении вот уже семи лет проводятся систематические раскопки, в то время как последняя, чьи сказочные колонны всегда оставляли лирические воспоминания у путешественников, видевших их хотя бы раз, сделалась объектом более или менее систематических исследований, начиная с частной датской экспедиции и про-

водимыми теперь раскопками Сирийского государства лишь недавно. Поэтому как история, так и топография Дуры и Пальмиры постепенно становятся понятными и уже теперь можно указать несколько основных фактов, которые, будучи сформулированными, могут облегчить дальнейшую работу будущих исследователей.

Я уже делал упор на то, что весьма вероятно, что с древнейших времен караваны, шедшие с низовьев Тигра и Евфрата или с нагорий Персии, шли далее на север и на запад и далее — через Сирийскую пустыню, либо, огибая ее, вверх по Евфрату. Весьма вероятно, что уже в это время караваны достигали богатых серных источников на полпути между Евфратом и Дамаском, и оазисы, окружавшие их, караваны использовали в качестве станций на своем пути на запад. Около одного из источников еще в древнейшее время был построен храм, и вскоре вокруг него выросла деревня. В Библии эта деревня носит название Тадмор, позднее она стала называться Пальмирой и служить центром для племени, во владениях которого этот оазис находился. Однако оазис превратился из деревни в караванный город не только потому, что он был центром племени и что там находились источники; для этого необходимы были условия для обмена товаров и удобные постоянные дворы. Тадмор не был караванным городом, в нем отсутствовали необходимые для этого условия. Кроме того, старые караванные города Дамаск, Хамас, Эмеса стояли на краю пустыни и уже были торговыми центрами, они не готовы были к появлению соперника своей торговле. В результате прошло еще довольно много времени, прежде чем Тадмор-Пальмира могла превратиться в караванный город.

Уже с древнейших времен на берегах Евфрата стояли крепости, охранявшие караванные пути вдоль Евфрата, и возможно, что одной из них была Дура, так как название очень распространено среди ассирийских городов-крепостей и происходит от ассирийского *dûru*, что в переводе означает крепость или бург.

Мы мало знаем о Тадморе-Пальмире в доэллинистическое время и ничего — о Дуре. Наше первое известие о Дуре восходит приблизительно к 280 г. до н. э., когда некий Никанор, один из полководцев Селевка, преемника Александра в Сирии, основал крепость и колонию македонских солдат с македонским названием Европос. Если мы примем во внимание причину, которая привела к этому, то станет очевидным, что Дура-Европос стоял на Евфрате не один; он был звеном длинной цепи македонских крепостей-колоний, созданных для того, чтобы охранять как путь вдоль Евфрата, так и наиболее удобные пункты для переправы через него. Путь имел колоссальное значение для Селевкидов, владевших Ираном с одной стороны и Малой Азией — с другой,

так как он соединял Селевкию, их вавилонскую столицу на Тигре, с Антиохией — их столицей на Оронте. Без этого пути связь между греческой Сирией и Малой Азией — центрами Селевкидской державы, и ее восточными богатейшими иранскими сатрапиями была бы невозможна. Естественно, что Селевкиды старались не только охранять этот путь и сделать его безопасным от набегов кочевников, но и эллинизировать его, усеять его греческими крепостями и колониями.

Вот почему была основана Дура, и именно поэтому основатель города населил его солдатами, которые в то же время были колонистами-землевладельцами. Документы рассказывают нам о том, что земли Дуры, частично засаженные виноградниками, были распределены между этими колонистами, однако даже после раскопок в Дуре остается неясным, где точно находились эти земли и виноградники. Эти земли, еще и сейчас орошенные и плодородные, могли располагаться и на левом берегу Евфрата, и на правом его берегу, где находится сама Дура. Сейчас местность около Дуры — частично пустыня (плато за городскими стенами), местами покрытая диким тамариском (наносная полоса земли вдоль реки). По всей вероятности, в древности было не так. Существование вне пределов городских стен специального отгороженного пространства, вероятно, для скота, принадлежащего жителям, и вьючных животных, из которых формировали караваны, позволяет предположить, что в случае обильных дождей пустынное теперь плато за городом могло в прошлом быть хорошим сезонным пастбищем. С другой стороны, скудость наносной полосы земли вдоль реки может быть отнесена на счет инертности жителей, забросивших ирригационные сооружения, которые существовали здесь еще в глубокой древности. Некоторые следы каналов на отдельных участках наносной земли около Дуры как вверх, так и вниз по течению реки по-прежнему существуют, а в верхнем течении реки местные жители по-прежнему обрабатывают большие участки подобной земли.

Можно вполне определенно сказать, что независимо от причин возникновения Дура в начале своего существования не была большим торговым центром. В это время главные евфратские караванные дороги шли от Евфрата не как сегодня — через Сирийскую пустыню в города, расположившиеся на ее краю, а оттуда в Сирию и Финикию, — они проходили несколько севернее. Одна из них начиналась в Антиохии, проходила через Апамею-Зевгму, где пересекала Евфрат, затем на левом берегу реки поворачивала на юго-восток и пересекала ее во второй раз у Никефореона; другая — шла через Алеппо, вероятно, примерно по тому же самому маршруту, что и теперь, пересекала Евфрат и соединялась с первой дорогой в Никефорионе. Множество дорог, связывавших

Малую Азию и Месопотамию, шли в Сирию или через Антиохию, или через Эдессу.

Мы ничего не знаем о Пальмире этого времени; все, что мы знаем — это только то, что этот период не был временем величайшего расцвета для Дамаска; то же самое, вероятно, относится также к Хамасу и Эмесе. Этот факт любопытен, если мы вспомним, что дороги через Сирийскую пустыню к морю были короче и потому дешевле, чем пути через север, хотя причина, по которой их забросили, ясна. Они вели через Дамаск в Финикию, а Финикия в то время находилась в руках Птолемеев, к сфере влияния которых относился и Дамаск. Птолемеи были главными врагами и противниками Селевкидов, поэтому не удивительно, что мы ничего не знаем о Пальмире этого времени и что Дура, так тесно связанная географически с Пальмирой, была только лишь крепостью и земледельческой колонией, пропускавшей через себя караваны, делавшие в ней только короткую остановку.

Таково было положение дел в III и начале II в. до н. э., пока сильно было царство Селевкидов, пока в руках Селевкидов находились Месопотамия и Иран. Захват у Птолемеев Финикии и Палестины Антиохом III должен был привести к некоторым изменениям, возможно, что вновь началась торговля через сирийскую пустыню, которая повлекла за собой новый период расцвета Дамаска. Но мы мало обо всем этом знаем и можем предполагать, что в целом ситуация не изменилась.

Более значительные события изменили ситуацию на Востоке, в Месопотамии и в Иране, а именно привели к образованию и быстрому развитию Парфянского царства. Наши знания и здесь неполны и односторонни, так как все наши данные изначально почерпнуты из греческих и более поздних римских (т. е. вражеских) источников. Греки и римляне воспринимали парфян как варваров с легким налетом эллинской культуры. Сами о себе парфяне нам ничего не рассказали. Их монеты дают только хронологию; сохранилось только несколько их надписей, а парфянская историческая традиция только один раз была использована классическим писателем, Помпеем Трогом, обратившимся к ней в связи с целями и личностью Митридата Великого. Археология слабо освещает парфян, хотя по-прежнему существует немало руин парфянских дворцов и крепостей. Все эти руины, за единственным исключением — Хатры, лежат на месте более древних городов, поэтому раскопщики этих руин, пытаясь побыстрее проникнуть к более древним слоям, смотрят на остатки парфянского как на досадную помеху, отделяться от которой надо как можно скорее.

Тем не менее в самое последнее время оживился интерес к парфянам и их преемникам Сасанидам, поэтому к данным парфянского слоя стали относиться внимательнее, и археологические сведения пропор-

ционально увеличились. Именно такой является работа Андрэ (Andrae) в Ашшуре и его тщательные раскопки и топографическая съемка укрепленного парфянского дворца. Тот же ученый подготовил и опубликовал научное исследование о Хатре — этом удивительном городе Месопотамской пустыни, расположенном недалеко от среднего течения Тигра, — столице мощного Аравийского царства, вассала парфянских царей. Экспедиция Мичиганского университета ведет раскопки в руинах Селевкии и тщательно записывает свои находки парфянского периода. Случайные находки на иранской территории, сделанные сэром Аврелем Штайном (Aurel Stein) и Герцфельдом (Herzfeld), от времени и до времени проливают лучи света на парфянский период Ирана. Но это только начало, Парфия все еще остается загадкой.

Однако с фактами считаться надо, и Парфию исключить из истории Древнего мира невозможно. Чтение эллинистических римских историков, особенно Тацита и Диона Кассия, дает одну и ту же картину — Парфия слаба и изнемогает от внутренних раздоров, населена варварами, врагами эллинской культуры, ею управляют нецивилизованные цари, которые жестоки, слабы и трусливы.

Тем не менее уже в III веке до н. э. мы видим, что Парфия способна объединить часть Ирана и частично восстановить Персидскую империю, традиции которой были для нее стимулом и путеводной звездой. Мы видим, что ни одному из талантливых царей — преемников Селевка не удалось сломить Парфию и вернуть Иран под свою опеку. Наоборот, Парфия постепенно расширялась; парфянской становится даже часть Индии; к Парфии тянутся все иранские земли, наконец, Парфия движется и на запад, и во второй половине II в. под ее властью оказалась вся Месопотамия. Скажут, что Селевкиды были слабы и были заняты другим; но даже если это так, то стоит помнить о том, что римляне ни под предводительством Помпея, ни Красса, ни Антония не могли завоевать Парфию, даже несмотря на доблесть этих генералов. Вполне возможно, что даже легионам Цезаря не удалось бы завоевать или подчинить Парфию, но все те, кто и до и после него пытался завоевать Парфию, терпели неудачи. Объяснение этому одно — для того чтобы оказывать подобное сопротивление, Парфия должна была быть сильной и культурной державой, с прочной и гибкой структурой, о которой мы так мало знаем, и с оригинальной творческой цивилизацией, даже контуров которой мы не знаем. Тем важнее тщательное, систематическое исследование тех немногих руин, которые способны дать нам представление о Парфии; и к ним, как мы увидим далее, следует причислить руины Дурри и Пальмиры.

Следует обратить внимание на тот факт, что Парфия в конце III и начале II в. до н. э. все больше и больше расширялась на запад. После

отчаянных попыток двух крупнейших Селевкидов — Антиоха III и Антиоха IV, первого — походом в Парфию, второго — новой, еще более основательной эллинизацией наиболее важных городов на Евфрате остановить это движение парфян на запад, мы обнаруживаем, что Месопотамия область за областью переходит в руки парфян. Около 140–130 гг. до н. э. Южная Месопотамия уже парфянская, и Парфия остается ее владычицей на протяжении многих последующих веков.

Когда-то, в конце II или начале I в. до н. э., Дура стала частью Парфянского царства и местом стоянки мощного парфянского гарнизона. Возникает вопрос, стал ли город одновременно и центром караванной торговли, датируется ли и развитие Пальмиры как караванного города этим же самым временем, что вполне возможно, если принять во внимание те беспорядки и волнения, которые в этот период имели место в верховьях Евфрата.

Позволю себе напомнить читателям некоторые факты. Именно в это время Осроена со столицей в Эдессе стала независимым государством, управляемым местной династией, все цари которой имели арабские имена, а наиболее популярное среди них — Абгар. Эдесса более поздняя стала известна по истории христианства. Коммагена, соседка Осроены, следовала тому же самому примеру, став независимым государством с полуиранской династией. Святилище Нимруд-даг с его скульптурами и надписями дает нам хорошее представление о характере и истории этого маленького полуэллинистического царства. Несколько позже древний город Эмеса (современный Хомес) стал независимым государством с итурейской династией царей, большинство из которых именовалось Сампсигерами. Так же мы знаем, что примерно в это же время арабом по имени Моник был основан Халкис «у Ливана». Возможно, что этому арабскому царству принадлежал город Гелиополь (современный Баальбек), позже ставший богатой и процветающей римской колонией. Руины его прекрасных храмов, построенных в римское время и посвященных северосирийским богам Атаргатис и Хададу, которым поклонялись также и в Эдессе, по-прежнему стоят в своем гордом великолепии и привлекают тысячи туристов. Несколько позже, во времена Помпея, Халкис превратился в одну из столиц недолго существовавшего Итурейского царства, основанного греком — Птолемеем, сыном Меннея.

Многочисленные мелкие арабские княжества были почти такими же, как эти крупные государства, не только по территории и численности населения, но и по их роли в разбое и грабежах. В дополнение к этому в какой-то период в I в. до н. э. Набатейское караванное царство распространило свое влияние и на Дамаск. Возможно, что в результате этого Пальмира была присоединена к основным караванным

путям набатеев. Для поздних Селевкидов и парфян это сделало еще более удобным сообщение через пустыню, через Дуру и Пальмиру.

Поэтому ни для Дуры, ни для Пальмиры последние годы II и начало I в. до н. э. не были временем расцвета. Времена были слишком смутными, войны с Сирией почти не прекращались; Парфия лихорадочно стремилась завоевать Сирию, а эллинизм отчаянно защищался от ее натиска. Эти условия не способствовали процветанию евфратского караванного пути и, как мы уже показали, его временный закат способствовал развитию Петры. Конечно, эллинизм не устоял бы перед напором иранизма, если бы ему на помощь не пришел Рим — преемник Селевкидских традиций в Сирии, могучий хранитель эллинистической культуры. Первый шаг Рима — разрушить черноморское царство Митридата, а затем положить конец экспансии иранизма в Малой Азии.

Аннексия Сирии Помпеем имела целью поставить крепкий заслон против волн иранизма, которые пытались захлестнуть эту страну. Результатом этого стали долгие и кровавые войны, которые мы все связываем с именами Красса и Каррами и Антония; попытки обоих завоевать Парфию закончились неудачей. О Пальмире, уже ставшей довольно богатым центром караванной торговли, чтобы поразить воображение полководца, но не настолько крупным, чтобы не позволить всем жителям, прихватив имущество, бежать от Антония к Евфрату, может быть, в Дуру, мы впервые слышим во времена Антония (41 г. до н. э.). Такое развитие Пальмиры не противоречит тому, что я уже говорил, так как караванную торговлю не убивает даже анархия, а самым безопасным путем для немногих караванов, шедших из Парфии в Сирию, был путь через пустыню, через Пальмиру. По этой дороге шли караваны, город продолжал развиваться, но необходимы были большие изменения для того, чтобы он действительно стал процветать. В любом случае, как это показали недавние находки, Пальмира могла заложить основы своих великих храмов не ранее 32 г. до н. э.

Поражение и последовавшая за этим гибель Красса, неудача Антония ясно показали всем, кто мог это понять, что силой на Евфрате ничего кроме анархии не создать, а римляне поняли, что завоевание Парфии — слишком дорогая и сложная затея даже для Империи. Хотя парфяне понимали, что Рим никогда не оставит им Сирию, тем не менее ни одно из государств не могло рассчитывать на постоянный контроль над всей Сирией и Месопотамией, и оба сознавали необходимость мира на Евфрате, так как для них слишком важны были свои торговые интересы. Поэтому Август четко осознал, как важно достижение компромисса и взаимопонимания. Его дипломаты сделали то, чего не сделали полководцы Республики. Они восстановили караванную торговлю на Евфра-

те, возобновили вековые торговые сношения между Сирией и Ираном. Выпуск монет Августа, прославляющих возвращение парфянами знамен Красса и пленных, на самом деле увековечил установление на время *Rex Romana* и на Евфрате, а вместе с этим восстановление и евфратской караванной торговли.

Может быть, когда-нибудь в руинах Пальмиры будут найдены документы не менее важные, чем завешание Птолемея VII (Эвергета II), текст которого недавно найден в Кирене, и завешание Аттала III Пергамского, которое мы знаем по надписи из Пергама, подтверждающие триумф римской дипломатии. Под этим я имею в виду документы, сделавшие Пальмиру нейтральной по отношению к двум враждующим державам и приведшие к началу ее великолепного развития как большого караванного города. Вряд ли документы эти имели форму какого-то конкретного договора между Парфией и Римом. Можно предполагать, что это было, с одной стороны, письмо от Августа своему сирийскому легату, а с другой — от парфянского царя своему месопотамскому сатрапу, и в них могли быть выработаны некоторые условия соглашения между Римом и Пальмирой и между Парфией и Пальмирой. Какова бы ни была форма этой переписки, ее смысл вряд ли может вызвать сомнения, так как в результате Пальмира сделалась нейтральным полунезависимым городом, где обменивались товарами две формально враждебные друг другу державы — Парфия и Рим. Для того чтобы процветала торговля, обе державы, несомненно, гарантировали Пальмире свободу и безопасность, и вполне вероятно, что они обе обязались охранять ее границы и защищать город, согласясь в то же самое время признать ту форму правления, которую они же в Пальмире и установили.

Это взаимопонимание повлекло за собой удивительно быстрое превращение Пальмиры в один из богатейших, роскошнейших и изящнейших городов в Сирии. Можно даже вообразить, что, она, как по маговению волшебной палочки, выросла из песков пустыни — так быстро изменился старый и, вероятно, небольшой и скромный храм деревни Тадмор. Уже в эпоху Августа и Тиберия он был одним из самых впечатляющих святилищ Сирии, которое по своему великолепию могло соперничать с любым из существовавших тогда храмовых комплексов в этой провинции.

Караванная дорога, шедшая через Тадмор, превратилась в Пальмире в одну из самых грандиозных улиц городов римской Сирии. Ее окаймляли сотни колонн, ее разделяли тетрапилы, ее пересекали улицы, на нее выходили балконы. Земля, расположенная недалеко от источника, где останавливались караваны, была отвоевана у пустыни, застроена грандиозными зданиями и стала деловым центром, где

развивались торговая и политическая жизнь города. В это же время появились первые памятники умершим, наиболее древние надписи на гробницах в Пальмире датируются 9 г. до н. э. Именно тогда купцы Пальмиры, используя не очень богатые водой серные источники окрестностей, перебросили в быстро растущий город все подземные скопления воды в пустыне, встречавшиеся на расстоянии многих миль вокруг.

Что случилось с Дурой в это время? Мы знаем, что до захвата римлянами города в 164 г. н. э. Дура оставалась парфянской крепостью, в которой стоял сильный парфянский гарнизон и правил парфянский генерал-губернатор, который контролировал всю жизнь города. Поэтому, несмотря на то, что население Дуры оставалось македонским и продолжало говорить по-гречески, оно становилось все более и более иранским, таким же иранским, как население Пантикапея (Керчи) на юге России в это же самое время. Вместе с тем жители Дуры, конечно, семитизировались, так как большинство женщин имели семитское происхождение. Однако культура города оставалась греческой с легкой примесью иранской, а не греко-семитской.

Время парфянского владычества было периодом величайшего расцвета Дуры. Я уже говорил о том, что по происхождению Дура некоторое время была селевкидской, а позже парфянской пограничной крепостью; этот факт виден в ее военных укреплениях, ее мощных стенах и ее цитадели. С основанием Пальмиры Дура из небольшой крепости превратилась в отправной пункт главной караванной дороги со стороны Евфрата в Пальмиру. Беглый взгляд, брошенный на карту, покажет, что Дура — ближайшая переправа через Евфрат, и если вдобавок к этому она была, а у нас есть все основания предполагать, что была, самой северной крепостью на Евфрате, принадлежавшей Парфии, то естественно, что большинство караванов из Пальмиры в Месопотамию и Иран парфяне отправляли через Дуру, там же они принимали их на обратном пути в Пальмиру. Гарнизон Дуры обеспечивал безопасность на дорогах, ведущих на запад, юг и восток через Евфрат, и один только этот факт был достаточен для того, чтобы караванные купцы направлялись через Дуру и даже останавливались в ней на более или менее долгое время.

Результатом стало обогащение Дуры. Ее македонские землевладельцы превратились в левантийских купцов, снабжавших караваны вином, маслом, хлебом, овощами, вьючными животными, всем другим необходимым и т. д. и взимавших со всех караванов, останавливавшихся в Дуре или пользовавшихся ею, разнообразные налоги. Эти налоги отличались от основных таможенных пошлин, и вероятно, их взимали парфяне. Изучение руин показывает, что в I в. н. э. Дура являлась боль-

шим и богатым городом. Все ее лучшие и наиболее богатые религиозные сооружения относятся к этому времени.

Так, два храма — Артемиды-Нанайи и Атаргатис и Хадада — с сопутствующими «театрами», с многочисленными скульптурами и росписями, большой храм в северо-западной части фортификаций, посвященный пальмирской божественной триаде, с его великолепными фресками, созданными на средства богатых горожан, соответствующий храм в южной части фортификаций с часовней, посвященной воинственному солнечному божеству Афладу соседней деревни Анаф (современный Анах) на Евфрате, наконец, недавно обнаруженный храм местной Атаргатис, Артемиды-Аззанатконы, тоже с прекрасным «театром» — все это приобрело вид, который имеет теперь, в последние годы I в. до н. э. и в начале I в. н. э.

Хорошо известно, что мудрая политика мира и спокойствия на Ближнем Востоке, проводившаяся Августом и его преемниками, изменилась в начале II в. н. э. Здесь не место говорить о Траяне, хотя важно отметить тот факт, что именно он сознательно изменил политику компромиссов и соглашений Августа на Востоке и перешел от дипломатии к стратегии, а от переговоров и соглашений — к завоевательным войнам. В этом Траян шел по следам Цезаря и Антония, так как подобно им верил в возможность завоевания Парфии для того, чтобы весь цивилизованный мир вновь сделался единым царством, как при Александре Великом. История парфянской кампании Траяна известна только в общих чертах, но ясно, что ему на время удалось отвоевать Месопотамию у Парфии и превратить ее в римскую провинцию.

Мы знаем, что на пути на юг, вниз по Тигру и Евфрату, две армии Траяна встретили небольшое сопротивление со стороны парфян. В то время как одна армия пешим ходом и на кораблях, построенных вверх по течению реки, переправлялась через Евфрат, она, конечно, заняла Дуру-Европос, один из ее легионов воздвиг триумфальную арку на караванной дороге рядом с Дурой. Руины этой арки, прежде считавшиеся монументальной гробницей, были раскопаны и изучены Йельской экспедицией. Фрагменты короткой латинской надписи говорят нам о том, что эта арка была воздвигнута в честь Траяна. Ничто не может яснее, чем это, отразить военное значение Дуры.

Завоевания Траяна вряд ли нравились населению Пальмиры и Дуры. Постоянная оккупация Месопотамии римлянами не сулила Пальмире ничего хорошего, так как ее роль посредника между Парфией и Римом кончалась, а с нею — ее богатство и независимость. Она столкнулась с перспективой превращения в римский провинциальный город, которому было суждено постепенно нищать в безнадежной борьбе с более старыми караванными городами этой области. Поэтому

политика Траяна, почти безразличная Петре, явилась смертельным ударом для Пальмиры.

Но Месопотамия недолго оставалась римской провинцией, так как восстания как в ней, так и в самой Римской империи не дали Траяну закончить его военные планы в Парфии. Вскоре после первого поражения в своем парфянском походе император умер, а его преемник Адриан вернулся на Ближнем Востоке к политике Августа. В результате Месопотамия, а затем и Дура были возвращены Парфии, а беспокойство Пальмиры сменилось спокойствием. Так Адриан стал новым основателем Пальмиры; и жители, быстро отреагировав на это, с тех пор стали именовать себя адриановскими пальмирцами. Нам неизвестно точно, какова была политика Адриана в отношении них, однако мы знаем, что при нем город не был обычным провинциальным римским городом, а в значительной степени сохранил свою автономию. Это подтверждается фактом из пальмирского тарифа, а именно, что взимание таможенных пошлин в Пальмире регулировалось не римским прокуратором, а самим советом города, которым, возможно, управляла римская консультативная коллегия. Существовала ли такая коллегия? Все же создается впечатление, что после Траяна Пальмира стала более прочно привязана к Западу. Она стала более греческой, чем прежде, ее конституция была сильно эллинизирована, и впервые в истории многие ее граждане стали одновременно и римскими гражданами, прибавив к своим семитским именам римские родовые имена (как Ульпий, Элий и т. д.) Возможно, что при Адриане или немного позже, при Марке Аврелии, в Пальмире впервые был размещен римский гарнизон; этот факт очевиден из некоторых надписей (пока неопубликованных), найденных на месте самого большого пальмирского храма. Эти надписи помогают объяснить некоторые подобные тексты, найденные в городе много лет тому назад.

В правление Адриана и его непосредственных преемников, до начала гражданских войн III в. н. э., Пальмира пережила период своего самого пышного расцвета. Большинство наиболее значительных зданий в городе были выстроены в это время, большая часть надгробных башен была воздвигнута во II в. н. э., хотя многие из наиболее знаменитых башен относятся к несколько более раннему времени. Основная часть больших колонн, которые окаймляют великолепные улицы, были созданы в этот период, и возможно, что увеличилась и территория Пальмиры. Именно с этих территорий она поставляла римской армии лучшие отряды своих конных лучников, которые затем рассылали по всей Римской империи. Еще более характерно для этого времени широкое развитие пальмирской торговли; ее купцы не довольствовались уже только ролью посредников между Парфией и торговыми городами

Сирии. Теперь они посылали караван за караваном во все наиболее важные торговые города Парфии и имели агентов или, точнее, торговые колонии в Вавилоне, в Вологезии, в Спасину Хараксе. Теперь на Западе пальмирцы, минуя Дамаск и города Финикии, основывали свои торговые агентства далеко за пределами Востока. Мы знаем о таких агентствах на берегах Дуная, в далекой Дакии, Галлии и Испании, а также в Египте и в Риме. Там, в столице мира, у них были свои собственные храмы, украшенные алтарями и статуями и посвященные их собственным богам.

Именно этим развитием торговли Пальмиры, этими далекими торговыми связями, сосредоточением больших финансовых интересов в городе объясняется то, что на первый взгляд кажется странным, — ее тесные сношения с Петрой. Теперь не только часть караванов Парфии *en route* в Петру и Египет шли через Пальмиру (вместо того, чтобы пересекать пустыню из Южной Месопотамии по направлению к Босре), но и караваны Петры, перевозившие южно-аравийские товары в финикийские порты, шли через Пальмиру, а не через Дамаск, что доказывает, что Пальмира была не только караванным городом, но и важным центром караванного банковского дела и финансов.

Судорожные попытки преемников Адриана возобновить политику Траяна и воспользоваться трудным положением, в котором оказалось Парфянское царство, — всего лишь эпизод поздней истории Пальмиры. Парфянское царство было теперь на грани своего заката, власть в нем вскоре перешла в руки другой династии — Сасанидов, и его мантия перешла в руки другого иранского племени — персов. Первый поход римлян против Парфии после смерти Траяна был совершен братом Марка Аврелия — Люцием Вером, и своим успехом был обязан талантам Авидия Кассия — позднее неудачного претендента на престол Империи. Война привела к подчинению Северной Месопотамии, а с Северной Месопотамией пала и Дура. В 165 г. н. э. эта крепость перестала быть парфянской, и затем в ней разместился большой римский гарнизон.

Эта перемена подданства положения Дуры не изменила, так как она оставалась караванным городом. Хотя весьма вероятно, что после этого частые войны на Евфрате отвлекли большую часть караванов к другим путям, например, из парфянских караванных городов прямо в пустыню, а не вверх по Евфрату в Пальмиру.

Со времени Септимия Севера завоевательная политика становится традиционной на Евфрате. Будучи полусемитом, Север создал семитскую династию. В политике преемников Севера — Каракаллы, Элагабала, Александра Севера значительную роль сыграли энергичные женщины. Прежде всего — Юлия Домна — жена Севера и ее преемницы — Юлия Меза, Юлия Маммея и Юлия Соэмида, — все — эллинизированные

семитки, воспитанные в традициях Селевкидов. Они мечтали о Римской империи со столицей на Востоке, которая воскресила бы греческую империю Александра Великого. Их целью было завоевание Парфии, однако, хотя Парфия и находилась в агонии, ни Север, ни его династия не смогли окончательно ее покорить. Положение дел оставалось тем же, каким оно было при Марке Аврелии; Риму принадлежала только Северная Месопотамия. Несмотря на все усилия, Северам не удалось присоединить к ней и Южную, и после смерти Септимия Севера его политика столкнулась с серьезными трудностями. Его наследник Каракалла был убит в походе против парфян своими же собственными солдатами, а Александр Север чудом сохранил себе жизнь, бежав из рук Ардашира — первого сасанидского царя.

В Пальмире эпоха правления Северов была временем больших перемен и нововведений. Похоже, что полусемитской династии нравилась Пальмира, и она доверяла пальмирцам, так как некоторые из них теперь получили доступ в ряды римской имперской аристократии; еще большее их количество, почти вся пальмирская аристократия, стала римскими гражданами. Имя Септимия и его сына Каракаллы-Аврелия превратилось в составную часть имен пальмирцев — римских граждан. К двум этим именам часто прибавлялось имя Юлии — жены Септимия и матери Каракаллы. Пальмира, как Дура и другие города Сирии, получила статус римской колонии, однако это не низвело ее до уровня провинциального города, и она, невзирая ни на что, сохранила значительную долю своей свободы и автономии.

Несмотря на свои римские имена, сами жители Пальмиры не менялись. Они по-прежнему сохраняли свою особую форму управления, более подробно о которой я буду говорить ниже, и похоже, что единственным изменением, которое внесла политика Септимия Севера, было сближение их с Римом и установление их более тесных связей с правящей династией.

Тот же самый феномен мы наблюдаем и в военной жизни. Мы очень мало знаем о военной организации Пальмиры в раннеимперское время. Тем не менее, вполне вероятно, что в I в. н. э. в ней находился римский гарнизон. До Траяна такого гарнизона здесь не было, но даже в это время в Пальмире, конечно, была своя собственная полиция, которая обеспечивала безопасность ее караванам и владельцам караван-сараев (*catalymata*) и колодцев (*hydreumata*) на караванных путях, лучами расходящимися по территории, принадлежавшей ей.

Мы ничего не знаем об этих полицейских силах, но можем предположить, что обычная безопасность караванов обеспечивалась их руководителями, синодиархами — известными и богатыми жителями Пальмиры. Конечно, каждый из них имел в своем распоряжении

вооруженные силы, состоявшие, возможно, из лучников верхом на верблюдах и лошадях. Покровителями синодиархов и военного сопровождения караванов были два бога — Арсу и Азизу, о которых я скажу несколько позже. К сожалению, мы не знаем, являлось ли военное сопровождение караванов частью пальмирского корпуса милиции, рекрутируемого или нанимаемого, или и того, и другого, городом Пальмирой, или наемников нанимали по каждому отдельному поводу руководители и члены караванов.

Постоянные войска были необходимы для обеспечения безопасности дорог, колодцев, караванных стоянок. Все знают, что для жизни и караванов, и бедуинов означают колодцы в пустыне. Очевидно, что набатеи организовали защиту на караванных путях, зависевших от них, а когда эти дороги перешли от набатеев к римлянам, то караванные пути стали охраняться несколькими более или менее крупными укрепленными лагерями. Поэтому нет сомнений, что существовала какая-то защита для пальмирских караванных дорог, и более чем вероятно, что на территории Пальмирской области дороги охраняла пальмирская милиция, главнокомандующим которой был верховный магистрат Пальмиры — стратег.

В военное время, с тех пор как войны, начавшиеся при Траяне, стали обычным явлением в Восточной Сирии и Месопотамии, когда безопасность и города, и караванных путей стала зависеть от неуправляемых порывов кочевников пустыни, город, с согласия или по инициативе Рима, назначил специального магистрата, некоего главнокомандующего вооруженными силами Пальмиры, и позволил ему действовать как военному диктатору. Из некоторых недавно обнаруженных надписей мы знаем одного такого главного магистрата в правление Антонина Пия и двух — во время правления Септимия Севера; один был ответственен за город (в 198 г. н. э.), так как поддерживал «мир», а другой — на следующий год действовал в качестве стратега против кочевников.

Любопытно, что при Каракалле и Александре Севере в Дуре находилась двадцатая пальмирская когорта. Из этого Кюмон (Cumont) сделал вывод, что в то время римляне разрешили Пальмире иметь свою собственную особую регулярную армию, т. е. по крайней мере десять тысяч человек пальмирских солдат, во главе которых стоял римский офицер. Однако теория о том, что Пальмира имела независимую армию, как бы она привлекательна ни была, не внушает доверия. Скорее всего, что со времен Септимия Севера или Каракаллы Пальмира, получившая от одного из этих императоров статус и права римской колонии, не поставляла больше нерегулярные кавалерийские подразделения (*pitneri*), как это она делала прежде, а снаряжала смешанные полки или когорты,

как это делали другие области Римской империи. Именно одну из таких римляне послали в Дуру для службы в качестве ее гарнизона или его части.

В этот период возобновившихся войн Дура постоянно сохраняла значение в качестве римского военного центра, теряя при этом свое значение караванного города. Последние находки показали, что Дура, получившая сильный гарнизон сразу после своего завоевания (в 165 г. н. э.), стала важным сборным пунктом для римских армий, находившихся в походе против Парфянской державы. Так как, вне всякого сомнения, она была мощнейшей крепостью на южной границе римской Месопотамии, то находилась на привычном пути римских армий, направлявшихся вниз по Евфрату к Ктезифону — парфянской (позже персидской) столице Южной Месопотамии; это был тот же самый путь, по которому шел Траян. Это военное значение Дуры свидетельствует о том, что часть города во времена Септимия Севера и Каракаллы превратилась в обычный римский военный лагерь с прекрасным «преторием» в центре, с «Марсовым полем» для обучения войск, с термами и храмами. Мы будем знать значительно больше о роли, которую играла Дура в военных походах Септимия Севера, Каракаллы, Макрина, Александра Севера, Гордиана III, Филиппа Араба и Валериана, когда раскопки этого лагеря будут завершены и все надписи, пергаменты, папирусы, найденные в ее руинах, будут опубликованы.

Автономная организация Пальмиры и ее независимая милиция усиливают впечатление от роли, которую она играла во второй половине III в. н. э. Я не буду здесь вдаваться в историю этого смутного периода в жизни Римской империи, так как анархия, частые войны, быстрая смена императоров известны всем. На Востоке это отсутствие спокойствия угрожало Риму потерей не только Месопотамии, но и Сирии. Новая сасанидская власть в Персии была сильнее и жизнеспособнее, чем Парфянское царство Аршакидов, и атаки на Римскую империю стали более частыми и энергичными в то самое время, когда кровавые гражданские войны подменили собой структуру государства. После Александра Севера императоры так преуспели в своих отчаянных усилиях положить конец этой раздробленности, что вынуждены были не обращать внимания на то, что автономный город-государство Пальмира добивался власти. Им были безразличны не только развитие пальмирской армии, но и то, что одна из ее ведущих семей — Юлии Аврелии Септимии (чьи члены часто носили имена Хайран, Оденат, Вабаллат) постепенно выросла в правящую семью и превратилась в династию мелких князей. Такое направление развития довольно типично для Сирии.

Когда начались сметающие все на своем пути персидские нашествия во главе с Арташиром, первым царем Сасанидской Персии, и его преемником Шапуром, в Дуре царило великое воодушевление. В частном доме в центре города, о котором подробнее мы скажем в следующей главе этой книги, среди деловых документов, написанных его владельцем на стенах своего кабинета, мы читаем поспешно нацарапанный текст, в котором говорится: «в год 560 (238 н. э.) персы напали на нас». Это было наиболее ужасным и известным нападением на Римскую империю со стороны Ардашира. В Дуре в это время царила лихорадочная деятельность. Никогда прежде ее не завоевывал такой враг. Ее ролью было служить отправной точкой завоевательных походов. Это было причиной, по которой старая фортификация Дуры, унаследованная от парфян и поврежденная землетрясением 160 г. до н. э., хотя и приводилась в порядок и ремонтировалась, никогда не перестраивалась и не модернизировалась. Даже городские постройки, завалившиеся своим задним фасадом на городскую стену, оставались нетронутыми. Персидская опасность вывела гарнизон Дуры из апатии, в которой он пребывал. Им были приложены большие усилия для того, чтобы как можно быстрее восстановить укрепления. Описание работ, сделанных римлянами в десятилетие между 238–250 гг. н. э., заняло бы слишком много места. Достаточно сказать, что наиболее важная ее часть состояла в удвоении защиты со стороны пустыни при помощи постройки толстой кирпичной стены, для того, чтобы защитить город от осадных машин персов. Тщетно!

Ближе к середине второй половины III в. началась другая крупная персидская атака во главе с царем Шапуром. Шапур захватил всю Сирию и дошел вплоть до Антиохии. Во время этого похода Дура была захвачена и оккупирована персами. Среди тысяч монет, найденных в руинах Дуры, ни одна не датируется временем позднее 256 г. н. э. Валериан организовал поход для спасения Ближнего Востока, а когда тот плачевно закончился его пленением в Эдессе в 260 г., Оденат, самопровозглашенный царь Пальмиры, начал как союзник Римской империи войну против персов и других врагов Галлиена, преемника Валериана; война продолжалась восемь лет и увенчалась успехом. Не удивительно, что эти победы позволили Оденату рассматривать себя преемником Аршакидов. Сначала он принял подобающий титул царя царей, а затем и другой, который по-разному интерпретируется: *Restitutor totius Orientis* (исключительно почетный титул, который прежде носили только римские императоры) или *Corrector totius Orientis*, который мог обозначать какую-то должность, которой мы не знаем. Позже она появляется в документах времени Вабаллата; как это следует из надгробной надписи, Оденату он был пожалован тем же самым Вабаллатом.

Оденат — царь царей иранского типа и признанный *alter ego*, если только не возможный соперник римского императора на Востоке, провел большую часть своего правления за пределами Пальмиры, в борьбе с персами. В Пальмире во время его отсутствия (с 262 по 268 г. н. э.) он был представлен выходцем из пальмирской аристократии — полуиранцем-полуримлянином — Юлием Аврелием Септимием Вородом. Крайне интересен титул, который имел этот человек в Пальмире. Он был *procurator* (губернатором) и *iuridicus* (судьей) в соответствии с римской терминологией, и *argapetes* (военным губернатором) — в соответствии с иранской. Таким образом, делался упор на двойственный характер Пальмиры, о чем свидетельствуют вышеупомянутые титулы: иранский — с одной стороны, и римский — с другой, самого Одената и его представителя в Пальмире.

Я не буду больше говорить о темных годах, которыми завершился расцвет Пальмиры, о правлении Вабаллата, сына Одената, о регентстве его матери Бат Задбаи, более известной под именем Зенобия, или о разрыве с Римской империей. Как Вабаллат создал свою собственную империю, сравнимую с Сирией, Египтом и Малой Азией, и как Зенобия достигла всемирной известности — это все события, известные историку. Прежде всего караванная торговля была причиной развития Пальмиры; та же самая торговля создала караванное государство и караванную императрицу; и вовсе не каприз судьбы сделал Египет частью этого торгового комплекса, так как Египет находился в сфере торгового влияния Пальмиры на протяжении довольно долгого времени.

Но недолговечно было караванное царство Зенобии. Мы знаем, как оправились Римская империя и как было восстановлено ее единство, как Аврелиан преуспел в захвате и разрушении Пальмиры и как в его триумфе шествовала караванная царица Зенобия.

Судьба Дуры в период кратковременного расцвета Пальмиры темна. Мы не знаем, как долго персы удерживали город, который они основательно разграбили и частично разрушили. Не знаем мы и того, занимал ли Оденат город во время своего победного похода вниз по Евфрату и восстанавливал ли какие-то памятники. Храм Пальмирским богам и некоторые памятники у главных ворот были, конечно, восстановлены после времени правления Александра Севера, однако точная дата неизвестна. С другой стороны — в Дуре не найдены монеты (за исключением двух монет Шапура) и надписи, датированные позднее 256 г. н. э. Это восстановление и возвращение, очевидно, продолжалось не очень долго. После победы Аврелиана над Зенобией и подавления тем же самым императором восстания в Пальмире римские солдаты Дуру никогда уже не занимали. Она оставалась безлюд-

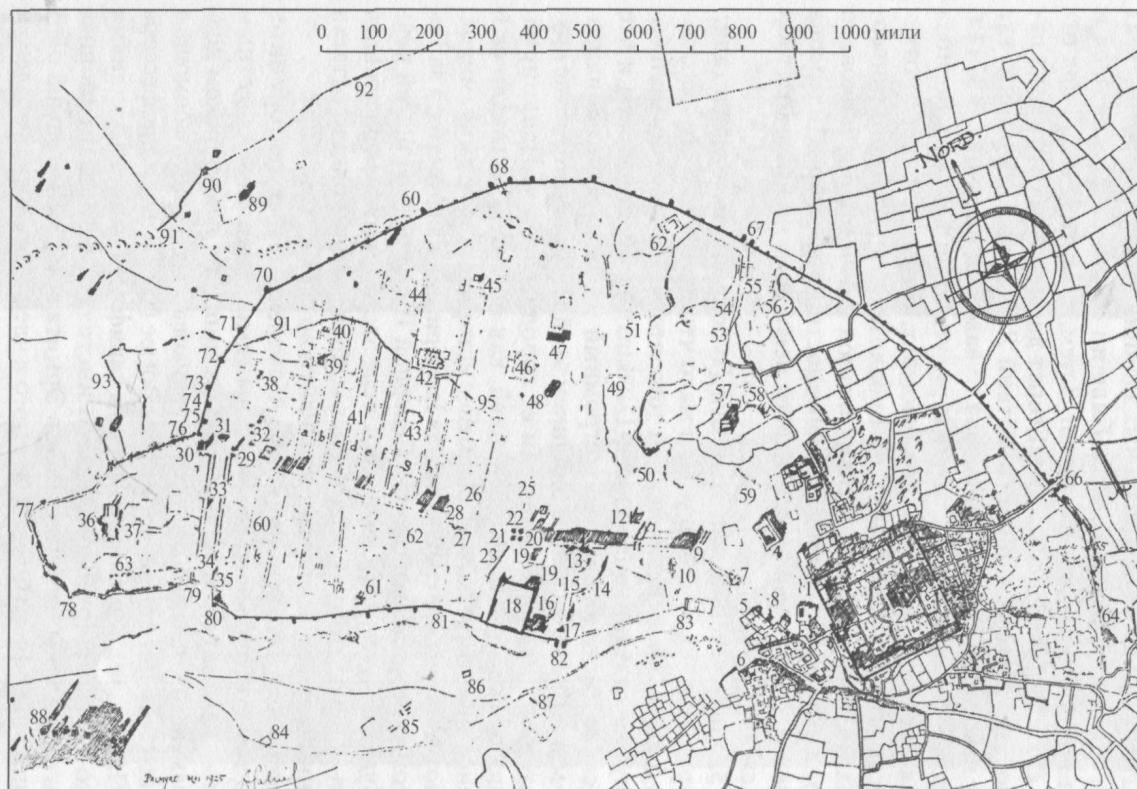
ной территорией между Римской и Персидской империями и стала частью пустыни. Когда Юлиан во время своего неудачного похода против Персии, предпринятого в тщетной надежде возродить римское правление на Евфрате, проезжал через Дуру, она уже лежала в руинах, а пустыня уже начала поглощать когда-то цветущее поселение. Пальмира значительно пережила Дуру, хотя после медленного заката она очень медленно стала возрождаться, и когда караванная торговля вновь оказалась в руках арабов, оказалась отброшенной в сторону. Она испытала изменчивость судьбы этой торговли: сначала — блеск, а затем — руины.

V

РУИНЫ ПАЛЬМИРЫ

Несомненно, руины Пальмиры (см. карту 4) и Петры являются самыми романтическими руинами Древнего мира; нигде нет таких руин, которые могли бы сравниться с ними; в них есть экзотический привкус, которого не найти нигде больше. Те великолепные фасады гробниц на фоне разноцветных скал в сказочной долине Петры оставляют в всяком посетителе незабываемое впечатление; такие же не менее сильные, не менее романтические переживания вызывает и Пальмира. До своего первого ее посещения я читал много ее описаний и смотрел на это как на романтические писания. Но должен сознаться, что, когда после долгой поездки по пустыне на горизонте появились сначала силуэты пальмирских погребальных башен-мавзолеев, а затем в дымке песочной завесы, поднятой ветром и столь характерной для Пальмиры стали вырисовываться туманные очертания колонн и арок города на серо-золотистом фоне пустыни, я испытал то же чувство романтического очарования, которое испытали и все мои предшественники. Это особенно значительно, если учесть, что современный путешественник подъезжает к Пальмире на форде или шевроле и останавливается в комфортабельной гостинице, тогда как еще лет 20 тому назад посещение Пальмиры возможно было только на верблюдах и в сопровождении вооруженного гида, так как пальмирские шейхи всегда славились своими жестокостью и коварством.

Эти самые романтические руины Древнего мира впервые были «открыты» в самое романтическое время европейской истории — в XVIII в., когда классицизм был еще достаточно силен, а романтическая реакция против него только началась. Правда, что Пальмиру впервые посетили английские купцы из Алеппо в 1678 г. и еще раз, с большим успехом — в 1691 г. Не ранее 1695–1697 гг. Вильям Халифакс (William Hallifax), бывший членом второй экспедиции, опубликовал рисунки и дневник своего путешествия в *The Philosophical Transactions*, а в 1693 г. Хофстед (Hofsted), другой участник этой экспедиции, изобразил масляными красками подробный план города, который висит теперь в холле Амстердамского университета. Эта пионерская работа привлекла внимание только специалистов и археологов. Следующим посетителем

Карта 4. План города Пальмира:

1-3 — главные ворота; 9 — триумфальная арка на главной улице; 13 — театр; 18 — караван-сарай
(с разрешения П. Гетнера (P. Geuthner)) (по карте М. Габриеля (M. Gabriel)). «Syria». 1926, pl. XII

Пальмиры был некий Корнелий Лоос (Cornelius Loos), находившийся во время Полтавской битвы при Карле XII, а позднее ставший строителем Штральзундских официальных зданий. Когда его царь был взят в плен турками в Бендерах, Лоос, бывший с ним, развлекал царя и рисовал новую форму для его солдат. Затем, в марте 1710 г., Карл отправил его в Сирию, Палестину и Египет для зарисовки древних памятников, и во время своих странствий Лоос видел Пальмиру, где прожил некоторое время и зарисовал ее важнейшие руины. В 1711 г. он представил королю свой отчет и рисунки, но часть их погибла во время шведско-турецких боев в Бендерах. То, что осталось от отчетов Лооса и его рисунков, хранится в Библиотеке Уппсальского университета, хотя, к сожалению, никаких планов и отчетов опубликовано не было. Я знаю о них благодаря любезности профессора Андерсона (Anderson) из Лунда, опубликовавшего некоторые из них в газетной статье (см. рис. XVI, 1).

В 1753 г. английский писатель Вуд (Wood) впервые представил Пальмиру современному миру. Нам мало что известно о его деятельности и биографии, за исключением того, что в 1751 г. в компании богатого путешественника Давкинса (Dawkins) он посетил город и что его описание имело в свое время огромный успех во всем цивилизованном мире. Фактически под влиянием этой книги французские друзья Екатерины Великой называли ее город Северной Пальмирой, очевидно, отождествляя ее с Зенобией, как они отождествляли ее и с (не менее романтической, хотя и менее исторической) Семирамидой. Это было очень лестное сравнение для Екатерины и для русских, а за Петербургом утвердилось название Северной Пальмиры. И по сей день книга Вуда является классической. После этого никто не удосужился написать «общую книгу» о ее древностях, хотя статуи и бюсты, остатки ее каменной просопографии можно найти во всех музеях мира.

Русскому путешественнику князю Абамелек-Лазареву, автору интересного тома о Пальмире, мы обязаны самым длинным известным текстом — пальмирским тарифом, написанным на пальмирском диалекте арамейского языка. Князь сам опубликовал эту надпись с помощью покойного В. В. Латышева, маркиза де Вогюе (De Vogüé) и профессора Дессау (H. Dessau). Камень, на котором тариф был написан, усилиями бывшего Русского археологического института в Константинополе незадолго до войны был перевезен в Эрмитаж. Не менее важна роль экспедиции покойного Ф. И. Успенского и члена Российской академии Б. В. Фармаковского, которой удалось перевезти тариф в Петербург. Эта экспедиция также впервые зарисовала и издала фрески, случайно открытые приблизительно в это же время в расписной гробнице, которую теперь в Пальмире показывают туристам как гробницу Зенобии.

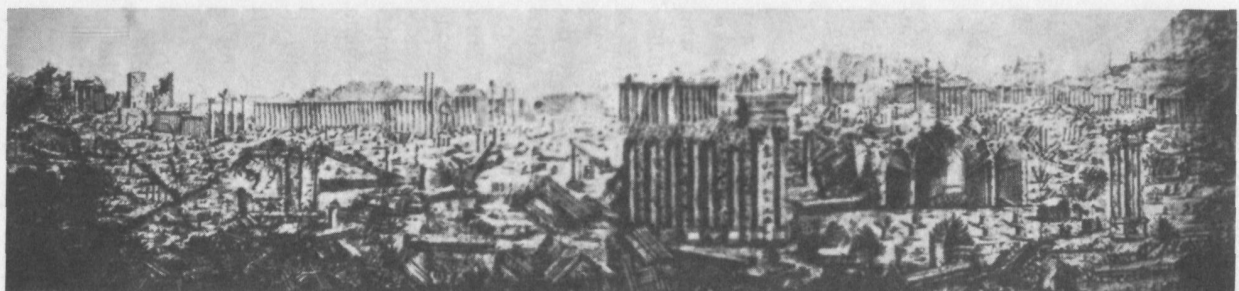

Рис. XVI. Пальмира:

1 — руины Пальмиры, нарисованные архитектором Корнелием Лоосом в 1711 г., (Университетская библиотека, Упсалла), с разрешения господина Андерсона (Anderson); 2 — общий вид Пальмиры. На переднем плане современное кладбище, за ним — колоннадная улица, на заднем плане — холмы, окаймляющие город, а на вершине одного из них — турецкая цитадель

На самом деле, как это видно по ее надписям, это одна из многих гробниц, высеченных в скале неким частным лицом. Он и его потомки помимо того, что хоронили там членов своей семьи, занимались прибыльным делом и продавали ее отдельные части посторонним лицам. По научному значению с этой русской экспедицией может сравниться только недавняя экспедиция известных доминиканцев из Иерусалима — о. Жюссена и Савиньяка.

Только в самое последнее время для Пальмиры закончилась эра бесконтрольного грабежа руин туристами и купцами, и теперь началась эра археологических экспедиций и исследований, ставящих перед собой цель более или менее тщательно отобразить древности, сохранившиеся на поверхности земли, что уже почти достигнуто. Благодаря Французской академии надписей, сирийскому правительству и администрации французского мандата в Сирии наступил час подземных раскопок, что тоже важно для защиты и восстановления руин. Это произошло своевременно, так как с появлением автомобилей расхищение Пальмиры пошло гигантскими темпами. Через десяток лет в Пальмире не осталось бы почти ни одной стоящей колонны или арки, все было бы на земле, как лежат на земле из-за своей древности или по каким-то другим причинам сотни колонн, которые видели стоящими Лоос и Вуд.

В задачу этого краткого очерка не входит подробное описание руин Пальмиры, так как для этого потребовались бы месяцы и месяцы работы на месте и раскопки наиболее важных комплексов зданий. Хотя об этом и стоит сказать несколько слов.

Как ни невелико наше знание топографии города, общие линии ясны, яснее на скелете города, затянута песком, чем были бы в городе сплошь раскопанном, где детали затемнили бы главное. Перед «городом живых» стоит большой и великолепный «город мертвых», который по красоте соперничает с ним. Сегодняшний путешественник сначала видит этот некрополь, состоящий из каменных башен-мавзолеев, изящных по пропорциям, хотя и строгих по плану (см. рис. XVII, 1). С другой стороны — древний путешественник помимо этих башен-гробниц видел и кое-что другое; он видел портичные фасады храмов-гробниц, богато расписанных внутри и украшенных серией скульптур и рельефов (см. рис. XVII, 2). Он также видел скромные сооружения — простые насыпи, под которыми находились богатые подземные помещения, высеченные в скалах, их стены были украшены росписями, их ниши — заняты саркофагами. Для историка гробницы — это драгоценные документы, отчасти потому, что так оригинальна их архитектура, которая по стилю скорее греческая, чем семитская, а отчасти потому, что так великолепно сохранилось внутреннее убранство, живописное

1

2

Рис. XVII. Пальмира:

1 — башенные гробницы за пределами города. За ними на вершине холма — турецкая цитадель; 2 — одна из храмовых гробниц

и скульптурное, представляющее скорее стилизованное, чем реалистическое изображение сцен религиозного содержания. Тем не менее их главная ценность состоит в том, что гробницы подчеркивают линию прохода к городу — караванные дороги, а сотни портретов погребенных с их надписями говорят нам о наиболее богатых родах пальмирской купеческой аристократии. Как тяжело думать о том, что легко было бы составить настоящую историческую просопографию Пальмиры, если бы большинство этих гробниц не было разграблено арабами и европейцами, а бюсты и надписи на них не были бы рассеяны без указания места их происхождения по сотням общественных и частных коллекций как в Европе, так и в Америке.

За городом мертвых начинается город живых (см. рис. XVI, 2). Мы не знаем, как долго этот город был открытым, не защищенным стенами, или, другими словами, как долго укрепленным был только его главный храм. Только тщательное исследование стен города даст ответ на этот вопрос, однако такое исследование пока еще не проведено. Все, что мы знаем, это то, что ныне стоящие стены города — позднего времени, частью времен Зенобии, частью — еще более позднего.

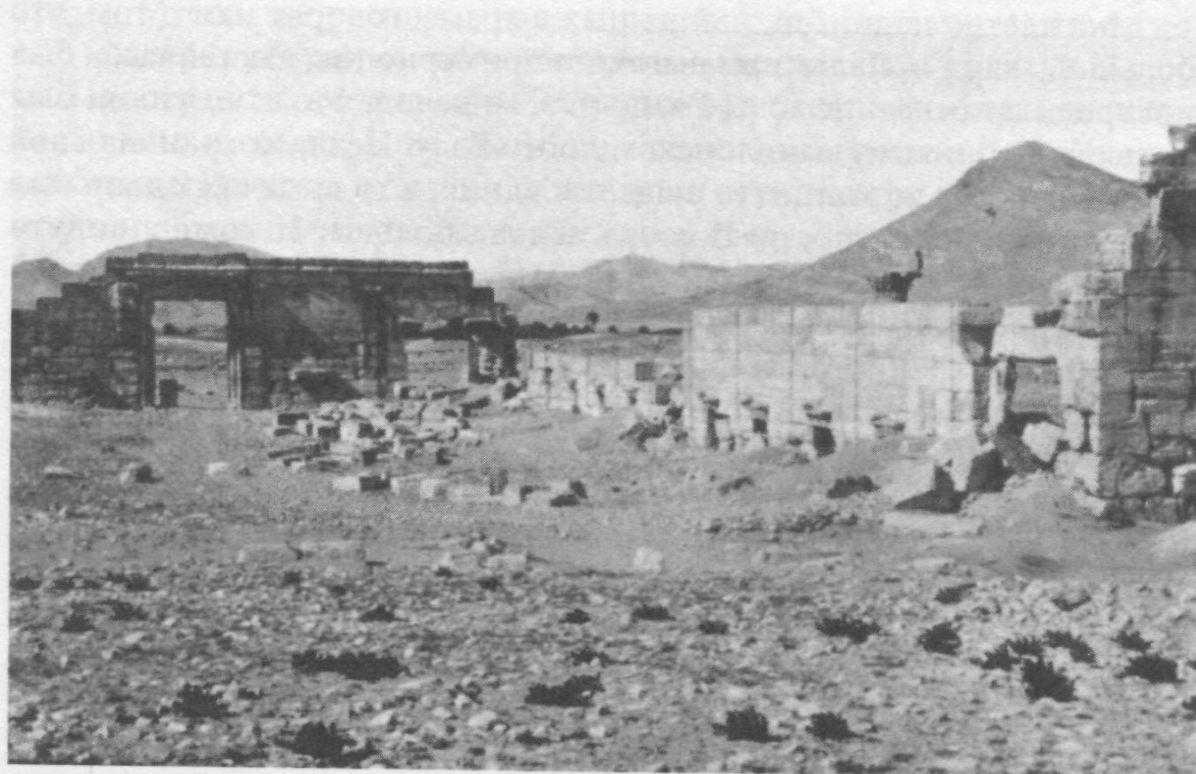
Как в Петре и Джераше, так и здесь стены не определяют главных линий города, так как их задает караванная торговля. Пальмира — самый типичный караванный город древности; больше, чем Петра, где дороги и здания несколько изменены из-за особой топографии города. В Джераше ранний период жизни по-прежнему является проблемой, мы до сих пор не уверены во влиянии его строений на позднейший караванный город. В то же время в Пальмире линии караванного города выделяются сразу и безошибочно.

Все караванные дороги, шедшие в Пальмиру с запада, сходятся в городе в одну дорогу — в главную караванную артерию, которую путешественник, спускаясь к городу с холмов пустыни, видит первой. Эта улица создала славу Пальмиры в наше время, и действительно, она импозантна и изящна; интересны ряды колонн вдоль улицы и арки, которыми отмечены пересечения улиц. Точно так же интересны тетрапилы и цоколи, связанные с колоннами, на которых стояли бюсты тех, кто на свои средства соорудил ту или другую колонну главной улицы. Пальмирцы гордились этой колоннадной улицей, ведь это была не только главная улица, но и основная артерия, хребет, без которого город не мог бы жить (см. рис. XVIII, 1).

Колоннадная улица окаймлена с обеих сторон более чем 375 колоннами, из которых по крайней мере 150 по-прежнему остаются *in situ*. Она почти прямой линией протянулась с востока на запад, хотя в одном месте делает неожиданный поворот, который отмечен прекрасной тройной аркой — чудом «иллюзионистической» архитектуры. Причина

1

2

Рис. XVIII. Пальмира:

1 — часть колоннадной улицы; 2 — караван-сарай, внутренний вид

этого изменения понятна: архитектурно улица идет прямо через весь город к пустыне, но на самом деле ее направление определяется «харамом», или главным храмом. Ясно, что там, где возвышаются могучие колонны его перибола, с незапамятных времен стоял храм; когда впервые возник караванный город, то и речи не могло быть о переносе такого храма, место которого было предопределено религией, а не ландшафтом местности или направлением движения караванов. Караванная дорога тоже подчиняется диктату божества. Главная улица производит наибольшее впечатление на отрезке между аркой и храмом и, возможно, могла стать даже каким-то подобием священного дромоса, подобно тем, которые ведут к вавилонским и египетским храмам. Тем не менее только случайная находка в этой части улицы прекрасной экседры (полукруглого сиденья) поддерживает эту теорию.

Прошло всего лишь два года с тех пор, как этот главный храм Пальмиры был освобожден от сотен бедных арабских лачуг на нем и вокруг него. Работа была проделана благодаря Службе древностей Сирии и главным образом ее директору А. Сейригу. В результате храм теперь почти полностью расчищен. Я не буду описывать здание в деталях, так как это право и обязанность тех, кто его раскопал; мне достаточно будет сказать всего несколько слов.

Множество надписей, найденных в храме, говорят нам о том, что большой «харам» Пальмиры выглядел примерно так, как сейчас, и был построен в последние годы I в. до н. э. — начале I в. н. э., что он был посвящен великому вавилонскому богу Белу. Целла сохранила свой начальный вид до конца его существования, в то время как двор был перестроен, вероятно, во II в. н. э. и стал больше. Несомненно, что двор и перибол существовали еще до строительства целлы. План храма, построенного во времена Августа, удивляет своей оригинальностью, своей странной и асимметричной концепцией. Скорее вытянутая, чем узкая, целла, поделенная на три неравные части, окружена коринфской колоннадой, украшенной бронзовыми капителями. Капители исчезли, и портик целлы теперь стоит без них. Главный вход в целлу находится на одной из ее длинных сторон, но не в центре, а сбоку. Великолепный, довольно массивный портал, плохо сочетающийся с целлой, со скульптурами-пьедесталами, которые напоминают нам известные фрески Дуры, обрамляет входную дверь. Возможно, целла находилась в центре колоннадного двора. Сохранившийся перибол, с его прекрасными колоннами и монументальным входом, по всей вероятности, является продолжением существовавшего прежде двора (см. рис. XIX).

С первого взгляда очевидно, что храм, построенный в I веке н. э., — не греческая постройка. Я совершенно уверен, что форма целлы была

продиктована тем, что заменила собой, возможно, в более крупном масштабе более раннюю целлу, точно так же ориентированную и имевшую такой же план, целлу шумеро-вавилонского плана, которая прежде находилась на этом месте. Эта целла была извлечена греческими архитекторами из тесноты и темноты двора вавилонского храма на яркий свет греческой храмовой архитектуры и, к великому удивлению, была обнесена греческими колоннами. Вместо обычного вавилонского двора с алтарем в центре и двухэтажными комнатами вокруг трех изолированных сторон изолированную целлу окружил колоннадный портик. Все превратилось в странную смесь вавилонских и греческих элементов. Это объяснение может прояснить любопытный план храма и отсутствие архитектурной гармонии между целлой и окружающей ее колоннадой.

Храм и караванная дорога, религия и нажива — таковы главные интересы караванного города, а в это раннее для Пальмиры время религия выполняла роль активного защитника, так как искони храм одновременно являлся и крепостью, куда собиралось все население города, вероятно, во время частых набегов кочевников-бедуинов.

Третьим, и не менее важным элементом в Пальмире, как в Петре и в Джераше, был караван-сарай — площадь, где караваны останавливались и караванщики совершали омовение, готовясь к посещению храма. Место, где расположился караван-сарай Пальмиры, известно, оно подчеркнуто самым монументальным тетрапилон на главной улице. Пространство между этим тетрапилон и оврагом никогда целиком раскопано не было, хотя окаймляющие его монументальные здания особенны. Их план, в том виде каком он есть теперь, столь запутан и столь малопонятен, что раскопки здесь следует провести как можно скорее. Одно здание особенно заслуживает того, чтобы быть изученным, так как его могучие стены окружает прямоугольник с внутренним портиком и прекрасным монументальным входом. По-моему, это здание — типичный караван-сарай типичного караванного города, что подчеркнуто не только общим планом, но и многочисленными надписями, найденными там; некоторые из них превозносят почтенных руководителей караванов и делают упор на их умелую, бескорыстную и преданную службу купцам и городу (см. рис. XVIII, 2).

На главной площади города есть и другие здания, и одно из них, недавно раскопанное, особенно интересно. Это здание наподобие театра рядом с тетрапилон, и хотя архитектор М. Габриель (M. Gabriel), раскопавший его, уверен, что это обычный греческий театр, я подобного мнения не придерживаюсь. В городах Сирии такие постройки наподобие театров встречаются, но театр в Сирии и театр в Греции — не одно и то же. Обычные греческие театры в Джераше и Аммане выглядят естественно, так как эти города были населены греками. Но театр

1

2

Рис. XIX. Пальмира:
1 — фасад храма Бела; 2 — храм Бела, вид сбоку

в Пальмире, с ее оригинальным строем, с ее племенами и племенной организацией, с ее всепроникающей религией, театр, где давали бы трагедии Еврипида и комедии Менандра, представляется менее уместным, чем театр при дворе парфянского царя. Мы можем напомнить, как Ород, победитель Красса, позволил, чтобы голова римского полководца была использована в качестве бутафории в представлении «Вакханок» Еврипида. Если даже греки и давали от времени до времени греческие спектакли, то в Пальмире настоящее назначение театроподобного здания на главной площади, вероятно, было несколько иным. Скорее всего, это был центр политической и религиозной жизни, где собирались «отцы» города. Здесь собирались старейшие шейхи «племен», большинство из которых были богатыми купцами, а некоторые — испытанными водителями караванов — синодиархами; здесь сходились рядовые члены племен для того, чтобы воздать почести испытанным и надежным караванщикам, здесь же собирались граждане для религиозных церемоний, плясок, пения гимнов и жертвоприношений. Вот, главным образом, для каких поводов строили подобные аудитории в негреческих областях Сирии.

Такова была главная артерия города — самый центр пальмирской жизни. По другую сторону от нее город раскинулся вдоль многочисленных пересекающихся дорог, некоторые из них были окаймлены колоннами и вели к храмам, рынкам и общественным зданиям. В позднее время, в эпоху христианства, появились и церкви. Руины одной из них можно видеть и по сей день. Один из наиболее значительных храмов в этой части города, сохранившийся в прекрасном состоянии, был изящен, несмотря на массивность постройки, и имел многочисленные украшения. Он был посвящен могущественному Баал Шамину, а последние находки показали, что он был частью большого комплекса зданий, посвященных тому же самому божееству. Скульптурные фрагменты и надписи, обнаруженные случайно, рассказывают нам о существовании других храмов, посвященных другим богам. Например, очевидно, что где-то там находился богатый храм, воздвигнутый в честь анатолийских и сирийских богов — Хадада и Атаргатис. Мы также почти точно знаем место, где располагался храм сиро-вавилонской Иштар-Астарты; в то же время надписи и рельефы свидетельствуют о существовании других, посвященных караванным богам Арсу и Азизу. Будущим исследователям остается только найти большинство этих священных построек.

Дома богов были богаты, но общественные здания, гробницы и частные дома, принадлежавшие состоятельным гражданам, были не менее величественны. Два из последних недавно были раскопаны, и оказалось, что они украшены роскошнее и изящнее, чем дома богатых купцов Делоса. Могучая колоннада их центрального двора — скорее, двор двор-

ца, а не дома; еще более дворцовыми выглядят комнаты, открытые в сторону двора, которые сделали бы честь любому итальянскому palazzo. Большинство колонн, за исключением тех, которые относились к улицам или храмам или были воздвигнуты в честь городской знати и которые можно видеть *in situ* или лежащими на земле, происходят из перистилей или колоннадных атриев частных домов. Только время покажет, где располагались более скромные дома жителей среднего класса, лавки и дома помпеевского типа или районы, населенные ремесленниками или рабочими: стояли ли они бок о бок с этими дворцами или находились в других кварталах города. Но характерно, что первые обнаруженные дома Пальмиры принадлежали представителям аристократии, которая и определила архитектурные линии города, его богатство и красоту, его особую социальную и экономическую организацию.

Говоря об этих домах, я употребил термины «перистиль» и «атрий», поэтому встает вопрос, на который я ответить не могу, а именно действительно ли эти окруженные колоннадами дворы пальмирских домов имеют греческое происхождение. Уже в далеком прошлом колонна была известна месопотамским строителям, а дворы, окруженные колоннами, были известны в Вавилонии. Рядом с вавилонским двором стоят хеттский «хилани» и персидская «ападана», парфянские дворцы, поэтому можно задать вопрос: «Откуда происходит пальмирский дом?» Пока не исследовано больше парфянских дворцов и раскопано больше пальмирских домов, было бы странно настаивать на одной из этих возможностей.

Мы спрашиваем себя, какой жизнью жили пальмирцы в этом сказочном городе, созданном караванами и предназначенном для караванной торговли. Хотя мы об этом имеем несколько лучшее представление, чем о жизни в Петре и Джераше, тем не менее наши знания по-прежнему остаются очень ограниченными. Сотни пальмирских надписей интересны и информативны; сотни статуй, бюстов или барельефов и многочисленные раскрашенные портреты или стенная роспись посвящают нас во внутреннюю жизнь населения; еще больше можно узнать из таких маловпечатляющих остатков, как глиняные тессеры с изображениями фигур и надписями, которые служили входными билетами на пиры, религиозные или частные приемы, устраивавшиеся в связи с отправлением культа богов и мертвых. Однако, к сожалению, ни надписи, ни скульптуры, ни живопись, ни тессеры, ни домашняя утварь никогда не были предметом собирательства, поэтому и нет публикаций их полного описания.

Тем не менее мы располагаем достаточными материалами, чтобы нарисовать приблизительную картину жизни Пальмиры. Первое, что хочется отметить, это смешанный расовый характер ее населения. Несомненно, семиты составляли большинство; большая часть надписей на их

языке, арамейском диалекте, написана алфавитом, типичным для Пальмиры. Однако имеются также многочисленные греческие и пальмирские билингвы и несколько — только на греческом или латинском. То же самое относится и к именам, так как и среди них преобладают семитские, хотя встречаются также имена греческого, латинского и иранского происхождения. Похоже, что греков было немного, так как большинство греческих имен принадлежало вольноотпущенникам. Очевидно, что пальмирцы недолго любили своих потомственных врагов — греков и старались воспрепятствовать их расселению в городе; римляне не противодействовали этому, так как была объявлена политика «открытых дверей». Похоже, что пальмирцы в этом отношении пользовались полной свободой. Помимо вольноотпущенников, греческие и латинские имена носили гражданские и военные агенты римского государства и солдаты римской армии, хотя в Пальмире их было не очень много. Были также иранцы, считавшиеся членами правящей пальмирской аристократии и, в противовес грекам, не считавшиеся чужестранцами.

Возможно, тщательный анализ семитских имен покажет, что не все они имели одно и то же происхождение. Тем не менее кажется маловероятным, что все правящие семьи были потомками древних жителей оазиса, арамейцев или хананитов, или кем бы они ни были. Я так полагаю, потому что в конце эпохи расцвета торговые связи и средства шли в Пальмиру извне: из Дамаска, Сафаитской Аравии, из Петры, возможно, из Палестины (после разрушения Иерусалима?). Это очевидно и по количеству религиозных культов иностранного происхождения, существовавших в городе. Может быть, это подразумевалось, когда в 85 г. н. э. два именитых пальмирца — Лисамс и Зебида, сыновья Малику, сына Ильдибела, сына Несы из рода Мигдат, воздвигли посвященную стелу арабскому Шамашу — «богу своих предков».

Социальная структура весьма своеобразна; несмотря на то, что родовое деление часто встречается среди семитов, среди десятка родов мы находим здесь только четыре, занимавших более высокое по отношению к другим положение. Интересно одно — только ли представители этих родов имели исключительные политические права, и только ли они могли быть членами совета, магистратами и руководителями караванов. Так ли это было или нет, но мы часто находим четыре этих рода работающими рука об руку, а пальмирская знать считала большой привилегией удостоиться от них почестей. К сожалению, жизнь этих различных кланов и их взаимоотношения нам малоизвестны. Естественно, что могущественные кланы не всегда находились в мирных отношениях друг с другом, так как в Пальмире, как и в сегодняшних Сирии и Месопотамии, среди арабов была распространена длительная и наследственная вражда. Эти древние распри интересно освещает надпись,

датирующаяся очень ранним временем — 21 г. н. э. Она высечена под статуей Хашаша на средства и по заказу двух родов: Бене Камора и Бене Маттабол. Оба имени часто встречаются в пальмирской истории, поэтому несомненно, что это были два наиболее могущественных и влиятельных рода в городе. Текст надписи таков: «Так как он, Хашаш, пришел в их головы [двух родов] и установил мир между ними, теперь он наблюдает за тесным сотрудничеством во всех делах — больших и малых». Характерно, что в сокращенном греческом варианте этого текста два рода называются «пальмирским народом».

Жрецы, отправлявшие культы богов в Пальмире, формировали могущественную группу, в которой существовала запутанная иерархия, никогда не бывшая предметом внимательного рассмотрения. Одни из них служили в храмах, другие — были членами интересных религиозных организаций, группировавшихся вокруг храмов или, возможно, племенных святилищ. Найдены многочисленные бюсты, изображающие мужчин — членов известных и почитаемых пальмирских семей, облаченных в жреческие одежды. На головы возложены тиары типичной (цилиндрической) формы, украшенные коронами и бюстами богов, которым они служили. По-моему, это подтверждает, что жреческие должности не всегда передавались по наследству, как это было в Египте, Вавилонии, семитском и даже иранском мире, а являлись, скорее, всего лишь почетными званиями и должностями, как в Греции и Риме.

Среди редких (возможно, иранских) жреческих титулов мы находим также «симпозиарха», или ведущего религиозные пиры. За ним следовали многочисленная свита и помощники. Во время таких праздников как богами, так и смертными потреблялось много вина, а в важной надписи жреца-симпозиарха хвастливо отмечается, что во время одной из таких трапез подавали старое (возможно, местное, не импортное) вино. Это подтверждает, что в древности в Пальмире было развитое сельское хозяйство. Из пальмирского тарифа и по тессерам нам известно, что оливковое масло помимо вина, ячменя, овощей, фингов тоже было местным продуктом. Нет сомнений, что принимавшие участие в этих священных трапезах получали глиняные «жетоны» наподобие тех, какие в большом количестве были найдены среди руин и, похоже, дают нам довольно четкую картину социальной и религиозной жизни. Многие из них содержат надписи, касающиеся жрецов Бела или других богов. Священные трапезы устраивали не только в честь богов. Таковы были верования пальмирцев; возможно, что их единственным заимствованием у греков было то, что умершие становились членом сонма богов, героев и полубогов. В соответствии с этими верованиями умерших представляли как обожествленных героев, возлежащими на богатых лежанках и одетыми в прекрасные одеяния.

В их честь устраивали погребальные трапезы и предполагалось, что они тоже принимают участие в них. Некоторые из этих глиняных жетонов были, конечно, билетами на заупокойные трапезы, распределявшимися среди приглашенных — живых членов семьи покойного, членов его рода или религиозного объединения (*thiasos*), к которому он принадлежал.

Интересно, когда эта идея возникла в Пальмире? Вопрос сложен и запутан. Я не могу его здесь рассмотреть. Тем не менее могу отметить, что и в парфянской Месопотамии богов и обожествленных умерших изображали возлежащими на лежанках; это могло быть данью греческому влиянию на религиозные идеи жителей Месопотамии.

Структура большой семьи пальмирских богов и богинь так же сложна, как структура населения и жречества. Во многих храмах Бел был главным. К нему и Баал Шамину (оба — боги наземного мира и оба по-гречески обозначались именем Зевс) прибавлялись боги Солнца и Луны, которых звали Яхрибол и Агрибол (см. рис. XX). Возможно, что в большом храме поклонялись Белу, Яхриболу и Агриболу как триаде. Иногда к этой триаде присоединялся четвертый или даже пятый член. Мы находим изображения таких групп из трех или четырех богов на пальмирских рельефах и тессерах. Возможно, что из трех или четырех богов триады два были не вавилонскими, а местными богами, Яхриболом и Агриболом. В римский период великий Баал Шамин превратился в соперника Бела, которого называли или, точнее, описывали в сотнях посвящений как «освященного в вечности, хорошего и милосердного», и мы можем полагать, что он был сирийским дополнением пальмирского пантеона. Любопытна фигура Малакбела — «вестника Бела», посланника и небольшого *alter ego* Бела, несомненно, вавилонянина, как и сам Бел.

Шамаш и Иштар, как и Бел, тоже имели вавилонское происхождение, но последняя вскоре слилась с финикийской Астартой. И полуэламская Нанайя, которой поклонялись в Дуре и о культе которой мы будем говорить несколько позже, и Нергал, бог подземного мира, тоже пришли из Вавилонии. Тем не менее Вавилония — не единственная страна, боги которой были представлены в Пальмире. Из северной Сирии и, скорее всего, из Малой Азии пришла могущественная пара Хадад и Атаргатис (см. рис. XXI), в то время как Эшмун пришел из Финикии, чтобы дополнить Астарту. На тессерах его изображали в облике греческого Асклепия. Многие боги пришли из Аравии; это были Самас (в Аравии — женское божество Солнца, но в Пальмире она стала ассоциироваться с вавилонским Шамашем), Аллат (арабская Афина) (см. рис. XXI, 3) и интересный бог Чай-ал-Каум — доброе и благожелательное божество, которое заставляло воздерживаться от употребления

1

2

3

Рис. XX. Боги Пальмиры:
1, 2 — Бел, Яхрибол и Агрибол; 3 — Арсу, караванный бог

вина. Возможно, что он был соперником другого арабского божества — Душары или Дусары, арабского Диониса. В Пальмире были также храмы Арсу и Азизу, которые являлись очень важными богами. На тессерах, монетах и рельефах Арсу изображали в облике молодого воина на верблюде или стоящим рядом с верблюдом. Иногда его самого изображали в облике верблюда — животного, являвшегося его священной эмблемой. Азизу, который был молод и силен, изображался верхом на коне. В то время как Арсу имеет, конечно, арабское происхождение, так как его культ практиковался в Петре, а сафаитские арабы поклонялись ему под именем Роуда или Раду (первоначально женское божество), возможно, что Азизу не был арабом, так как ему поклонялись в Эдессе, где ему был равнозначен бог Моним. Оба были посланниками Солнца; один — Утренней Звездой, которая предвещала появление Солнца в религиозных процессиях, а другой — Вечерней Звездой, следовавшей сзади. Вероятно, Азизу был одним из тех многочисленных божеств, которым поклонялись сирийцы и чей культ распространился за пределами этой страны благодаря сирийским солдатам и купцам. Даже в далекой Дакии мы находим несколько посвящений, в которых к нему обращаются как «*Deus bonus, puer phosphorus Apollo Pythius*» (см. рис. XX, 3 и XXII).

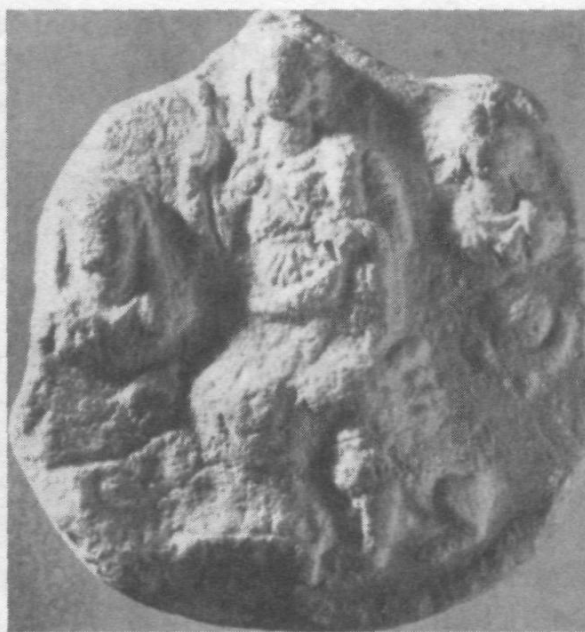
В Пальмире Арсу и Азизу, араб и сириец, изначально были теми, кем они остались, — богами и покровителями караванов, их могуществен-

Комментарий к рис. XX.

1. Великая триада Пальмиры — Бел, Яхрибол, Агрибол. Глиняная тессера из Пальмиры с изображением на аверсе бюста Бела, увенчанного Викторией, стоящей на шаре; слева — бог Марс, который движется по направлению к бюсту. Ниже — изображения двух печатей (женская голова, повернутая влево; фигура бога Меркурия). На реверсе — слева — фигура Яхрибола в военной форме, в зубчатой короне, опирающегося на копье или скипетр; справа — фигура Агрибола с полумесяцем за плечами, в таком же облачении и такой же позе. Надписи справа и слева — имена двух богов.

2. Великая триада Пальмиры. Глиняная тессера из Пальмиры, изображающая этих же богов во весь рост, стоящими перед храмом. На реверсе — фигура человека (жреца?), возлежащего на ложе. Слева — большой винный кратер, справа — луна и звезда. Вверху — оттиск печати с изображением гладковыбритого мужчины, повернутым вправо. Внизу — имя человека (жреца Бела, который выпустил тессеру): Малихо, сын Вахбаллата.

3. Арсу — караванный бог. Тессера из Пальмиры. На аверсе — бюст молодого бога; слева — полумесяц (?); внизу — бык, бегущий вправо. Ниже — звезда Венера. На реверсе — бог в доспехах, показанный во весь рост. Слева — надпись, сообщающая имя бога — Арсу.

1

2

3

4

5

Рис. XXI. Боги Пальмиры:

1 — Атаргатис (Британский музей); 2 — Атаргатис и Хадад. Глиняная тессера (коллекция виконтессы д'Андюрен (d'Andurain)); 3 — Аллат, богиня-воительница. Глиняная тессера (Британский музей); 4 — Тихе Пальмиры. Глиняная тессера (Британский музей); 5 — Тихе Пальмиры или Бел. Бронзовая тессера (Кабинет медалей, Париж)

ными защитниками, их всевышними синодиархами. На тессерах они иногда появляются с Шамашем, богом Солнца, и Яхриболом-Малакбелом. Со всеми этими богами связан бог Луны — Агрибол. К этим добрым и милосердным богам, дающим свет ночью и днем, обращали свои жаркие молитвы все те, кто проводил долгие ночи и дни в пустыне. Мы уже встречали эти путеводные для караванов звезды бок о бок с Фортуной (Тихе) Петры, они взирали на нас в облике Диоскуров с фасадов великолепного Эль-Хазне в Петре. Это были первые божества, приветствовавшие караваны, входившие в Петрейскую долину, именно им путешественники возносили горячие похвалы в тысячах надписей, высеченных на скалах и стенах храмов и ворот, мимо которых проходили караваны во время их долгих странствий.

Странно, что в длинном списке имен чужестранных богов и богинь Пальмиры, приведенном выше, нет имен иранских богов. Естественно, что в Пальмире не было настоящих греческих и римских богов, но греческий и римский пантеоны были представлены несколькими греческими именами, которые в греческих надписях были даны восточным богам и эллинизированным фигурам тех же самых богов на статуях и

Комментарий к рис. XXI.

1. Атаргатис. Глиняная лампа из Пальмиры — изображение богини Атаргатис, сидящей на троне между двумя львами. Она опирается на скипетр, а в левой руке держит цветы (?). Справа — бюст в солнечном ореоле (солнечное божество); под бюстом Венеры — звезда и полумесяц. Слева — бюст женщины (?) под накидкой.

2. Атаргатис и Хадад. Глиняная тессера из Пальмиры. На аверсе — Атаргатис, на реверсе — ее божественный супруг Хадад в парфянской военной форме, опирающийся на скипетр или копье. Надпись — личное имя бога.

3. Аллат — богиня-воительница. Глиняная тессера из Пальмиры. На аверсе — изображение богини в облике Афины между двумя высокими сосудами, из которых растут растения (камышы). На реверсе — изображение быка, повернутое влево; над ним — полумесяц, справа — кипарис; внизу — два алтаря.

4. Тихе Пальмиры. Глиняная тессера из Пальмиры. На аверсе — бюст богини с шаром в правой руке и пальмовой ветвью — в левой, расположенный в небольшом святилище. На реверсе — жрец на троне, льющий вино из большого кратера.

5. Тихе Пальмиры или Бел. Бронзовая тессера из Пальмиры. Бюст молодого бога или богини в анфас, держащего оливковую ветвь и одетого в накидку *salathos*. По обе стороны — две звезды. Надпись: «Фортуна [которая защищает] оливковые деревья». На реверсе — знак Бела (три пальмирские буквы) и точильный камень между двумя ножами для жертвоприношений.

барельефах. В Пальмире подобное религиозное влияние проследить невозможно. Единственным божеством пальмирского пантеона, которое могло иметь иранское происхождение, был бог по имени Сатрапес, известный нам по барельефу и тессере. На последней он изображен вместе с Арсу и Азизу. Хотя мы знаем, что он пришел в Пальмиру не из иранских земель, а из Финикии и Малой Азии, где ему поклонялись еще задолго до того, как была основана Пальмира, т. е. в то время, когда и Финикия, и Малая Азия были сатрапиями Персидской державы¹.

Я считаю, что это отсутствие иранских элементов в пальмирской религии основано на хитрости. Я не могу здесь подробно рассмотреть это. Достаточно сказать, что вавилонские боги, которые пришли в Пальмиру, оказались здесь в то время, когда Вавилон был парфянским городом, а Вавилония ориентировалась на одну из парфянских столиц — Ктезифон. В Вавилонии парфяне взяли верх над вавилонскими богами и создали некое подобие синкретической религии, хорошо отображавшей смешанный характер всей Парфянской державы. Этот религиозный синкретизм я считаю одной из основных особенностей парфянского религиозного развития. Я могу привести параллельный пример в Кушанском царстве на севере Индии, где иранские, зороастрийские боги появляются на монетах под видом и с атрибутами греческих богов. Нечто подобное представляет собой эволюция религии Месопотамии. Сами парфяне были, скорее всего, зороастрийцами, хотя парфянские цари и считали необходимым официально признавать богов различных областей, из которых состояла их многонациональная держава. Так обстояло дело с Белом, верховным богом Вавилонии, чей культ был широко распространен во всей Месопотамии и Сирии, ставшим одним из богов Парфянской державы. Теперь ничто не мешало хорошему зороастрийцу оказывать почести Белу, приходя иногда в его храм и адресуя свои молитвы ему так, словно он был еще одним Ахурамаздой. В связи с этим вавилонское жречество ввело некоторые дополнения в ритуальные обычаи парфян, т. е. несколько иранизировало культ их собственного владыки и господина, милостивого Бела.

Бел как бог Парфянской державы появился в Пальмире в своем иранизированном обличье и с различными иранскими элементами в своем культе. Некоторые факты подтверждают мою гипотезу, приведенную выше. В одной надписи из Пальмиры имеется список жрецов Бела. Одно из имен этих жрецов не находит объяснения в семитском языке и, похоже, имеет иранское происхождение. Более того, наиболее важных богов пальмирского пантеона, особенно богов-воителей — Бела,

¹ Скорее всего, имя Ормузд, которое появилось в недавно обнаруженной гробнице Пальмиры, принадлежит человеку, а не богу.

Яхрибола и Агрибола, как это следует из скульптур и рисунков, иногда изображали в парфянском платье и с парфянским оружием. То же самое касается Арсу и Азизу.

Я уже говорил немного о политическом устройстве Пальмиры, о котором мы знаем удручающе мало. Его происхождение скрыто в догадках, и хотя термины, которые использовались во времена после Адриана, греческие, это вовсе не означает, что оно полностью было греческим. Стратег, вероятно, представлял республику и командовал милицией. Два архонта действовали как представители гражданского правительства. Сразу за ними шли казначей и смотритель за рынками и караван-сараями, затем следовали чиновники, собиравшие пошлины и налоги. В могущественном сенате был особый президент. Похоже, что большое значение имели откупщики, что видно из пальмирского тарифа — документа, который состоит из тщательно отредактированного, уточненного и расширенного издания налоговых и особенно таможенных законов, сформулированных в 137 г. н. э. сенатом во главе с *proedzoz* в присутствии секретаря и архонтов.

Жаль, что мы так мало знаем об отношениях между магистратами и сенатом или о древней организации могущественных родов, на которые делилось население, жившее своей собственной корпоративной и религиозной жизнью. Еще больше приходится сожалеть о том, что мы так мало знаем об отношениях между городом Пальмирой, ее магистратами и сенатом, Римским государством. Кто, помимо командира гарнизона, представлял Рим? Какой доход получал Рим и каким образом? Почему только некоторые римские императоры и губернаторы Сирии были удостоены статуй или других памятников в Пальмире, в то время как такие почести столь часто оказывали им в более мелких и бедных городах Сирии? Возможно, время прольет свет на некоторые письменные памятники, которые объяснят эти загадки.

Очевидно, что не только уровень жизни Пальмиры, но и направление политики определялось купцами, снаряжавшими караваны. Они основали свои представительства на Востоке и на Западе, они владели кораблями в парфянских и римских портах, они ссужали и брали ссуды для торговых операций. Серия надписей в честь президентов пальмирских «*fondouqs*» в других странах, синодиарха — руководителя каравана и архемпоров — президентов торговых компаний знакомит нас с их деятельностью. Интересно, что, несмотря на то, что представители Пальмиры были рассеяны по всему миру, а пальмирские караваны отправлялись во всех направлениях, в вышеупомянутых надписях говорится исключительно о президентах «*fondouqs*», там проживавших, и о караванах, путешествовавших в Вавилон, Вологезию, Форат, Спасину Харакс и другие мелкие центры Парфянской державы, во все города,

1

2

3

Рис. XXII. Боги Пальмиры (см. описание в тексте):

1 — Арсу и Азизу. Барельеф (Дамасский музей); 2 — Арсу. Глиняная тессера (Британский музей); 3 — Арсу (коллекция виконтессы д'Андюрен)

расположенные в устьях Тигра и Евфрата или недалеко от них, и обратно. Нет упоминаний о «fondouqs» или торговых представительствах в Дамаске, Эмесе или Хаме или других городах Римской империи, или о караванах, направлявшихся на север и на запад. Пожалуй, это объясняет, почему Пальмира получала свой основной доход от торговых связей с Парфией. С другой стороны, это означает, что торговые отношения с Парфией, караваны, идущие в Парфию и обратно, были делом рискованным и опасным, в то время как отношения с Римской империей были безопасны настолько, чтобы упоминать об этом в надписях, прославлявших особые заслуги известных граждан.

Более важные сведения о «fondouqs» — торговых поселениях пальмирцев в различных городах Парфянской державы содержатся в вышеупомянутых надписях. «Fondouqs» были важными центрами пальмирской жизни, как почти независимые организации внутри других городов, напоминающие нам подобные европейские «fondouqs» в Средние века и в эпоху Возрождения на Востоке, европейские поселения в Шанхае, в Китае, в наши дни, которые так хорошо теперь известны всем читателям европейских газет. Например, в некоторых пальмирских надписях в честь президентов поселений упоминаются пальмирские храмы, возвышавшиеся над пальмирскими караван-сараями, конторами и складами в этих поселениях. Похоже, что одна из таких надписей говорит, как это ни странно, о сооружении в Вологезии президентом вологезского «fondouq» храма в честь римского императора Адриана. Храм, посвященный культу римского императора в самом центре Парфянской державы, кажется нонсенсом. Хотя мы не должны забывать, что Адриан был очень популярен и влиятелен в Парфии. После побед-

Комментарий к рис. XXII.

1. Арсу и Азизу. Барельеф, изображающий человека, приносящего жертву двум богам: одному — верхом на верблюде, одетому в военную форму и держащему в правой руке копье, а другому — верхом на коне в гражданском одеянии, держащему в правой руке копье. Надпись с именами богов Арсу и Азизу и имя жреца Арсу, который посвятил барельеф.

2. Арсу. Глиняная тессера из Пальмиры. На аверсе анфас — изображение бога, одетого в военную форму и опирающегося на копье. Внизу справа — бычья голова. Справа и слева — надписи с именами. На реверсе — изображение груженого верблюда, повернутого вправо, с погонщиком, держащим суму и ветвь.

3. Арсу. На аверсе — груженный верблюд, повернутый вправо. Между его ногами и над ним — две звезды. Перед ним — жрец, совершающий жертвоприношение (сжигающий благовония). На реверсе анфас — жрец, держащий штандарты между двумя рядами из трех звезд.

ного похода Траяна он вернул Месопотамию парфянскому царю и возобновил регулярные торговые сношения между двумя державами.

Другая интересная подробность обнаружена в одной из надписей президентов «*fondouqs*»: оказывается, поселенцы-пальмирцы проводили четкое различие между пальмирскими купцами и греческими. Две группы фигурируют в этой надписи как две самостоятельные организации. Похоже, что пальмирцы не считали себя представителями греческого мира и были горды тем, что являются «просто пальмирцами».

Президенты *fondouqs* были важными персонами в Пальмире и в Парфии. Возможно, что в пределах своих *fondouqs* они имели почти царскую власть, хотя община купцов была в какой-то степени автономна и имела свое самоуправление. Они, конечно, считали себя потомками пальмирского «демаса».

В заключение, для того чтобы дать представление о текстах, освещающих жизнь пальмирских *fondouqs* и личностях важных купцов Пальмиры, позвольте мне привести вам несколько строк из этих текстов. Надпись, которую я собираюсь процитировать, недавно найдена рядом с колодцем в пустыне к югу от Пальмиры о. Пуадебаром (Poidebard) во время одного из его географическо-археологических воздушных исследований. Она вырезана на большой колонне, вероятно, стоявшей рядом с водозабором и на которой был установлен памятник Соаду, представителю пальмирской знати, и служила указателем для караванов, шедших от колодца к колодцу, в Пальмиру или оттуда.

Я переведу из нее несколько строчек: «Совет и народ оказали честь Соаду, сыну Болиада, сыну Соада, сыну Таймисамса, благочестивому мужу, который любит свою родину, который во многих важных случаях благородно и щедро защищал интересы торговцев и караванщиков и своих сограждан, проживающих в Вологезии, как об этом засвидетельствовано в письмах бога Адриана и его сына, божественного императора Антонина, а также в эдикте и письме Публия Марцелла, так же как и в письмах губернаторов провинций, его преемников. За все это он удостоен также почестей упоминаниями в декретах и статуями совета и народа [Пальмиры], караванов и отдельных граждан». В память обо всех этих услугах его страна воздвигла ему четыре статуи в Пальмире, а совет и народ — три статуи за пределами города: одну в Спасину Хараксе, одну — в Вологезии и одну — на караванной станции Геннее.

Другая надпись дает нам хорошее представление об обязанностях синодиарха. Рядом с караван-сараям Пальмиры находился огромный архитрав с надписью, которая впервые была скопирована профессором Ингхольтом (Ingholt). Это декрет в честь Огела, знатного пальмирца, опубликованный четырьмя племенами Пальмиры в 199 г. н. э. для того,

чтобы отметить «его отвагу и мужество» и в честь его деятельности во время нескольких военных походов против кочевников, а также за помощь, которую он оказывал купцам и караванам в то время, когда был синодиархом (вероятно, многократно).

Пальмирская культура тоже довольно своеобразна. Она представляет собой сложную картину, трудно поддающуюся определению. Нам известны некоторые факты, освещающие ее, однако сама она никогда тщательно не исследовалась. Если часть населения была представлена кочевниками-бедуинами, то в новом городе они должны были вскоре забыть свои бедуинские обычаи, вступить в контакт с купцами и банкирами, которые мигрировали из старых торговых городов, например Вавилона, Дамаска, Петры или других городов Сирии и Вавилонии, в этот молодой и богатый центр караванной торговли. Со временем в Пальмиру мигрировало множество парфян. Многие пальмирские граждане не были чужими Западу. В качестве наемников и солдат они на протяжении многих лет проживали в Александрии и других городах Египта, в Риме и Италии и даже в западных провинциях Римской империи. От времени и до времени тот или иной пальмирец становился членом правящей аристократии Римской империи. Некоторые римские императоры (например, Адриан и Александр Север) в сопровождении своих армий, офицеров, дворов и большого числа римских чиновников посещали Пальмиру и смешивались с пальмирской аристократией. Все это должно было повлиять на жизнь города и наложить на нее значительный отпечаток.

Поэтому не удивительно, что богатые купцы Пальмиры, проживавшие в своих прекрасных домах вавилонского типа, жили особой жизнью, удивительной и сложной. Естественно, что все представители аристократии читали и писали на двух языках — арамейском и греческом. Интересный надгробный памятник, находящийся теперь в коллекции виконтессы д'Андюрен, изображает мальчика из знатной пальмирской семьи, держащего в руках тетрадь, состоящую из деревянных табличек. На открытой табличке написаны последние буквы греческого алфавита (см. рис. XXIII, 3).

Если интеллектуальная жизнь граждан имела оттенок греческой, то их платья и мебель были не семитскими, не греческими, а полностью принадлежали к парфянскому типу. Посмотрите на широкие шаровары (*anaksyrides* — штаны) и вышитые халаты, которые носили мужчины, на прекрасные ковры, покрывавшие их ложа, обратите внимание на их богато украшенные митры, их чаши и фибулы, украшенные драгоценными камнями, обратите взор на одежду их жен и тяжелые ювелирные украшения, покрывающие их с ног до головы, — параллели всему этому можно найти только в Персии (см. рис. XXIII, 1, 2).

1

2

3

Рис. XXIII. Жители Пальмиры:

- 1 — молодой жрец (Музей искусств Йельского университета);
 2 — женщина под вуалью (Музей искусств Йельского университета);
 3 — школьник (коллекция виконтессы д'Анджурен)

По-прежнему сложна проблема пальмирского искусства. Первое впечатление таково, что оно полностью греческое, но я думаю, что это первое впечатление — неверное. Скульптура Пальмиры, представленная сотнями статуй, бюстов и барельефов, изображающих фигуры богов и людей, ритуальные сцены, дает такое изображение голов и тел, такой недостаток мужества, такую беспомощность в оформлении мышц человеческого тела, такую склонность к декоративному элементу и тщательному следованию деталям одежды и мебели (особенности, которые абсолютно чужды греческой скульптуре и типичны для жанра восточной пластики), что мы вряд ли можем назвать эту скульптуру греческой или греко-римской. Если мы ищем сходство, то увидим, что ближайшие параллели с пальмирской скульптурой можно найти не столько в Вавилонии, Ассирии или Персии, сколько в северных семитских странах и в Анатолии, в искусстве, относительно недавно открытом благодаря археологическим исследованиям в северной Сирии и Анатолии и называемом хеттским. Тысячи статуй и барельефов из таких мест, как Сенджирли, Кархемыш, Телль-Халаф, несмотря на большой временной разрыв, который отделяет их от раннепальмирской скульптуры, несомненно, показывают близость с пальмирским пластическим искусством. Мы можем сказать, не опасаясь ввести читателя в заблуждение, что скульптура Пальмиры — эллинизированный потомок арамейского и анатолийского пластического искусства. Ранняя стадия развития представлена известными позднеэллинистическими скульптурами из Нимруд-дага в Коммагене, где, как и в Пальмире, сиро-анатолийский эллинизированный стиль соединился с иранским влиянием

Комментарий к рис. XXIII.

1. Юноша, отдыхающий на кушетке, покрытой ковром с каймой, одетый в богато расшитое персидское платье: рубашку с поясом, плащ, застегнутый при помощи круглой броши, широкие штаны, украшенные драгоценными камнями, богато украшенные мягкие туфли, на голове — коническая шапка, рядом с ним на вершине колонны его жреческая митра. Его слуга одет так же.

2. Бюст женщины под покрывалом, на которой дорогая диадема, серьги, богатая пектораль, тяжелые браслеты. Ее мантия пристегнута к левому плечу брошью, с которой свисают ключи от дома. Ее туника богато расшита. В правой руке она держит принадлежности для ткачества и прядения. Справа — ее имя.

3. Бюст мальчика с ожерельем, одетого в рубашку и тунику, пристегнутую на правом плече круглой брошью. В правой руке он держит стиль, а в левой — школьные таблички, на которых написаны последние буквы греческого алфавита.

как в стиле, так и в области одежды, доспехов и вооружения. Этот греко-сирийский стиль вместе с греко-вавилонским, представленный сотнями алебастровых и глиняных статуэток, найденных в Вавилонии, является основой двух стилей в скульптуре, преобладавших в западной части Парфянской державы. Развитие восточной части, на которую влияло индийское и китайское искусство, отлично, и нас здесь не касается. Тем не менее, возможно, что две месопотамские школы скульптуры эллинистического и римского времени имели некоторое влияние на развитие так называемого искусства Гандхары в Индии, и *vice versa*, что позднеиранское искусство влияло на Месопотамию и Сирию.

Не менее заметна, чем скульптура, и живопись. В то время как скульптурные памятники сохранились в сотнях экземпляров, памятники живописи в Пальмире редки. Живопись, которая, конечно, существовала в частных домах и в храмах, вся погибла. Важные находки в Дуре показывают, что ее было много и что дома и храмы Пальмиры были такими же пестрыми, как дома и храмы Дуры. То, что сохранилось от живописи Пальмиры, найдено в погребениях, особенно в тех подземных погребальных помещениях, которые были вырезаны в скалах, что типично для некоторых частей «города мертвых» Пальмиры. Подобно скульптуре, стенная живопись в этих помещениях — это портреты умерших, погребенных здесь, как полнофигурные, так и медальоны с изображением крылатых викторий, отдельных мифологических сцен и орнаментов. И здесь мы вновь сталкиваемся с греческим характером картин, и необходимо более тщательное исследование, чтобы определить элементы, которые не являются греческими. Тем не менее так как Дура более богата живописью, чем Пальмира, а дуранская живопись в каком-то отношении очень близка пальмирской, то я оставляю обсуждение вопроса о дуранской и пальмирской живописи для следующей главы.

Подведем итог. Внешне пальмирская культура бросается в глаза своей сложностью и особым характером. Это случайное смешение различных элементов: иранская одежда, амуниция, оружие и мебель с обилием орнаментов, выполненных золотом и серебром, вышитые богатые ковры, вавилонские сильно эллинизированные храмы и небольшие дома, сиро-анатолийская эллинизированная скульптура и, возможно, греко-иранская живопись — вот наиболее бросающиеся в глаза элементы данного смешения. Тем не менее очевидно, что мы никогда не сможем понять Пальмиру до тех пор, пока знаем только западные ее составляющие. Однако греческое — это тонкий слой налета; то, что скрывается под этим налетом, происходит из различных областей восточного мира — из Ирана, Вавилонии, Анатолии и северо-сирийских земель.

VI

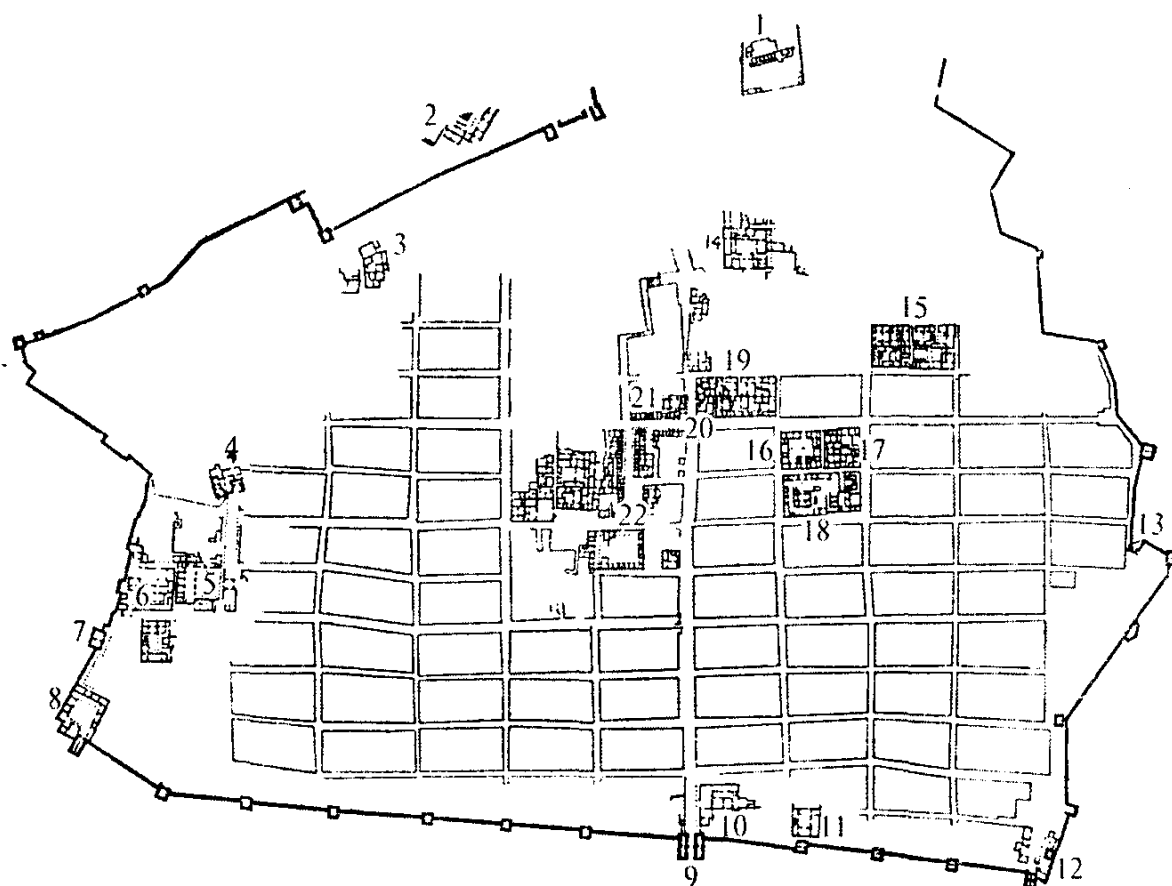
РУИНЫ ДУРЫ

У Дуры (см. карту 5) иная, более прозаическая история, чем у романтической Пальмиры. До 1920 г. это место только изредка навещали археологи и туристы; фактически я никогда не слышал ни об одном достоверном случае такого посещения. Но не потому, что город недоступен, так как он теперь, как и сотни лет тому назад, лежит на большой караванной дороге вдоль Евфрата, на полпути между Дейр-эль-Зором, большим торговым и военным центром на среднем Евфрате, и Абу-Кемалем, небольшой деревней на границе Ирака и подмандатной французской территории. Здесь побывали только два или три предприимчивых археолога, но даже они не заинтересовались его могучими башнями, его стенами и цитаделью. Поэтому только недавно Дура стала упоминаться в археологических и исторических работах, а то, что я говорил о ее истории, полностью основано на данных раскопок, проводившихся в последние годы.

Хотя история открытия этого места археологам известна, она весьма поучительна для того, чтобы пересказать ее. В 1920 г., в самом конце войны, капитан Мэрфи, командир английского отряда сипаев, роя траншеи и строя блокгаузы по всей территории Дуры, случайно обнаружил в северо-западном углу древнего города, рядом с крепостной стеной, руины храма, украшенного интересными фресками. Вскоре было установлено, что эти фрески украшали стены святилища, посвященного в последний период его существования трем пальмирским богам-воителям — Белу, Агриболу и Яхриболу. Об этом открытии капитан Мэрфи известил госпожу Гертруду Белл, директора Древностей Ирака; это произошло в то время, когда известный американский египтолог Джеймс Брестед (Breasted) находился в этой стране, и госпожа Белл направила его в Дуру для обследования фресок. Когда Брестед прибыл в Дуру, он застал английский отряд готовым покинуть город, в его распоряжении имелся только один день для проведения обследования. В этот день он успел зарисовать и сфотографировать фрески, снять план святилища, насколько это было возможно без раскопок, и набросать приблизительный план города и его укреплений.

После окончания войны Брестед сделал доклад о своем открытии во Французской академии надписей, и Академия немедленно начала

там раскопки, так как в это время территория уже находилась в пределах французского мандата. Бельгийский археолог Франц Кюмон — член Академии, член этого научного сообщества, и это позволило ему работать в Дуре два года. Его рабочими были солдаты Французского иностранного легиона, среди них — несколько русских. Было открыто много интересного, результаты раскопок Кюмон опубликовал в большой превосходной двухтомной книге, вышедшей в Париже в 1926 г. под названием «Fouilles de Dura-Europos». К сожалению,

Карта 5. План города Дуры:

1 — лагерь археологов; 2 — цитадель и дворец цитадели; 3 — военный храм; 4 — купальня; 5 — преторий; 6 — храм Артемиды-Аззанатконы; 7 — башня лучников; 8 — храм пальмирских богов; 9 — главные ворота; 10 — купальня (напротив нее храм Тихе Дуры) (план купальни представляет положение здания до раскопок); 11 — христианская церковь; 12 — храм бога Охлада; 13 — боковые ворота; 14 — «редут» и дворец «редута»; 15 — комплекс частных домов; 16 — храм Атаргатис и Хадада; 17 — дом жрецов; 18 — храм Артемиды-Нанайи; 19 — группа частных домов (среди них дом с сасанидской фреской); 20 — римская триумфальная арка на главной улице; 21 — дом архивов или дом Небухела; 22 — агора и суки (по чертежу проф. К. Хопкинса)

на продолжение раскопок достаточных средств ни у Академии, ни у сирийского правительства не оказалось, несмотря на очевидность того, что Кюмон не в состоянии найти ответы на все важные исторические проблемы, которые ставит Дура. Можно сказать, что фактически раскопки Кюмона большинство этих вопросов поставили впервые.

Несмотря на то что, как мы уже видели, Дура не может сравниться с Пальмирой ни по богатству, ни по исторической роли, которую она играла, тем не менее как раз в таком городе наиболее велика вероятность найти достаточный материал, который позволил бы нам разрешить проблемы, представляющие очень большой интерес. Город был заселен на протяжении шести веков (приблизительно с 280 г. до н. э. по 256 г. н. э.) последовательно македонянами, парфянами и римлянами. Он был разрушен в середине III в. н. э. и никогда вновь не заселялся. Таким образом, мы можем проследить в Дуре историю этих греко-македонских островков, рассеянных среди семитского и иранского моря Александром Великим и его преемниками вдоль всех главных дорог семитского и иранского миров. Мы знаем названия некоторых из этих островков, однако очень мало знаем об их жизни, деятельности или культуре. Мы также более или менее знакомы с результатом эксперимента, так как можем утверждать, что иранские и семитские волны захлестнули эти островки, хотя по-прежнему не можем сказать точно, как это происходило, или что собою представляли эти островки.

Я уже говорил о том, как важно для историка древности знать о культуре, истории и государственном строе Парфии. Условия парфянской жизни по-прежнему неизвестны, хотя, несомненно, мы можем утверждать, что они разные: в Индии одни, в Персии другие, в Месопотамии третьи. Дура, бывшая городом парфянской державы на протяжении почти трех веков, естественно, не могла дать нам ключи для решения всех этих проблем, но она уже позволила нам сформулировать их, а в недалеком будущем она, несомненно, поможет нам разрешить, по крайней мере, некоторые из них.

Конечно, следует ожидать, что большинство памятников Дуры будут датироваться римским временем. Пока македонский и парфянский периоды в Месопотамии по-прежнему остаются погруженными во мрак, темноту, то римский, если не в Месопотамии, то, по крайней мере, в Сирии, становится более понятным. Однако даже здесь мы находим, что наши знания неполны, и мы должны задать вопрос о том, достаточно ли сделано для того, чтобы увеличить их тщательным изучением имеющегося материала. Влияние Рима на Сирию очевидно, но был ли он таким же могущественным и на Евфрате? Именно в этом государстве проявились некоторые интересные проблемы римской истории.

Римская политика в отношении Пальмиры может быть, например, одним из интересных экспериментов в столь гибком государственном устройстве; интересно проследить за результатами, полученными Римом в Дуре, которая была македоно-иранской по характеру, хотя и семитской по происхождению, и поэтому абсолютно чуждой Риму. Удивительно, как Рим и эллинизм встретились там и как римляне справлялись с проблемами территорий, расположенных вдоль берегов Евфрата.

Таковы в общих чертах наиболее значительные вопросы, на которые мы ожидаем найти ответ, по крайней мере частичный, в Дуре. Раскопки Кюмона позволили нам сформулировать эти проблемы, и они также дали надежду на то, что при удачном стечении обстоятельств (а раскопки всегда в какой-то мере зависят от удачи) и с помощью тщательных систематических научных исследований Дура даст больше ценного материала для изучения указанных проблем.

Несомненно, раскопки Кюмона, как мы и ожидали, показали, что в Дуре нет первостепенных произведений архитектуры, скульптуры или живописи, или большого количества золота и серебра в виде ювелирных украшений, золотых или серебряных блюд, или государственных документов, затрагивающих важные политические вопросы. Она никогда не была большим или богатым городом или важным центром политической жизни; она была маленьким провинциальным городом, затерянным на границе двух цивилизаций — греческой и парфянской.

Тем не менее мы имели основания ожидать находок большого количества предметов, которые пролили бы свет на некоторые стороны жизни города на протяжении шести веков его существования, притом таких, которые мы не могли бы ожидать найти в руинах других городов Древнего мира.

Песок пустыни сохранил в Дуре не только то, что сохраняет земля в других местностях Древнего мира — камень, керамику и металл, но также дерево, ткани, кожу и бумагу, а среди всего прочего также и тексты на пергаменте и папирусах. По Египту мы знаем, как ценны такие находки, особенно тексты на папирусах, так как именно благодаря им мы знаем больше о прошлом этой земли, чем о прошлом какой-то другой области Древнего мира.

Когда стало известно, что из французских и сирийских источников средств на продолжение раскопок в Дуре не будет, я, с согласия Кюмона, попытался найти средства на это в Америке. Благодаря деятельной поддержке профессора Джеймса Р. Энджела (James R. Angel), президента моего университета, Йеля, мне удалось собрать необходимые средства на раскопки Дуры, которые теперь ведутся сотрудниками

этого университета совместно с Французской академией надписей. Мы работаем там вот уже пятый год. Уже изданы три тома предварительных отчетов о раскопках, остается надеяться, что нам удастся закончить раскопки так же успешно, как мы их начали. Директором раскопок являлся М. Пилле (M. Pillet) — архитектор и археолог, но теперь его сменил профессор Кларк Хопкинс из Йеля. Ф. Кюмон и я отвечаем за научно-историческую сторону этих работ, а Йель при содействии Фонда Рокфеллера осуществляет финансирование всей экспедиции. Постараюсь вкратце дать читателям представление о том, как там идет работа. О работе Кюмона я скажу, но коротко; подробнее — о Йельской экспедиции. Но сначала скажу несколько слов о путешествии в Дуру, где я провел весну 1928 и 1930 гг., и об условиях жизни там.

Попасть туда не так просто ни со стороны Бейрута, ни со стороны Алеппо; путешествие долгое, утомительное и трудное, которое занимает, по крайней мере, три дня, хотя расстояние — не более 700 километров. Лучше же на путешествие выделить четыре дня с тремя ночевками; проще всего ехать из Бейрута, если попал в Сирию морем, или из Алеппо, если ехать по железной дороге из Константинополя. Железнодорожное сообщение связывает Бейрут с Дамаском, Хомесом или Алеппо, но в Сирии железными дорогами мало кто пользуется, так как пассажирское сообщение по железным дорогам вытеснено автомобилями; сирийцу проще заплатить один фунт (20 франков) и трястись в переполненном форде, чем путешествовать за двойную цену в таком же переполненном грязном и душном вагоне третьего класса.

Из главных пунктов отправления в Дуру — Дамаска, Хомеса или Алеппо форд или шевроле — единственные средства передвижения, так как здесь верблюды раз и навсегда отошел в область предания, по крайней мере для европейских путешественников. От Дамаска или Хомса едут прямо через пустыню в Пальмиру, а оттуда — в Дейр-эль-Зор; из Алеппо сначала едут к Евфрату и затем вниз по течению реки к Дейр-эль-Зору. Следует помнить, что река для судоходства неудобная, из-за того, что течение быстрое, масса водоворотов, что только тяжелые местные баржи рискуют по ней передвигаться, да и то только вниз по реке, вверх пустую баржу тянут на бечеве. От Дейр-эль-Зора до Дуры 90 километров вниз по Евфрату.

Путешествие, как я уже сказал, длинное и утомительное. Там, где есть дороги, они из рук вон плохи, но в большинстве случаев дорог вовсе нет. Единственной дорогой служит пустыня. Следует опасаться ее наиболее песчаных мест, так как там автомобили могут увязнуть, лучше выбирать только те места, где гравий мельче, так как крупный может растряссти путешественника, а главное, можно сломать ось

автомобиля. Где поверхность покрыта гравием, милостиво насыпанным рукой Бога, там и есть лучшая автомобильная дорога в мире. Но не всегда можно выбирать между песчаной Сциллой и каменной Харибдой; часто приходится перемахивать на большой скорости песчаные дюны или взлетать в воздух из-за слишком большого камня. Нельзя сказать, что путешествие абсолютно безопасно, так как, хотя бедуины и помнят жестокий урок, который им дали французы после дамасского восстания, но иногда они по своему прирожденному беззаконию похищают. Так, недавно они похитили на английской территории (так говорят французы) англичанку и отпустили только тогда, когда она — девственная мисс — заявила похитившему ее шейху, предлагавшему ей место в своем гареме, что она мать троих детей. Пустыня, «блэд», опаснее, чем бедуины. Если сломается машина, лопнут шины, сломается ось — можно сидеть в пустыне часами без питья и еды, ожидая, что помощь скоро подоспеет. Поэтому лучше ездить группами автомобилей, по два, по три, и брать с собой на всякий случай еду.

Дороги в Дуру, по которой в эпоху Селевкидов шли караваны, — самые интересные. Они все ведут от Антиохии на Оронте к Селевкии на Тигре. Две из них, те, что идут через Алеппо к Евфрату, а затем вниз по течению, к Оронту и Апамее, а оттуда в Хамас и через пустыню к Евфрату, я знаю по собственному опыту. Вся селевкидская Сирия лежит перед нами как на ладони, и когда мы путешествуем по этим дорогам, и когда мы пристально вглядываемся в землю, нам кажется, что условия жизни в ней вряд ли изменились не только со времен великих Антиохов, но даже со времен вавилонян, хеттов или ассирийцев. Интересно наблюдать, как от области к области меняется характер поселений и домов. В долине Оронта, где тростник растет в изобилии и нет леса, дома строятся из тростника и глины, а сухой кизяк служит топливом. Форма домов напоминает палатки бедуинов. Как только мы оставляем позади долину *en route* из Апамеи в Алеппо и начинаем карабкаться на холмы, тип архитектуры жилищ сразу меняется; глину и тростник заменяет камень. Домов немного, но там, где они есть, они высокие, прочные, даже изящные по форме. И вместо телей долины Оронта, под которыми лежат руины древних глиняно-тростниковых хижин, мы сталкиваемся с лучшими в мире, наиболее сохранившимися, наиболее цельными руинами ферм, деревень, монастырей, церквей и небольших городов, которыми так славится северная Сирия. В горах Сирии этих руин — сотни; все они — позднееримского и византийского времени, так как после этого времени холмы северной Сирии запустели, возможно, что здесь уменьшилось количество осадков. Одна из наиболее интересных руин недалеко от Алеппо — развалины мона-

стыря св. Симеона. Его церкви стоят на холме, а подворье — ряд гостиниц, лавок, едален и т. д. для тех паломников, что шли поклониться святому Столпнику, — в долине. Вся конструкция очень напоминает Троице-Сергиевскую лавру в России.

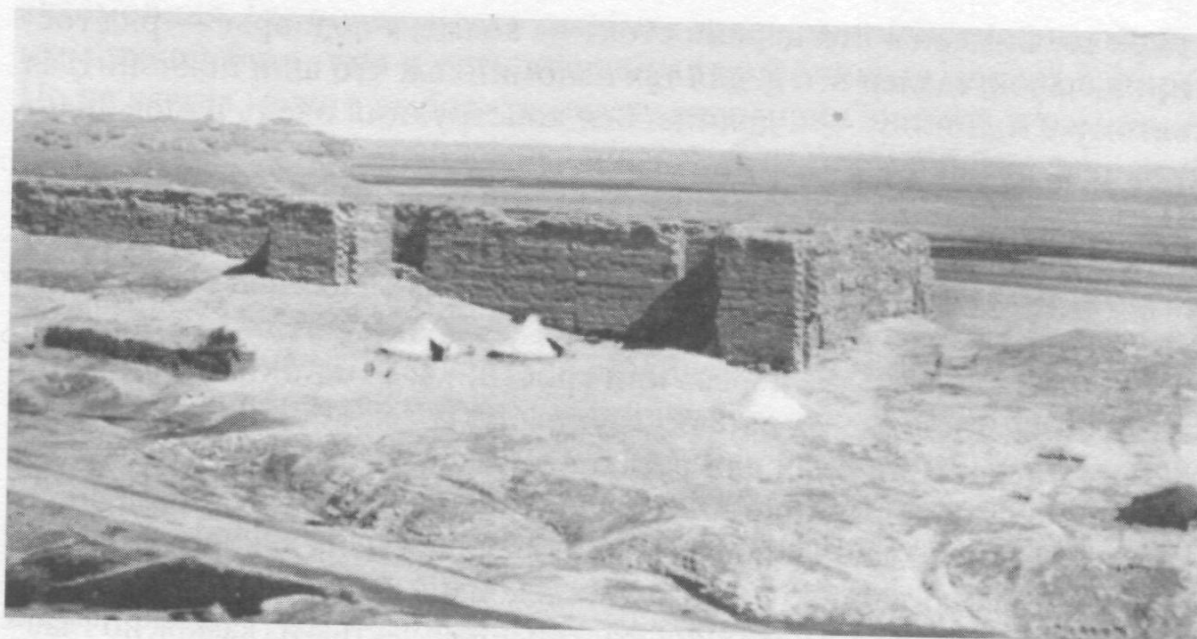
Путешественник спускается в равнину Алеппо — безлесную и маловодную равнину с тяжелой глинистой почвой, являющуюся преддверьем пустыни, и характер местности вновь меняется. На равнине возникают группы конических глиняных хижин. В этих хижинах нет ни единого следа камня, дерева или тростника. Эти глиняные деревни напомнили мне русские пасеки, группы из сотен конических примитивных ульев, типичных для русской деревни. Кстати, эти забавные ульи для людей на равнине Алеппо внутри очень чисты и удобны.

Когда подъезжаешь к Евфрату — новая перемена декорации, и это особенно важно для нас в наших исследованиях Дуры. Здесь дома — обычного четырехугольного типа, построенные частью из камня, но главным образом из необожженных кирпичей. Их потолки — из стволов тонкого тамариска, растущего вдоль Евфрата, или пальмовых балок, привезенных из Месопотамии, а крыша глинобитная.

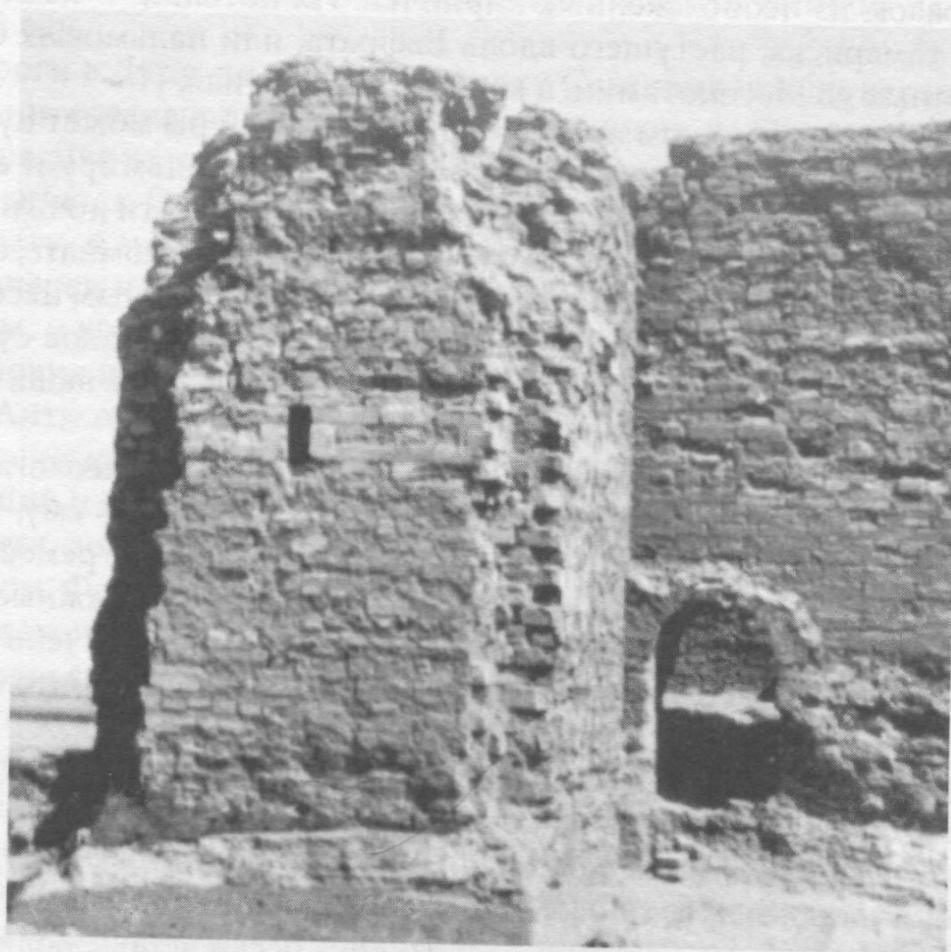
Сейчас, как и в далеком прошлом, посетитель Дуры может путешествовать по дороге через пустыню от Дамаска в Пальмиру и оттуда прямо к Евфрату. Он может, как это сделали мы, провести ночь в Дейр-эль-Зоре, в гостинице с кроватями по пять или шесть в комнате, без белья, с разнообразным и не очень приятным, но постоянным населением помимо людей. Если путешественник выдерживал такое суровое испытание, то достигал Дуры, как и мы; и в Дуре началась наша жизнь раскопщиков.

Когда кто-то из моих друзей говорит мне, что жизнь археолога очень интересна, привлекательна и заманчива, я могу ответить ему, что он сам может пожить этой жизнью месяца два или три. Наше ремесло или искусство, конечно, интересно, особенно когда находишь важные вещи. Но, в общем, работа грязная и пыльная; очень жаркая или очень холодная, в соответствии со временем года, и почти всегда изнурительная и голодная.

Что мы нашли в Дуре? На первый взгляд покажется — рай; перед нами крутой берег Евфрата, на котором мы стоим, перед нами — прекрасный ландшафт; на переднем плане река — широкая, мутная и быстрая, а на холмах его правого берега заросли тамариска, где еще водятся дикие кабаны. За рекой растянулись бесконечные поля и пустыни Ирака. На крутом берегу, на самом обрыве, высится цитадель Дуры — длинный укрепленный прямоугольник, обнесенный высокими стенами (см. рис. XXIV, 1). Вход вовнутрь обозначен при помощи двух монументальных ворот, защищенных по обе стороны двумя башнями,

1

2

Рис. XXIV. Дура. Цитадель:

1 — юго-восточная часть цитадели с двумя башнями и ворота.
На вершине скалы — руины крепости; 2 — северо-западные ворота

расположенными на двух длинных концах прямоугольника и обращенными в сторону города. Со стороны Евфрата соответствующая стена давно уже обвалилась в реку.

В этой цитадели мы и решили устроить наш лагерь, пока не построим более постоянное жилье. Арки полузасыпанных ворот мы превратили в столовую и гостиную; в одной башне с провалившейся крышей мы устроили склад для инструментов и древностей; в другой — нашу кухню. Все это звучит поэтично и комфортно, хотя и действительно недурно. Ночью — лучше, когда так ярко светят звезды в пустыне, когда веет свежестью от Евфрата, когда гудят на той стороне колеса оросительных водочерпалок, когда в воздухе над нами носятся летучие мыши и ночные ястребки, когда от времени и до времени тишину пререзает вой лисицы или шакала. Красиво и ранним утром, когда встает солнце и розовеет заря.

Но начинается день, и с ним — прозаическая действительность. Людям нужно есть и пить; в сухой и жаркой пустыне последнее особенно насущно. Сначала кажется, что вопрос о воде прост: до Евфрата близко, можно купаться и черпать из него воду. Однако с обрыва в Евфрат не прыгнешь — чтобы добраться до воды, необходима четырехмильная прогулка. Однажды даже вспомнили поговорку: «Близок локоть, да не укусишь», так как берег и тут крут и ненадежен и может обвалиться. Так можно погибнуть: Евфрат быстр и полон водоворотов, в нем безопасно не поплаваешь. Хочешь выкупаться, бери полотняное ведро, привязывай к нему веревку, бросай его в реку, тащи его обратно, чтобы умыться. И как бы тебя ни томила жажда, остерегайся употребления евфратской воды, но не потому, что она цвета жидкого кофе, а потому, что она полна всяких микробов, которые вызывают ужасную дизентерию. Значит, воду не только надо привезти, но и профильтровать, вскипятить и только тогда пить. Те же трудности поджидают, когда ты пытаешься утолить голод. Пустыня и заросли Евфрата полны дичи: куропатки двух или трех видов ходят как куры; голуби, газели, кролики, дикие кабаны — дичи много. Хотя это только игра в изобилие, потому что французы конфисковали у арабов-бедуинов ружья, а у нас на охоту нет времени. У арабов есть овцы и козы, и мясо можно приобрести у них, но оно практически несъедобно; молока мы не нашли, а вкус хлеба — вроде *chewing gum*, столь популярного на моей новой родине. Поэтому мы питались консервами.

Но это полбеда. Гораздо хуже было то, что трудно достать рабочих. Бедуин не привык работать; он слаб, недоедает и ленив. Деньги его не привлекают; он работает, чтобы заплатить налоги; он исчезнет, как только соберет необходимую сумму. Кроме того, он недоверчив, требует платы исключительно тяжелыми турецкими меджидиэ; каприз-

ничает по малейшему поводу, уходит и больше не появляется. Помимо этого — настоящий варвар: разобьет большую часть находок, из оставшихся пытается украсть как можно больше. Фактически в этом месте нет никого, на кого можно было бы положиться, так как даже европейцам в Сирии доверять нельзя и к тому же они наихудшего типа — воры и пьяницы. Во время нашего первого путешествия мы вынуждены были уволить нашего европейского повара и шофера и обратиться к вооруженным силам, чтобы избавиться от них, столь велики были неприятности, причиной которых они стали. Все это тем не менее теперь позабыто. И мы, и местное население лучше присмотрелись друг к другу, поэтому царит кажущийся порядок, хотя на деле все остается по-старому, и возможно, что это уже навечно. Пустыня тоже становится настоящим врагом археологов; она суха и гола; как только тронешь землю — поднимается и не садится облако пыли, так что раскопщик проводит свой день стоя в пыли, поглощая пыль, вдыхая пыль. Она проникает в поры кожи, и домой возвращаешься настоящим негром. Однако там нет комфортной ванны, ожидающей твоего возвращения. Песчаные бури еще больше осложняют жизнь, а начавшись утром, могут продолжаться три полных дня.

Тем не менее работа в Дуре интересная. За эти пять сезонов мы провели ценную работу и нашли множество интересных вещей. Их необходимо теперь описать; вначале я скажу несколько слов о характере работы и поэтому приведу один пример, показывающий, что она может быть даже захватывающей. Во время первого сезона мы вели раскопки вокруг главных ворот города. Это были тройные ворота, и под их сводами были двери, открывающие проход в башню, защищавшую ворота. Слева и справа от этого входа стены были покрыты сотнями надписей, оставленных солдатами гарнизона, купцами, таможенниками, носильщиками, т. е. всеми, кому таким образом удалось увековечить свои имена. Большинство надписей располагалось вблизи одной из дверей, где выстроились в ряд алтари, покрытые штукатуркой. На одном из них надпись была нацарапана, а не вырезана, и как-то раз я начал ее изучать; случайно я обратил внимание на выступавший с краю камень, покрытый толстым слоем штукатурки. Я был уверен, что под штукатуркой что-то скрыто, поэтому взял нож, перекрестился и стал ее отколупывать. К моему удовольствию, за штукатуркой спрятался небольшой красивый каменный алтарь, на котором была арамейская надпись. Это была наиболее ценная находка; я осмелел и начал отколупывать штукатурку, закрывавшую весь низ и пространство между алтарями. Когда я ее сколупнул, оказалось, что и там — миниатюрный алтарь с гравированными рисунками и надписями, — еще один ценнейший памятник для поздней военной истории Дуры.

Читатель может спросить, какова же картина, открывшаяся после раскопок Кюмона и Йельской экспедиции. Несомненно, конечно, что говорить об этом сейчас преждевременно, так как раскопки продолжаются. Но кое-какие факты установлены точно, и они вряд ли будут зависеть от результатов будущих работ, о них-то мы и скажем.

К сожалению, все еще невозможно установить точный план города. План Кюмона, сделанный при помощи воздушной фотографии, исправлен и обновлен моим учеником Хопкинсом, проводившим весь второй сезон работ в Дуре (см. с. 134, карту 5) и который и теперь ведет там раскопки. Хотя его основные линии точны, но он по-прежнему остается неточным в отношении деталей и нуждается в исправлениях. Однако нас здесь интересуют его основные линии. Они показывают нам Дуру III в. н. э., и мы находим, что в этот период город представлял собой наиболее любопытную комбинацию крепости и караванного города.

Мы по-прежнему не можем определить, было ли так всегда; слишком мало мы знаем об исторической топографии города. Возможно, что македонскую Дуру мы исследуем меньше и незначительнее, чем город, руины которого изучаем. Она могла занимать только небольшое пространство по обе стороны евфратского караванного пути под защитой одной или двух крепостей, занимавших то пространство, где теперь находятся цитадель и так называемый редут. Мы, как и прежде, не можем это доказать, хотя, если хватит средств, то путем систематических раскопок той части города, которая находилась между цитаделью и редутом, можно будет выяснить и этот вопрос. До сих пор, за исключением вспомогательной стены редута, мы не имеем следов построек селевкидского периода. Все раскопанные постройки относятся к римскому или парфянскому периодам.

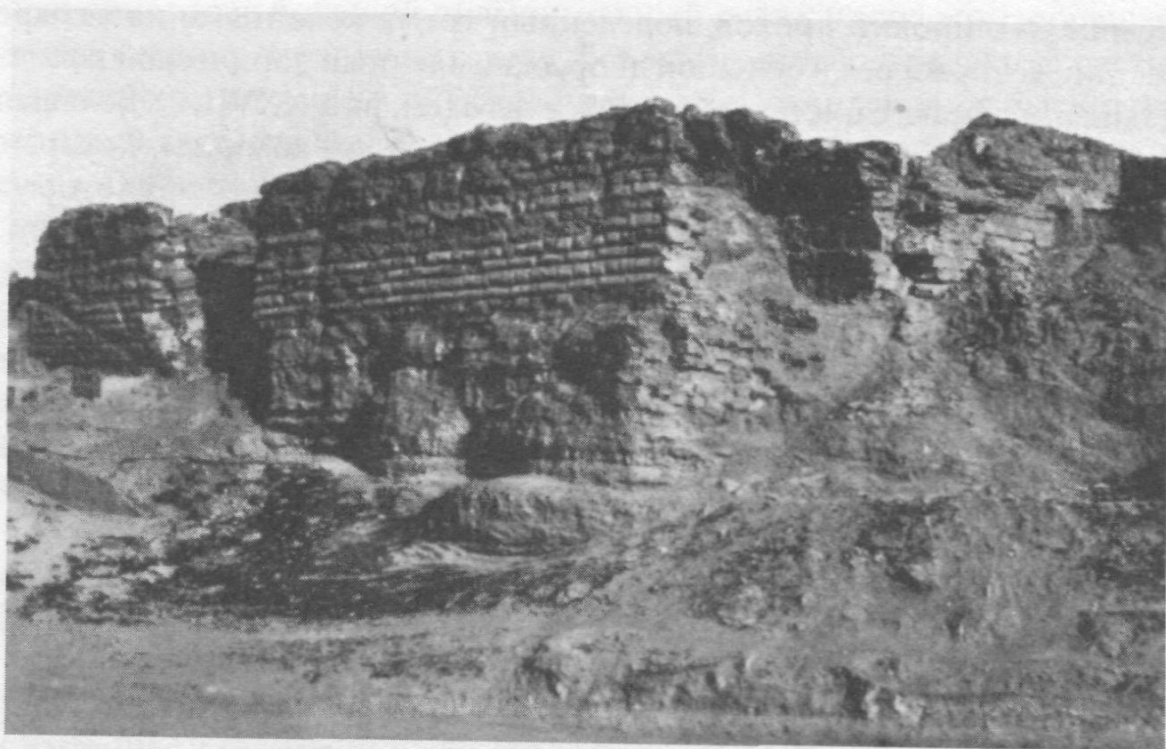
План Дуры, какой она была в римское и парфянское время, точно определен еще до нас. Город располагался на участке пустыни, ограниченном с северо-запада и юго-востока двумя оврагами, и спускался уступом к Евфрату. С трех сторон эта полоска земли была ограничена стенами, укрепленными башнями (см. рис. XXIV, 2), большинство из которых — прямоугольные в плане и двухэтажные. Стена, отделяющая город от плато пустыни, на юго-западе прямая, как стрела, выходит на овраги и проходит по краю обрывов двух оврагов. С четвертой, северо-восточной, стороны защитой Дуры является обрыв реки, который отделяет городское плато третьим оврагом, пересекающим город с юго-востока на северо-запад, где находится современная евфратская дорога из Дейр-эль-Зора к руинам Абу-Кемаля. Евфратский обрыв увенчан прямоугольной цитаделью, описанной выше, которая, конечно, была связана с городом и являлась частью городских стен. Как бы

то ни было, эта часть городской стены спускалась к Евфрату вместе с северной стеной цитадели. Так как овраг, находившийся под цитаделью (мы будем называть его цитадельный овраг) никогда не раскапывался, мы не знаем, как эта нижняя часть города между цитаделью и городским плато (которое может являться старейшей частью города) связана с верхним плато — основной территорией позднего города. Еще один глубокий овраг теперь идет от конца главной улицы верхнего города вниз, к цитадели, с юга на север, связывая верхнее плато с дном цитадельного оврага. Вероятно, этот овраг существовал еще в древности. Обычных улиц для людей, тяглового скота, повозок никогда не существовало. В древности с конца главной улицы вниз могла вести лестница. Два оврага внутри города придают юго-восточной части городского плато форму бастиона. Этот естественный бастион Кюмон назвал редутом. Стены эллинистического времени поддерживают ступенчатые склоны этого редута, а на его вершине стоит важное здание, о котором я буду говорить ниже. Я уже говорил о том, что стены редута — наиболее древние сохранившиеся памятники города (см. рис. XXV, 1).

Недавние раскопки позволили нам более или менее подробно проследить историю цитадели. Руины, расположенные на цитадельном холме, который мы обнаружили первым, относят к двум периодам, оба более ранние, чем римский. Возможно, что сильное землетрясение 160 г. н. э., о котором мы можем прочесть в посвяtitельной надписи, найденной в храме пальмирских богов, отбросило часть цитадели и ее фортификаций на север, в Евфрат, и с тех пор или по крайней мере со времен римской оккупации Дуры цитадель оставалась в полуразрушенном состоянии.

Как я уже говорил, оба комплекса руин — на вершине цитадели доримского времени. Старейший, от которого сохранились только фундаменты, может относиться к эллинистическому времени. Второй представлен руинами двух больших зданий, построенных из огромных блоков местного камня, который добывали в карьере, устроенном в овраге рядом с цитаделью; они не могут быть ранее позднеселевкидского или раннепарфянского периода, как на то указывают предметы, более всего монеты, найденные там. Интересно, что ранние здания ориентированы более или менее в соответствии с сохранившейся стеной цитадели, в то время как поздние ориентированы на юг и север, а их монументальные входы расположены фасадом в сторону пересекающего оврага и зданий редута.

Похоже, что одно из этих зданий — большой укрепленный дворец, фактически дворец-крепость. С юга в него входили через впечатляющий холл, разделенный пятиколонным портиком, поддерживавшим крышу.

1

2

Рис. XXV. Дюра. Редут:

1 — эллинистическая стена вокруг редута, которая превращает его в бастион;
2 — вход во дворец, расположенный на вершине редута. Две колонны на переднем плане относятся к пропилону. Справа и слева от основного входа расположены скамьи для охранников или ожидающих разрешения на въезд в город

За ним — широкий проход, поделенный тремя колоннами на четыре секции, который вел в большой двор, окаймленный дорической колоннадой и, я думаю, с цистерной в центре него (см. рис. XXVII, 2). Большая часть этой постройки теперь упала в Евфрат, но комнаты, которые фланкировали вход, и пять комнат на западной стороне, стены которых покрыты росписью, сохранились.

Большая часть стен соседних зданий тоже упала в реку, но часть сохранившаяся напоминает парфянские руины Хатры. Если первое здание — дворец-крепость, то второе, вероятно, большая башня, где располагался гарнизон дворца или храм огня. Круглый донжон в стенах поздней цитадели был построен, возможно, с намерением защитить большую цистерну или колодец, которые тоже относятся к этой группе руин.

Раскопки и изучение цитадели еще не завершены, но сейчас я думаю, что в раннеэллинистическое время на вершине жили и что обрыв вокруг нее не был укреплен. Возможно, что в раннепарфянское время крепость-дворец была построена на краю обрыва поверх эллинистических конструкций. Она по-другому ориентирована и укреплена башнями и донжоном, воздвигнутым поверх цистерны. Одновременно с дворцом или несколько позже была построена фортификация, образующая современную цитадель.

Тем не менее есть и другое возможное решение проблемы. Если, как полагают Кюмон и Ренар (Renard), стены города и цитадели были построены в эллинистическое время и если это произошло одновременно с основанием македонской колонии, то стены цитадели, часть которых образуют донжон над цистерной, должны были быть построены одновременно с раннеэллинистической постройкой, расположенной на вершине холма. Позже, в парфянское время, на месте этого здания и для того, чтобы укрепить цитадель, были построены дворец-крепость и башня.

История редута тоже весьма сложна. Я уже говорил о том, что хорошо сохранившиеся части его стен, расположенные на трех крутых обрывах плато, относятся, скорее всего, к раннеэллинистическому времени. Мы не знаем, что располагалось на прямоугольном пространстве в пределах этих стен, но в то время, когда был построен дворец-крепость на цитадельной скале, большой дворец вавилонско-парфянского типа был воздвигнут в пределах эллинистических стен редута (см. рис. XXV, 2). В этом дворце прямо перед входом располагались большой двор, монументальные ворота и большой внутренний двор со скамьями вокруг. В этот внутренний двор выходили два импровизированных ливана, или холла; перед каждым были установлены две колонны. К северной стене прямоугольного эллинистического здания

был пристроен большой прямоугольный холл с пронаосом, обращенным в сторону оврага и цитадели. Все эти здания пострадали от частых перестроек, но даже в римское время этот комплекс мог быть резиденцией важного лица — высокого местного или имперского чиновника. Однако это по-прежнему просто гипотетические предположения, так как наши работы над зданием не увенчались открытием нескольких надписей, скульптур или даже информативных граффити. Тем не менее его план так хорошо вписывается в то немногое, что мы знаем о жизни при «дворах» и во дворцах царей и губернаторов парфянской и сасанидской Персии (так как она, несомненно, следовала примеру персидских, ассирийских и вавилонских царей), что мы не можем слишком сильно ошибаться в наших предположениях. На Востоке с древних времен только «двор» дворца был открыт для народа, и этот «двор» всегда имел форму большого открытого пространства перед дворцом.

Здесь, сидя перед монументальным входом, царь или его представитель вершили суд и поддерживали закон и порядок. Так было в прошлом, так осталось и теперь, когда Блистательная Порта восстановила эту практику. Только наиболее привилегированные, ждавшие на протяжении многих часов в лабиринтах переходов, могли войти во внутренний двор и в ливан — приемную господина. Дальше могли проникнуть только слуги или отношения. Интересно, что единственное важное граффити, найденное в этом дворце редута, — надпись, которую повар нацарапал на стене своей кухни греческими буквами, но на латинском языке. В ней он увековечил количество окороков, которые собирался подать римскому обитателю этого дворца. В связи с этим интересно отметить, что в 1930–1931 гг. мы раскопали большой дом такого же типа, что и дворец на редуте. Эта постройка, которая, конечно, датируется парфянским временем, служила или резиденцией представителя дуранской знати, или была общественным зданием, располагавшимся недалеко от храма Артемиды и Атаргатис.

Кладка цитадели почти идентична кладке городских стен, и они, конечно, одинаково датируются. Оборонительные стены, укрепленные, по крайней мере двадцатью двумя башнями, производят сильное впечатление; мощны и суровы линии, которые они прочерчивают через пустыню по обе стороны от монументальных ворот, через которые входили в город. Затем они идут, повторяя очертания обрыва и возвышаясь над ним. В этом году мы обнаружили интересные маленькие ворота, расположенные в юго-западной стене, через которые на дно оврага вела тропинка.

Здесь не место говорить о фортификации. Однако как бы она ни датировалась, мы можем отметить, что в парфянское время она была

1

2

Рис. XXVI. Дура (см. описание в тексте):
1 — главные ворота; 2 — главные ворота и главная улица

прочна, крепка и впечатляюща. Вероятно, она сильно пострадала во время землетрясения 160 г. н. э., которое могло облегчить римлянам взятие города. В этот период или даже в парфянское время стены башен изнутри были укреплены кирпичными конструкциями, а позже, возможно во время персидских атак, стены, обращенные в сторону пустыни, изнутри были укреплены при помощи огромных гласисов из необожженного кирпича. Внутренний «контрфорс», расположенный с северо-восточной стороны, датируется, скорее всего, более ранним временем.

Эти горы кирпичей никогда не могли бы спасти город от захвата неприятелем, и даже теперь недалеко от юго-западной стены фортификаций земляной пандус высится прямо напротив городской стены, а его стороны слева и справа укреплены необожженным кирпичом. Возможно, что по этому пандусу туда, в закрытую крепость, проникли персидские воины Шапура, неся городу разорение и разрушение.

Еще несколько слов следует сказать о городских стенах и башнях, ставшими для меня и Кюмона настоящим археологическим Эльдорадо. Естественно, что в целях защиты воины размещали некоторые свои вещи, особенно оружие и одежду, в башнях. Когда после последней атаки, завершившейся захватом города осаждавшими, солдаты гарнизона Дуры оставили город или пали в бою, то вещи, брошенные или спрятанные ими в городских стенах остались. Вероятно, завоеватели не обратили особого внимания на это снаряжение. Они надеялись найти большую и лучшую добычу в храмах и общественных сооружениях города. Так случилось, что именно эти части амуниции и одежды сохранились там, где они были оставлены или брошены. Когда город опустел, нанесенный ветром песок скопился в башнях и по обе стороны стен. Вскоре этот слой стал таким толстым, что дождь не мог проникнуть внутрь. Поэтому почти все, что здесь находилось, было нами найдено в довольно хорошем состоянии; кое-что было поедено червями, но остальное сохранилось отлично.

Наиболее интересными находками около башен были документы, написанные на пергаменте и папирусе. Кюмон нашел девять пергамен-

Комментарий к рис. XXVI.

1. Главные ворота, вид из пустыни.

2. Главные ворота и главная улица Дуры. Слева — лестница, ведущая к позднему гласису. На левой стороне улицы находятся остатки колонн, которые составляли портик перед входом в термы, посвященные, как гласит надпись, «Фортуне терм». Справа — остатки небольшого храма, посвященного, возможно, «Фортуне Дуры».

1

2

Рис. XXVII. Дура (см. описание в тексте):

1 — главная улица в центре города; 2 — главный дворец крепости

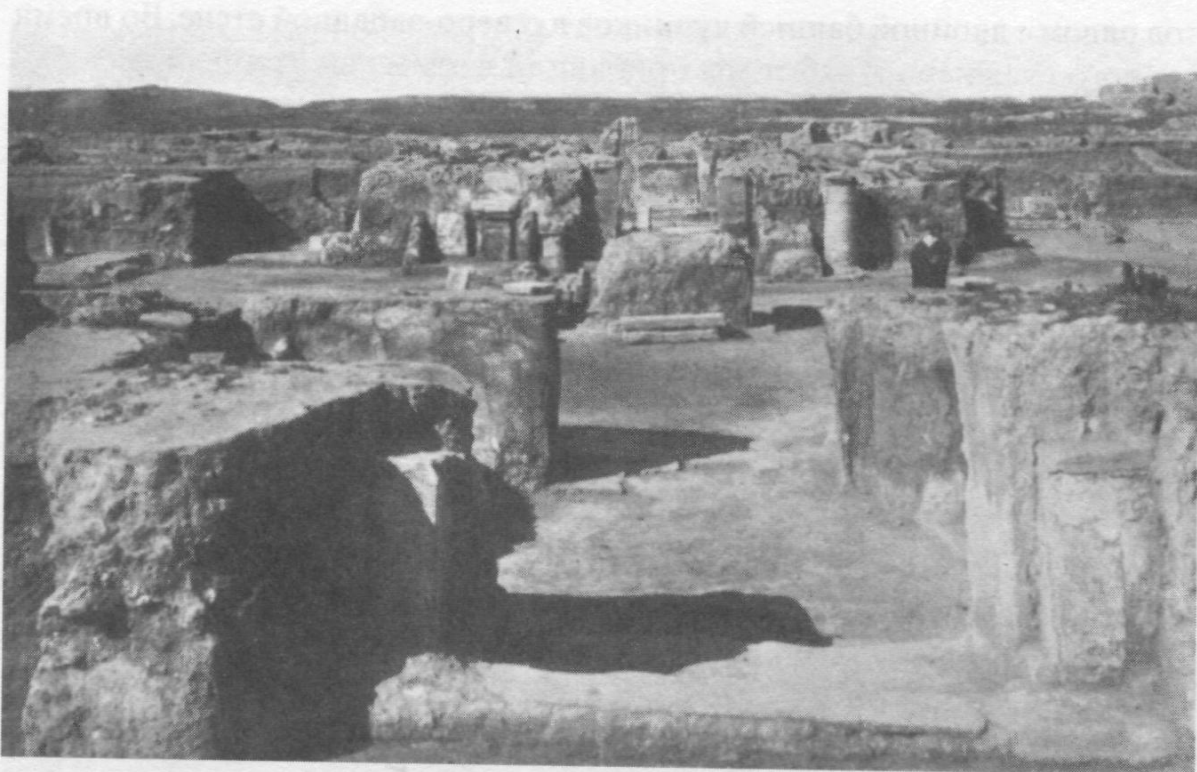
тов рядом с двойной башней лучников в северо-западной стене. Во время второго года наших работ мы прибавили к этим еще три пергамента и один папирус, найденные рядом с главными воротами (см. рис. XXVI). Мы знаем теперь, как такие документы оказывались в подобных местах. Во время нашего последнего сезона в 1931–1932 гг. в руинах храма, находящегося вблизи башни лучников, мы нашли комнату, в которой, вероятно, находилась регистрационная контора, подробнее о которой будет сказано далее. Эта комната была заполнена пергаменами и папирусами. Большая часть их полностью сгнила. Те, которые оказались погребенными под толстым слоем песка, имели лучшую сохранность и могут дать важные сведения о жизни в Дуре. Отсюда происходят документы, найденные вдоль стен юго-западной части города. Некоторые из них могли быть принесены отступающими солдатами или брошены ими во время бегства, некоторые могли быть оставлены в конторе, а затем сильный ветер пустыни сдул их. В любом случае пустынные пески сохранили эти бесценные остатки, которые теперь дают нам столь полные и важные данные о жизни Дуры в период шести веков ее существования.

Наряду с этими пергаменами и папирусами находки в башнях в основном состоят из деталей одежды, оружия и амуниции. Остатки тканей — большая редкость в древних руинах, за исключением Египта. Поэтому каждый новый лоскуток сирийской ткани восторженно воспринимается теми, кто изучает историю текстиля. Тем не менее следует отметить, что ткани Дуры невысокого качества: большая часть лоскутков — фрагменты верблюжьих торб и простых рубаш и плащей. По-прежнему разочаровывает оружие. В основном это бедные экземпляры, которые, очевидно, принадлежали не римским legionарам. Оно принадлежало или пальмирцам, у которых никогда не было ни железа, ни стали, ни дерева, или другим восточным наемникам Рима, или даже последним обитателям Дуры — персам. Фактически найдено немного металлических шлемов, мечей, копий, щитов или полных комплектов. Нет сомнений, что наиболее интересная находка — большая кольчуга, возможно, лошадиная, которая, по всей вероятности, принадлежала

Комментарий к рис. XXVII.

1. Главная улица в центре города. На переднем плане — основание триумфальной арки. Слева — пьедестал, на котором стояла статуя высокопоставленного римского чиновника в Сирии. Слева, по направлению к Евфрату — вход в дом архивов.

2. Центральный двор дворца-крепости в цитадели. Двор обнесен каменными колоннами. Стены построены из больших прямоугольных камней.

1

2

Рис. XXVIII. Дура (см. описание в тексте):
1 — руины храма Атаргатис; 2 — небольшой театр

персидскому клибанарию (см. ниже, с. 171, рис. с). Тем не менее у большинства солдат, чье оружие мы нашли в башнях, были кожаные или деревянные, обитые кожей щиты, луки кочевников со стрелами с деревянными наконечниками. Один из кожаных щитов особенно интересен, так как его владелец — солдат-наемник нарисовал на нем в цвете маршрут своего следования с Запада на Восток, т. е. с Балканского полуострова в Дуру. Таким образом, мы располагаем редким образцом очень древней карты.

Таковы основные черты фортификаций Дуры. Топография города внутри стен определяется отчасти стратегическими соображениями, но главным образом она продиктована теми двумя караванными дорогами, для охраны которых крепость и была построена. Одна — дорога вдоль Евфрата. В Дуре она, вероятно, была главной улицей нижнего города. Тем не менее мы не вполне уверены, входила ли эта дорога в город или шла мимо него, вдоль берега Евфрата под защитой цитадели. И местоположение редута, и открытие двух ворот города рядом с цитаделью, похоже, указывают на первое, что вполне вероятно. Точная трасса этой дороги неизвестна и останется неизвестной, так как из-за последних усовершенствований Евфратской дороги эта часть Дуры, с археологической точки зрения, была разрушена. Вторая большая караванная дорога, шедшая из Пальмиры и западной пустыни на соединение с дорогой, проходящей вдоль Евфрата, определяла топографию верхнего города (см. рис. XXVII, 1). Эта дорога входит в город через прямую стену города со стороны пустыни, через могучие тройные ворота (см. рис. XXVI), о которых еще пойдет речь. Вступив в город, она превращается в главную улицу, идущую с юго-запада на северо-восток через верхнее плато, прямо от ворот по направлению к цитадели, и делит верхний город на две неравные части. В нее впадает множество поперечных улиц, и весь верхний город имеет вид шахматной доски — типичный для городов эллинистического и римского времени. К сожалению, мы не имеем представления о планировке нижнего города.

Комментарий к рис. XXVIII.

1. Руины храма Атаргатис. На переднем плане — главный вход. В центре — храмовый двор с большим алтарем посередине. За алтарем — вход в театроподобное прямоугольное помещение с местами, расположенными по обе стороны, каждое из которых принадлежало какой-нибудь знатной горожанке. Напротив входа — алтари и колонны. За ступенчатым помещением — настоящее святилище с изображением божества.

2. Небольшой театр позади двора храма Артемиды-Нанайи. Возможно, место встречи «*boulé*» (местного совета) Дуры.

1

2

Рис. XXIX. Дура (см. описание в тексте):
1 — храм пальмирских богов; 2 — двор святилища

Хотя мы и знаем местоположение пяти главных храмов, нам неизвестно, как вокруг этих двух важнейших артерий города группировались его общественные здания. Два из них находятся в юго-западной части верхнего города. Один посвящен Артемиде-Нанайе, великой эламской и вавилонской богине, которой поклонялись и в Пальмире (см. рис. XXX, 1). Этот храм приобрел свой окончательный (римский) вид в парфянский период, если быть точным, в первой декаде I в. н. э. Ни Кюмон, первым раскопавший этот храм, ни я сам не можем определить точно, существовал ли на его месте другой, возможно эллинистический, храм, так как никаких определенных остатков этого храма в результате раскопок выявлено не было.

Рядом с храмом Артемиды-Нанайи наши раскопки 1929–1930 гг. открыли второй, несколько меньший храм, датирующийся тем же самым временем (см. рис. XXVIII, 1) и посвященный той знаменитой «Сирийской богине» (*dea Syria*), о которой так много говорят римские писатели эпохи Империи и храмы которой в Италии и римских провинциях соперничали с храмами египетской Изиды и анатолийской «Великой Матери». Звали ее Атаргатис, а ее божественным супругом был Хадад (см. рис. XXX, 2). Ее самым знаменитым храмом в Сирии было роскошное святилище в Гиерополисе-Бамбисе. Вероятно, Атаргатис и ее супругу были посвящены также храмы Баальбека; похоже, что в то же самое время в Пальмире и Дамаске были святилища, в которых им поклонялись.

Планы этих двух храмов Дуры чрезвычайно интересны, ими объясняются многие особенности христианской сирийской церковной архитектуры. Храм по своей сути был большим двором, обнесенным комнатами («ойкой», как называются они в надписях), в которых, несомненно, происходили различные церемонии, связанные с культом, как, например, священные трапезы и совокупления, т. е. сны, в которых бог являлся тем, кто этого заслуживал. Часть этих «ойкой» могли использовать для поклонения богам, считавшимся спутниками главного

Комментарий к рис. XXIX.

1. Общий вид храма пальмирских богов. На переднем плане — двор храма с алтарем в центре. Слева — большое троноподобное сиденье или алтарь. За центральным алтарем двора — главный вход в «*sancta sanctorum*», богато украшенный фресками (см. рис. XXXIII и XXXIV). Слева — башня фортификаций, построенная на фундаменте раннего святилища.

2. Двор соответствующего святилища в юго-западном углу фортификаций. На переднем плане — пять алтарей. На заднем плане — поздний гласис, который закрыл собой все остальное святилище.

божества. В центре главного двора находился большой алтарь, а иногда также цистерна, наполненная водой, однако святая святых — маленькое и скромное здание в глубине двора или у задней стены двора. Главной частью святая святых был небольшой храм (*naos*), где находилось культовое изображение божества. Таким образом, храмы Дуры относятся к обычному вавилонскому типу. Однако одна важная особенность относится не к Вавилонии, а тесно связана с некоторыми сирийскими культами. Перед святая святых находился небольшой холл со ступенями по обеим длинным сторонам, что-то наподобие небольшого театра. Места в этом театре являлись частной собственностью отдельных людей, так же как отдельные места на церковной скамье в современных католических или протестантских церквях. В этих двух храмах надписи на этих ступенях указывают на то, что владелицами этих мест являлись женщины; очевидно, в этих храмах, посвященных великим сирийским и вавилонским богиням, мужчинам не разрешалось проходить за пределы двора (см. рис. XXXII, 2).

В этих двух храмах мы обнаружили несколько посвящений, алтарей, рельефов и статуй. Эти источники открыли нам многие подробности

1

2

Рис. XXX. Дурра. Боги (см. описание в тексте):

1 — фрагмент штукатурной статуи Артемиды (Лувр, Париж); 2 — Атаргатис и Хадад. Барельеф (Музей искусств Йельского университета)

истории этих двух храмов и имена всех, кто делал пожертвования. Интересно, что большинство надписей — на греческом языке, хотя некоторые написаны на семитских языках; одна, например, на древнесирийском. Одной из особенностей храмов является то, что они богато расписаны, как храм, посвященный пальмирским богам, подробнее о котором мы расскажем позже. В этом отношении они являются предшественниками ранних христианских храмов. К сожалению, сохранилась только небольшая часть этой росписи; на одном фрагменте из храма Атаргатис сохранилась только подпись художника, и, таким образом, его имя обрело бессмертие, хотя его работа погибла; таковы капризы судьбы. Наш третий отчет посвящен этим памятникам, и читатель может обратиться к нему за более подробными сведениями по данному вопросу.

Говоря о храме Артемиды-Нанайи, я хотел бы отметить, что в римское время он был центром не только религиозной, но и политической жизни. Известно, что примерно в это же время, в римский период, храм, по размерам прежде такой же, как и соседний храм Атаргатис, был увеличен, а его местоположение изменено. К его двору был прирезан целый квартал частных домов, а небольшой «женский театр» был разрушен. На его месте в задней части двора был построен другой, более вместительный, театр (см. рис. XXVIII, 2). Назначение этого театра вызывает споры. Во всяком случае, очевидно одно: он был местом встреч не женщин, а мужчин. На его дверном косяке был нацарапан список имен; все имена мужские, представителей лучших семей Дуры. Более того, на одном из сидений нацарапано имя человека, который именует себя сенатором (*bouleutes*) Дуры. Все эти факты позволяют мне думать, что в римский период двор храма Артемиды-Нанайи стал в каком-то смысле подменять собой площадь для народных собраний, агору. В этом меня убедили некоторые надписи общественного характера — посвящения сената и народа и «главы колонии» (главы тех, кто был гражда-

Комментарий к рис. XXX.

1. Фрагмент штукатурной статуи Артемиды (греко-парфянский стиль).
2. Атаргатис и Хадад. Барельеф, найденный в руинах храма Атаргатис. Божественная пара показана сидящей на стульях в небольшом святилище, колонны которого украшены головами священных животных Хадада — быков. Хадад изображен в богато расшитом платье с тиарой или колпаком на голове и молнией в правой руке. Атаргатис, изображенная крупнее, чем Хадад, сидит между львами — священными животными. В правой руке она держит цветы (?). На переднем плане, между двумя божествами — штандарт, который мог принадлежать богам, или римский военный штандарт.

нином римской «колонии» Европос), найденные во дворе храма. Являлся ли и храм в это время религиозным центром, мы не знаем.

Заманчиво было бы предположить, что эти изменения были связаны с появлением в Дуре римлян. Раскопки прошлого года показали, что большая часть северо-западной половины города в римское время была превращена в обычный римский военный лагерь с преторием, храмом, посвященным культу императора, «Марсовым полем» для военной подготовки, банями, казармами для солдат, домами для офицеров и т. д. Дальнейшие раскопки дадут об этом больше сведений. Поскольку скорее всего в этой части города изначально находилась «агора» — политический центр города в парфянское время, то естественно предположить, что во времена императоров, при которых произошла милитаризация города Дура (я имею в виду Септимия Севера, Каракаллу и Александра Севера), у жителей Дуры, ставшей теперь римской колонией, отняли их агору, превратив увеличенный и перестроенный храм Артемиды-Нанайи в штаб-квартиру колонии.

В любом случае, как мне кажется после раскопок прошлого года, милитаризация и сильная романизация северо-западных кварталов города — факты установленные. Милитаризация полностью изменила облик этой части города — этот факт тоже установлен в ходе наших прошлогодних раскопок. Одним из наиболее интересных результатов раскопок было обнаружение третьего женского храма, построенного в

1

2

Рис. XXXI. Дура. Боги (см. описание в тексте):

1 — парфянский бог (?). Фрагмент барельефа (Лувр, Париж); 2 — Немезида. Барельеф (Музей искусств Йельского университета)

то же самое время, что и храмы Артемиды-Нанайи и Атаргатис, для жителей северо-западной части города. Он обнаружен в прекрасной сохранности и посвящен богине, чье греческое имя было Артемида, но кого семиты Дуры звали Аззанатконой. Ее культовые изображения почти такие же, как Атаргатис. Это обычный сиро-вавилонский храм с двумя наосами и театроподобным зданием, принадлежавшим женщинам — представительницам гражданской знати. Этот храм никогда не разрушали и не перестраивали, как это было с храмом Артемиды-Нанайи, но в римское время он уже не был женским храмом, так как здесь не обнаружено надписей позднее 117 г. н. э. Если в римское время это был по-прежнему храм, то он, конечно, уже не принадлежал женщинам, жившим в северо-западной части города. Он стал домом для мужчин — римских солдат, имевших в большинстве своем сирийское происхождение, которые, конечно, продолжали часто посещать храм и приносить жертвоприношения его великой богине.

Однако настоящим храмом солдат был четвертый, хорошо сохранившийся храм Дуры — храм триады сиро-вавилонских богов-воителей (см. рис. XXIX, 1). Он располагался в северо-западном углу фортификаций. Городская стена была построена так тщательно, что нет сомнений в том, что строители стены при ее сооружении считались с существованием храма, ни разрушить который, ни оставить вне укрепления они не хотели и, вероятно, не могли. Разрушение святилища было нежелательно, а оставить его незащищенным вне фортификаций — невозможно. Если городская стена, как думает Кюмон, была построена в раннеселевкидское время, то храм относится к еще более раннему периоду, возможно, персидскому или ассирийскому. Если, как я склонен думать, стена позднего происхождения, то храм мог возникнуть и много позже, т. е. в эллинистический или даже в парфянский период, в таком случае он мог быть выстроен той частью местного населения, которая либо жила в Дуре прежде, либо поселилась здесь после осно-

Комментарий к рис. XXXI.

1. Парфянский бог (?). Фрагмент барельефа. Бог изображен одетым в парфянское платье, вооружен мечом и копьем.

2. Немезида. Барельеф, найденный у главных ворот Дуры. Изображен человек, возжигающий благовония на алтаре перед Немезидой с ее символами — грифоном и колесом. В Греции Немезида была богиней справедливости и мести. Между человеком и богиней изображен бюст великого солнечного божества, которое видит все и знает все. Посвящение (на греческом и пальмирском языках) утверждает, что посвяtitель был одним из крупных купцов Пальмиры — Юлием Аврелием Малохом. Датируется 228 г. н. э.

1

2

Рис. XXXII. Дура. Боги:
1 — бог Афлад. Стела; 2 — храм Артемиды-Аззанатконы

вания македонской колонии. В римское время храм был посвящен богам Пальмиры, той пальмирской триаде, в состав которой входили Бел или Баал Шамин, и два его спутника — Яхрибол и Агрибол. Был ли храм с самого времени своего основания посвящен этой триаде или прежде был посвящен только могущественному Белу, — это факт, по-прежнему нуждающийся в уточнении.

Этот храм пальмирских богов — настоящее сокровище как для Кюмона, так и для меня. Позже я буду говорить об обнаруженных в нем фресках, которые теперь все перемещены в Дамасский музей, за исключением двух рисунков, отправленных в Йель. Здесь я могу отметить, что Кюмон и я нашли множество алтарей с надписями и сотни граффити.

Его план очень необычен. Его наиболее ранняя целла когда-то была превращена в фундамент одной из башен, укреплявших городскую стену. Тем не менее всемогущему богу в образе фетиша, стоявшего в более поздней святой святыни, украшенной фресками, которые были обнаружены Мэрфи и изучены Брестедом и Кюмоном, поклонялись не в этой башне. Эта двойная целла была построена бок о бок с башней, расположенной в северной стене на западной части его территории.

Комментарий к рис. XXXII.

1. Стела, изображающая во фронт бога Афлада, стоящего на спинах двух крылатых львов, на шее каждого из них — колокольчик. На голове — колпак, на шее — ожерелье. Высокие сапоги, эллинистический панцирь, а под панцирем — хитон и штаны. Центр панциря украшен звездой, вокруг которой — кресты. Афлад опирается на особый скипетр и держит в руке молнию. Надпись утверждает, что бог этот — «бог по имени Афлад деревни Анат на Евфрате» (современная Анах). Жрец совершает жертвоприношение — курит ладан богу в *thymiaterium*. Стела обнаружена в святилище храма в юго-западном углу фортификаций. Надпись, найденная рядом со святилищем, говорит о религиозном объединении, членом которого был посвяtitель, и датируется 51 г. н. э.

2. Одна сторона театроподобного помещения в храме Артемиды, недавно обнаруженном в Дуре. Рядом с входом в это *sale aux grandis* (третий, обнаруженный в Дуре, два других принадлежали храмам Хадада и Атаргатис) стояла *in situ* стела. На этой стеле изображена Артемида, сидящая в кресле между двумя львами в небольшом святилище с голубем на фронтоне. На ней восточный головной убор (вид парфянской шапки, или, точнее, башлык), она увенчана короной жрицы. Перед стелой — алтарь и *thymiaterium*. На каждом месте в помещении — имя его владельца; все владельцы — женщины, представительницы наиболее известных в Дуре семей. Даты в надписи охватывают весь I в. н. э.; последняя относится к 102 г. н. э.

Тем не менее возможно, что с пристройкой этой новой целлы, до тех пор, пока храм не был до основания перестроен (в начале I века н. э.), более раннюю целлу, ставшую теперь одной из башен городской стены, использовать не перестали. Возможно, что использовались обе целлы; каждая имела своего бога или богов.

Перед обеими целлами находился двор, украшенный колоннами, с алтарем, расположенным в центре, и открытыми комнатами вокруг него. Интересный алтарь или *naïscos* божества стоял близ входа, ведущего в одну из этих комнат, ближайшую к целле. Возможно, что божество этого алтаря или святилища было представлено изображением существа, нарисованного на стене за алтарем или святилищем. Не удивительно, что помещений, похожих по форме на театр, обнаружено не было. Это был храм для мужчин, и весьма вероятно, что священные театры были связаны с культом богини так же, как и с культом богов.

Что касается значения этого храма в римское время, то я могу отметить два интересных факта. Я уже упоминал о большой работе, сделанной по укреплению стен города в позднеимперский период. Был построен гласис из необожженных кирпичей, и этот гласис грубейшим образом разрушил все здания, прилегавшие к городской стене или к городским башням. Единственным исключением был храм пальмирским богам, которому во время этих фортификационных работ не было причинено никакого ущерба. Скорее всего, святилище играло важную роль в жизни властителей Дуры этого периода — римлян. Я уверен, что этот храм богам-воителям, богам, которые помогали солдатам сражаться и погибать за свою страну, богам, которые одновременно являлись также их собственными богами, имели сирийское происхождение, как и сами солдаты римской сирийской армии во II и III веках н. э., был храмом римского гарнизона. Эта точка зрения подтверждается еще одним фактом, на который я хочу указать. Храм пальмирских богов знаменит своими фресками. Его живописное убранство не было разрушено или повреждено строителями гласиса. После того, как Дура была покинута, в этом углу города скопилось большое количество песка и сберегло фрески от разрушения дождем, солнцем и ветром. Эти росписи изображают сцены жертвоприношений прихожан храма, которые были жертвователями настенной росписи богам храма. Мы располагаем их набором как парфянского, так и римского времени. Тогда, в парфянский период, жертвователи, изображенные за жертвоприношением, — гражданские люди. Мы видим магистратов и старейшин города, чиновников парфянского государства, возможно, жрецов. С приходом Рима гражданские лица исчезли. Наиболее сохранившаяся фреска, находящаяся

теперь в Музее искусств Йеля, изображает жертвоприношение, которое совершают новые покровители святилища: командир гарнизона Юлий Теренций, трибун, восемь его офицеров и толпа солдат (см. рис. XXXIV).

Я уже давно пришел к выводу, что храм, расположенный в северо-западном углу фортификаций, должен быть уравновешен соответствующим храмом в юго-западном углу, а наши раскопки в 1930–1931 и 1931–1932 гг. подтвердили правоту моих предположений (см. рис. XXIX, 2). Во время последнего периода расцвета Дуры этот второй храм был погребен под горой кирпичей, образующих гласис, о котором я уже говорил. Похоже, что храм был очень сложной и претенциозной постройкой. По крайней мере, одна его часть была двухэтажной, а стены обеих были расписаны. Мы нашли многочисленные фрагменты таких росписей на двух уровнях: нижнем и верхнем этажах. Подобно храму в северо-западной части, наш храм был построен около башни городской стены. Потребовалось бы слишком много места, чтобы подробно описать его архитектуру. Это описание можно найти в нашем пятом отчете. С нашей точки зрения, более важен вопрос о том, кому храм был посвящен.

Во время последнего сезона раскопок профессор Хопкинс обнаружил на территории храма небольшую интересную постройку; часовня ((*oikos*, в соответствии с терминологией Дуры) с небольшой святыней (*shrine*) в задней стене (*naos*). В этой святыне стояло культовое изображение божества, перед которым на небольшом алтаре жгли благоговения. Это культовое изображение и посвятельная надпись были найдены в капсуле; возможно, она была спрятана верующими, когда святилище пало жертвой осады города. Божество, которому было посвящено святилище, именовалось Афладом или Апаладом и в надписи оно было представлено как божество деревни Анат (современная Анах к югу от Дуры) на Евфрате. Те, кто являлся жертвователем святыни, были членами религиозного объединения. Святыня была построена в 52 г. н. э. Фигура божества очень величественная; это — бог-воитель, у него эллинистическое оружие, хотя одет он в восточное платье персидского или, скорее всего, семитского происхождения. Он стоит на двух крылатых львах. На шее у него — *torc*, украшение религиозного характера, типично иранское, на его бородатой голове — тиара. Нагрудник его доспехов украшен символами солнца и крестами, олицетворяющими звезды. Он опирается на интересный, единственный в своем роде скипетр. Перед ним — жрец, возжигающий благоговения (см. рис. XXXII, 1).

Статую сложно прокомментировать, так как любой сразу сталкивается с особенностями культовой скульптуры. Бог, подобно Хададу

и сиро-вавилонским богам-воителям Пальмиры и Дуры, относится к большой семье семитских Баалов, являвшихся владыками вселенной, богами неба и солнца, всемогущими правителями вселенной и страстными борцами со злом. В этом Афлад не отличается от своих сородичей семитского мира. Однако его священным животным является не бык, как у Хадада, а крылатый лев — фантастическое животное, типичное для иранского мира, хотя и перешедшее к иранцам от вавилонян и ассирийцев. Все факты свидетельствуют о том, что перед нами иранская версия великого семитского божества.

Любопытная, грубая и примитивная фреска, нарисованная на стене рядом с наосом, изображает культовую сцену, которая, конечно, относится к Афладу; жрец совершает жертвоприношение орлу, стоящему над рогами алтаря и увенчанному летящей Викторией. Рядом — человек, для которого это жертвоприношение совершается, — парфянский чиновник. Хорошо известно, что орел — символ великого солнечного божества Сирии. Эта фреска напоминает алтарь, обнаруженный в верхних слоях гласиса в 1929–1930 гг. На этом алтаре, который описан профессором Хопкинсом в нашем третьем отчете, мы вновь видим парфянского чиновника, совершающего жертвоприношение, на этот раз перед божеством, сражающимся со львом, — еще один мотив, позаимствованный персами у вавилонян и ассирийцев.

Подведем итоги. Похоже, насколько позволяют нам сейчас наши сведения (публикация святилища профессором Хопкинсом в пятом отчете может дать некоторые новые материалы, которые могут противоречить этой теории), что святилище или святилища северо-западного угла были посвящены богам, которым, наряду с другими, поклонялись проживавшие в городе парфянские солдаты и чиновники. Поэтому не удивительно, что в римский период святилище пришло в упадок, было заброшено и в конце концов погребено под кирпичами гласиса. Римские солдаты не имели ничего общего с богами своих врагов. Они предпочитали богов своих клиентов и друзей — пальмирцев. Святилища в двух частях города являются настоящими символами дуалистического характера жизни Дуры; в юго-западной части — боги парфянских солдат (см. рис. XXXI, 1), а в северо-западной — боги пальмирских караванщиков, которым в последний период дуранской жизни поклонялись преемники парфянского гарнизона — солдаты римско-сирийской армии.

В качестве заключения к этому короткому обзору городских храмов я хочу добавить, что в Дуре, как и в Пальмире, мы обнаружили серию храмов, посвященных чужеземным, а не местным богам. Я уже упоминал об Атаргатис, Нанайе, Беле и его спутниках, Афладе, Артемиде-Аззанатконе, а позже скажу несколько слов о Тихе Дуры и о небольшом

военном святилище, расположенном у ворот цитадели. До сих пор мы не нашли ни единого греческого храма и не имеем ни малейшего представления о том, где поклонялись греческие и македонские жители Дурь в раннее время; о более позднем времени мы можем только догадываться. Мы должны предположить, что они, вероятно, в качестве места своего поклонения использовали храмы, которые мы уже раскопали, хотя они и принадлежали восточным богам.

В русском тексте этой книги я завершил этот параграф замечанием о том, что в Дуре не обнаружено ни малейших следов ни еврейской религии, ни христианства. Этот факт меня очень сильно удивлял, потому что можно было ожидать, что мы наткнемся на христианские древности в III в. н. э. в большинстве городов Востока и особенно в Дуре, которая находилась так близка от Эдессы — одного из крупных центров раннего христианства.

Таким было мое мнение несколько месяцев назад, и так оно и появилось бы в печати, если бы не наши наиболее сенсационные находки сезона 1931–1932 гг. Они еще раз показывают, каким осторожным надо быть, строя свои выводы на отрицательных фактах, и как важно не покидать места археологических раскопок до тех пор, пока оно полностью не раскопано.

Я не могу останавливаться на этих находках очень подробно, так как это привилегия руководителя нашей экспедиции профессора Хопкинса — описать свое открытие. Тем не менее несколько слов сказать следует. Копая с некоторой неохотой в хаосе стен между главными воротами и первой башней к югу от нее, стены, относившиеся к зданию, разрушенному вышеназванным гласисом, профессор Хопкинс нашел две двери, ведущие в большую комнату здания. Велико было его изумление, когда он обнаружил, что стены этой комнаты покрыты росписью и что роспись иллюстрирует известные эпизоды из Ветхого и Нового Заветов, что центром всей живописной композиции была апсида или наос на задней стене, с изображением Доброго Пастыря. Сомнений быть не могло. Комната служила христианской церковью во времена, предшествовавшие строительству стены-гласиса. Так как мы точно знаем, когда был построен гласис (между 232 и 256 гг.), мы можем датировать церковь и ее росписи более или менее точно; верхняя дата — десятилетие до 250 г., но ранняя датировка более вероятна.

Самая поразительная фреска церкви изображает Воскресение или, скорее, жен-мироносиц, трех Марий, принесших поздней ночью мирру на могилу Господа нашего. Рисунок представляет собой не только большой интерес с точки зрения сюжета, но и является образцом патетического и впечатляющего искусства, переданного прекрасной цветовой гаммой.

Обнаружение христианской церкви со стенной росписью, которая датируется, по крайней мере, первой половиной III в. н. э., несомненно, крупная находка. Она затрагивает многие вопросы истории Нового Завета, вопрос о влиянии сирийских и египетских школ на раннехристианское искусство и о происхождении этого искусства — независимо от того, было ли оно погребальным, или нет. Давайте тем не менее оставим обсуждение всех этих проблем исследователю, обнаружившему их, и вернемся к Дуре.

В то время как мы располагаем многочисленными сведениями о ее религиозных постройках, наши знания о ее общественных зданиях, за исключением частных домов, очень скудны. В каждом греческом городе имелась площадь, агора, бывшая центром его общественной жизни. Та же агора в большинстве греческих городов являлась главным рынком, и храмы почти всегда были обращены в ее сторону. В Дуре такой рынок не обнаружен. Мы находимся в абсолютном неведении, где располагалась агора селевкидского города, и была ли агора парфянского времени идентична агоре селевкидской эпохи. На с. 158 я предполагал, что неудача наших предпринятых в ходе раскопок попыток найти агору может быть объяснена гипотезой, что, когда римляне превратили северо-западную часть города в свой военный лагерь, они включили в него и агору. Только дальнейшие раскопки позволят нам судить о том, верны были мои предположения или нет.

Снаружи частные дома были одинаковы. Некоторые были больше и богаче, чем другие, но все они принадлежали к одному типу, который по-прежнему существует в сегодняшней Месопотамии, — вавилонских домов, датирующихся временем Ура халдеев, со структурой которых нас ознакомил господин Вулли (Woolley). Длинный коридор вел с улицы, поворачивал под прямым углом к центральному (часто открытому) двору дома; одна, две или три большие гостевые залы и кабинеты окружали этот двор, там же находилась лестница, которая вела на верхний этаж, где располагались спальни и гостиные комнаты женщин. В городе не было акведука, воду приносили в огромных глиняных сосудах. Никаких туалетов или ванн комнат в домах обнаружено не было.

Насколько основной тип дуранских домов, вавилонское происхождение которых очевидно, совпадал с македонскими или греческими домами, мы не знаем. Интересной особенностью этих домов является их богатое внутреннее убранство, так как приемные комнаты лучших образцов оформлены наверху штукатурными карнизами, богато украшенными греческими вакхическими орнаментами с некоторой примесью парфянских элементов. Такие карнизы, в соответствии с надписью,

которую часто обнаруживают, изготовлялись иранцем Ортонобазом. Стенная роспись использовалась широко, однако ее система была не греческой. Очень часто встречаются образцы, имитирующие стену, покрытую квадратными плитками, раскрашенными красным и черным. В одной комнате большого и богатого дома парфянского периода мы нашли расписные плитки или кирпичи, которые, несомненно, первоначально покрывали всю стену. На этих кирпичах — различные рисунки: человеческие головы, животные, фрукты, цветы. Профессор Баур (Baur) сделал очень интересное предположение, что некоторые фигуры представляют знаки зодиака. Нет сомнений, что общее впечатление посетителя от такой стены, покрытой расписной плиткой, это — богатый ковер. Нет необходимости говорить, что этот тип стенных росписей можно проследить со времен Вавилона и Ассирии.

Таковы очертания города, его план интересен и оригинален, так как нигде более нет подобного сочетания города-крепости с караванным городом. Общий план был создан парфянами, так как мы уже доказали, что все здания, производящие наиболее сильное впечатление, были воздвигнуты в период их правления, и вполне вероятно, что фортификация изначально была спланирована ими в том виде, в котором она дошла до нас. В то время как юго-западная часть, за исключением некоторых ремонтов и перестроек, осталась почти нетронутой, северо-западная часть была перестроена основательно. Как я уже прежде говорил, эта часть города или половина его была превращена в обычный римский военный лагерь. Я вернусь к этой теме несколько позже.

Однако что мы знаем о культуре Дуры, за исключением парфянских построек, относящихся ко времени ее наивысшего расцвета? Каким мы располагаем материалом для того, чтобы восстановить жизнь тех дней? Несомненно, что первые и наиболее важные данные — фрески I в. н. э., обнаруженные в храме пальмирских богов капитаном Мэрфи и Кюмоном. Наиболее важной из них является одна (I в. н. э.), которая изображает Конона, знатного дуранца, его жену Битнанаю и их детей, совершающих жертвоприношение в храме, чьим щедрым покровителем все они были. Жертвоприношение проводил величественно выглядевший жрец, одетый в длинную коническую шляпу, напоминающую шляпы персидских магов или современных дервишей. Подобные же фресковые портреты увековечивали память о других, более поздних жертвователях храма. Характерно, что один из них — евнух с иранским именем, а другой — член совета Дуры с семитским именем (см. рис. XXXIII).

Не менее интересны и значительны предметы, найденные не только в женских храмах Артемиды-Нанайи, Атаргатис и Артемиды-Аззанатконы и в мужских храмах в обеих частях города, но и в частных

1

2

Рис. XXXIII. Дура. Аристократия Дуры в парфянский период:
 1 — Конон и два жреца, совершающие жертвоприношение. Фреска (Дамасский музей);
 2 — жертвоприношение. Фреска

домах; некоторые из них датируются парфянским временем. Здесь наиболее важный материал представлен скромными, часто примитивными рисунками, нацарапанными на стенной штукатурке комнаты и изображающими богов и богинь, различные городские постройки (особенно стены), диких и домашних животных и, что интереснее всего, людей, живших в городе в римское время, и тех, кто был его врагом, особенно парфянских всадников и пеших воинов. Один из них — точный портрет парфянского или сасанидского *clibanarius*, рыцаря, одетого в доспехи с головы до ног, с тяжелым копьем в руках и верхом на лошади, защищенной кольчугой (см. рис. с). Исследователи часто обращаются к этим иранским рыцарям, сравнивая их со статуями, так неподвижно они сидят, но до тех пор, пока не стали известны эти рисунки, ни одного изображения этих ранних предшественников средневековых рыцарей у нас не было. Теперь мы точно знаем, как выглядели они и их римские противники — катафрактары. Мы можем сравнить их с их ближайшими сородичами — одетыми в кольчугу сарматскими или греко-сарматскими всадниками, изображенными на колонне Траяна и на стенах некоторых расписных гробниц греко-сарматского Пантикапея. Не менее интересны многочисленные изображения конных лучников, которые мы видим на стенах дуранских домов (см. рис. b). Это — парфянские лучники, которых боялись даже римляне, те самые воины, которые забросали армии Красса дождем стрел. Рядом с ними на тех же стенах появляется много важных фигур: парфянские цари, крупные феодальные бароны парфянского царства и правители Дуры (см. рис. а).

Эти парфяне вновь появляются в очень интересном пергаментном документе, недавно опубликованном мной и моим учеником профессором Уэллсом (B. C. Welles). Это — договор о займе между Фраатом, знатным парфянином, феодальным помещиком деревни Палига, расположенной вблизи Дуры, и арабом по имени Барлаас, человеком низкого происхождения. Вместо процентов по займу Барлаас согласился расплачиваться своими собственными услугами, жить с Фраатом и выполнять все, что он прикажет. Договор датируется именем пар-

Комментарий к рис. XXXIII.

1. Конон и два жреца совершают жертвоприношение. Часть фрески, найденной в храме пальмирских богов. Две другие фрески показывают семитскую жену Конона — Битнанаю и их семью.

2. Ябсимс и его сын (семиты) — члены местного совета Дуры, а От и его сын Горсак (парфянские имена) совершают жертвоприношение пяти великим пальмирским богам. Остальные фигуры фресок изображают богов.

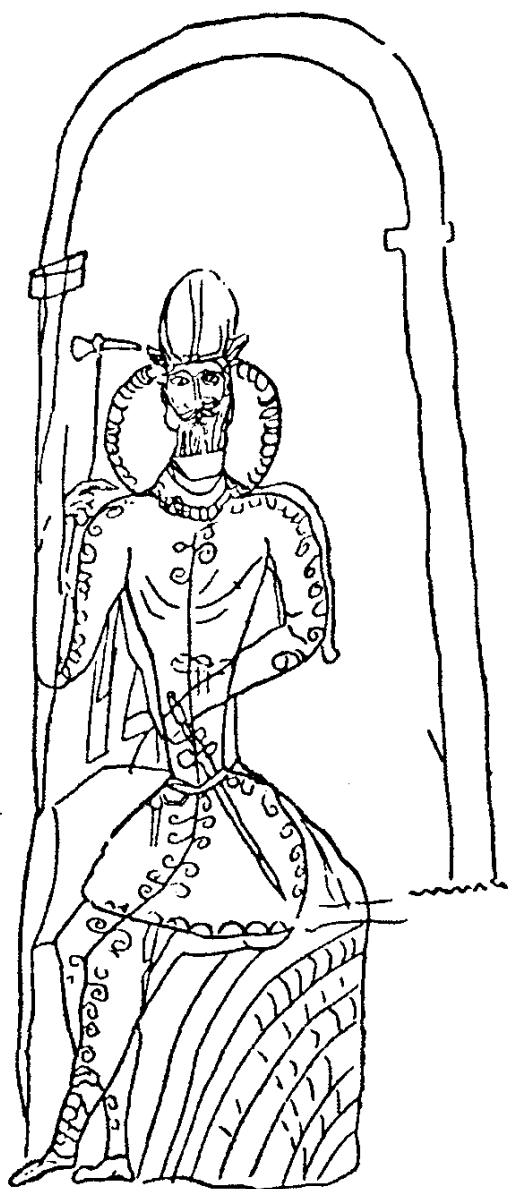

Рис. а. Обожествленный
парфянский царь.
Граффити
(воспроизводится по: Cumont.
Fouilles de Doura Europos.
Pl. XCIX, fig. 2)

фянского царя и двумя эрами — парфянской и селевкидской, 121 г. н. э., т. е. временем после большого похода Траяна и возвращением Месопотамии парфянам Адрианом. Это, между прочим, доказывает, что Дюра после захвата ее Траяном была затем возвращена Адрианом парфянам вместе со всеми другими территориями Месопотамии. Документ рисует интересную картину позднепарфянской жизни и проливает свет на ее феодальные черты, ее греко-парфянскую иерархию и ее особые социальные и экономические обычаи.

Эти последние открытия дают нам такое представление об особой, разнообразной и сложной жизни этой парфянской крепости, что мы очень живо себе представляем ее — с гарнизоном, расквартировавшимся на цитадельном холме, и его командиром, проживавшим в крепости-дворце (настоящее гнездо орла), расположенном между Евфратом и караванной дорогой. Возможно, что напротив, в большом и удобном дворце на вершине редута, жили гражданский правитель и штат его служащих. К нему приходили сотни просителей, и он должен был выслушивать их просьбы, сидя в большом дворе напротив ворот своей резиденции. В мирное время парфянские губернаторы проводили свой досуг примерно так же, как это делают их современные французские преемники:

праздно во дворце или объезжали в сопровождении быстрых собак на чистокровных скакунах пустыню в поисках львов, кабанов, оленей, газелей, зайцев и другой дичи. Досуг этих мелких в иерархии парфянского государства чиновников был таким же, как жителей и Дюры, и окрестных деревень. Более знатные посещали город редко, а царь редко удостоивал своим беглым взглядом Дюрену. Хотя парфяне

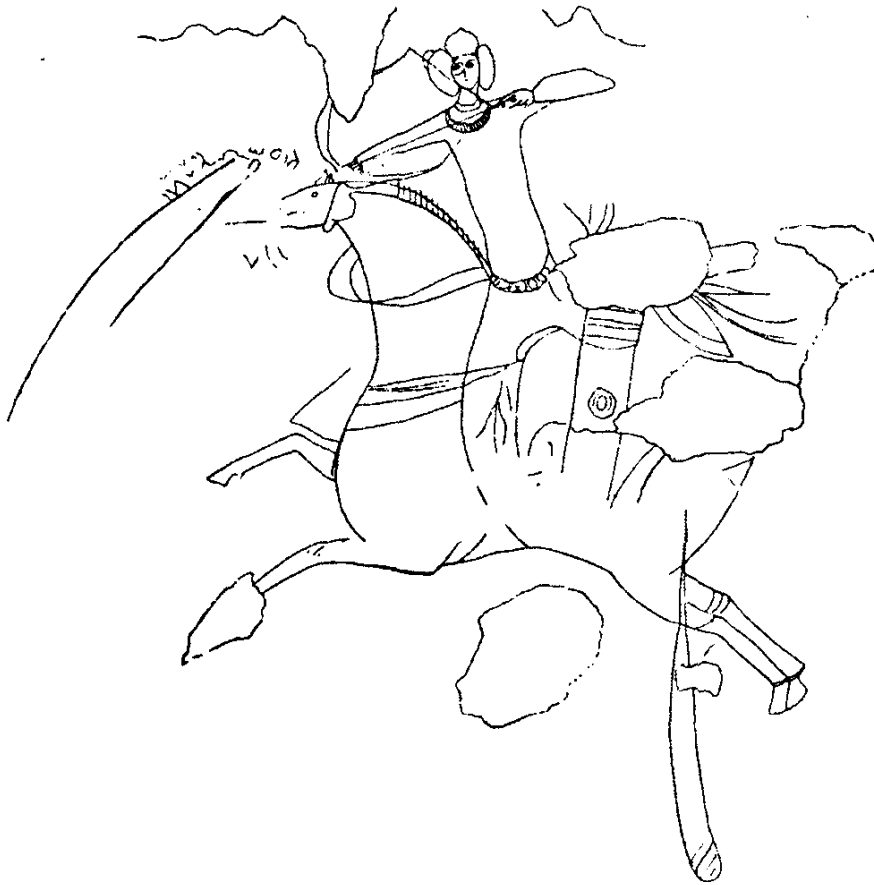

Рис. в. Парфянский всадник с граффити, обнаруженного в Дуре. Парфянский всадник, стреляющий из лука. Отметим типичную прическу, большой колчан и элегантное убранство коня и человека. Граффити обнаружено в доме к юго-востоку от храма Артемиды

Дуры немного отличались от своих правителей, но разделяли те же самые интересы и посвящали свою жизнь тем же развлечениям и удовольствиям.

Их соседями в городе были члены старой греко-македонской колонии, сохранившие свои настоящие имена, многие свои древние традиции, собственный язык и законы. Вначале они были землевладельцами, но теперь они стали также и купцами. Караванная торговля обогатила их, и вскоре они смогли подарить своим женам тяжелые драгоценные украшения и одеться в богато расцвеченные одежды и тюрбаны, столь популярные на Востоке. Для себя и своих жен они построили и украсили храмы восточного типа, которым жертвовали золотые и серебряные или медные сосуды, а также приносили другие богатые дары. Независимо от того, на каком языке они говорили, они перестали быть греками и стали типичными левантийцами. Их жены были семитками; их дети — полусемитами; их богами были боги великой Парфянской державы, некоторые из них имели восточное происхождение, некоторые

были семитскими богами с севера, некоторые — арабскими богами с юга, а остальные — иранскими. Они давали им греческие имена, но им не удалось сделать их греческими, в то же самое время они позволили, чтобы их собственные боги — Зевс, Аполлон и Артемида были преданы полному забвению.

Мы не знаем, было ли у них право самоуправления. Возможно, что подобно другим македонским колониям Парфянского царства, например Селевкии на Эвлее, древнеэламским Сузам, так тщательно и успешно раскопанным французами, они сохранили некоторую автономию, имели свою собственную конституцию, своих собственных магистратов, свой собственный совет. Несомненно, что все это было только для их внутренних потребностей и только под зорким присмотром парфянского военного коменданта. Тем не менее они не обращали внимания на это вторжение в их «свободу» и в целом были удовлетворены своей жизнью. Главным было то, что парфяне не полностью монополизировали их привилегии «правлящего класса», а поделились с ними социальным и экономическим господством над семитской частью населения, которую в основном составляли труженики, возделывавшие землю, принадлежавшую македонянам, или пастухи, пасшие их стада, ремесленники, занятые в македонских мастерских, или погонщики верблюдов в их караванах. Таким образом, эти македоняне жили в богатстве и изобилии, позабыв о своей греческой родине, и стали преданными подданными филэллински настроенного парфянского царя, подчинение которому они предпочли подчинению своим западным соседям — римлянам.

Такой была парфянская Дура. Теперь мы должны спросить, за какие нововведения в городе ответственны римляне, для того чтобы знать, куда ударить заступу и выявить следы этих новых владык. Я уже говорил, что в римское время Дура в качестве одной из военных баз в частых войнах с Парфией служила преимущественно пристанищем для римского гарнизона. Тем не менее первое, что римляне сделали в Дуре, — комфортабельно и прочно устроились.

Итак, я уже говорил о том, что римляне постепенно превратили большую часть северо-западной половины города в военный лагерь. Раскопки в этой части города еще не завершены, и поэтому мы не можем сказать, как римляне достигли своей цели — устроили военный лагерь в уже существующем городе. Возможно, что в парфянский период *continua aedificia* Дуры не доходила до стен на северо-западе и юге и что существовало большое пустое пространство рядом с двумя оврагами. Так что там могли находиться более или менее свободные от построек территории. Если это так, то римляне были, конечно, этим недовольны; например, они построили небольшой храм, возможно,

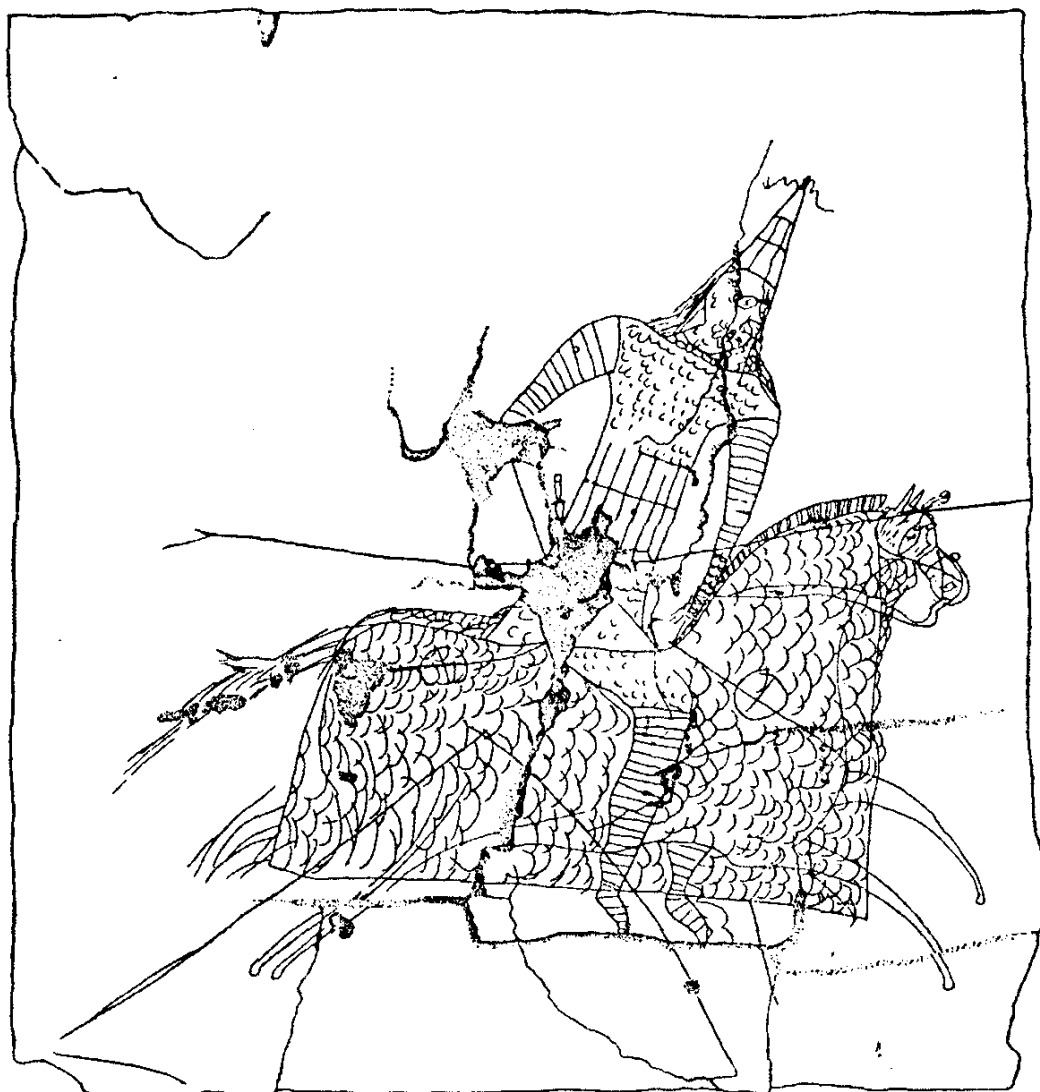

Рис. с. Парфянский или персидский клибанарий, тяжело вооруженный всадник, поражающий врага. Он закован с головы до ног в тяжелые доспехи, сидит на коне, защищенном кольчугой. С граффити, обнаруженного в доме рядом с крепостными стенами Дуры (Музей искусств Йельского университета)

посвященный культу императора, в одной из наиболее древних, как я полагаю, частей города, прямо напротив северо-западных ворот цитадели. В латинской посвятельной надписи, найденной в этом храме, посвяtitель говорит о том, что увеличил «Марсово поле» военного лагеря. Естественно было бы искать эту «площадь для военных учений» в окрестностях храма, т. е. восточнее, в направлении фортификаций. Тем не менее такое местоположение вряд ли подходило топографическим особенностям этой части города.

Сердцем римского военного лагеря был преторий, найденный в прошлом сезоне. Это прекрасное здание типично для римских лагерей.

Вдоль военных границ Римской империи раскопано несколько таких зданий: вдоль британского, германского, дунайского, аравийского и африканского «лимесов». Монументальный вход с четырьмя воротами, обычный «тетрапил», вел во двор претория, точно так же, как еще более величественный тетрапил вел во двор претория в Ламбезии в Африке. Двор был обнесен тремя рядами колонн. Из восточного портика открывался вход в комнаты. Монументальная аркада вела из двора в высокий проход (холл). За дверьми этих ворот находилась длинная латинская надпись о его возведении во времена Каракаллы, если быть точным, то в 211 г. н. э. По обе стороны прохода (холла) были платформы с лестницами, ведущими на них. Отсюда офицеры обращались к солдатам, здесь они сидели как судьи, по всей вероятности, здесь генералы принимали иностранные посольства. Напротив центрального входа — прекрасная большая комната. На массивной колонне слева от входа — латинская надпись в честь Геты, брата Каракаллы, начертанная за несколько месяцев, а может быть и дней, до его убийства. Надпись осталась, но статуя в нише над ней была убрана, а имя Геты стерто. Центральная комната прохода (холла), несомненно, была святилищем претория, где поклонялись военным богам, императорам и знаменам¹.

Две комнаты справа и слева от этого святилища могли принадлежать старшим офицерам, в то время как две комнаты по углам здания были конторой военной администрации. В одной из этих комнат была найдена интересная надпись, сделанная крупными буквами: священная формула S. P. Q. R., что означает *senatus populusque Romanus*. Внутри Q содержались благие пожелания за поддержку, оказанную вольноотпущеннику императрицы Юлии Домны, и пяти *auditores* (военным чиновникам), возможно, учетчикам. В здании было обнаружено множество вырезанных, написанных и нацарапанных надписей, которые показывают, что на своем пути в Парфию через Дуру прошли многие легионы, и что множество подразделений сменили друг друга в качестве гарнизонов.

Будущее покажет, как римские солдаты гарнизона квартировали: в специальных казармах или в частных домах. Тем не менее мы точно знаем, что первое, что делали губернаторы для солдат, — строили для них купальни. Одни были раскопаны нами недалеко от претория, другие находились около главных ворот, а местоположение третьих было недавно установлено профессором Хопкинсом. Если оценивать

¹ Недавно в святилище обнаружено граффити с изображением двух гладиаторов. Вероятно, это — реминисценция гладиаторских боев, которые офицеры устраивали в честь претория.

район, в котором они были построены, то окажется, что они чрезвычайно роскошны, так как были напичканы всеми усовершенствованиями римской строительной техники: с холодной и горячей водой, с центральным отоплением, с полами на суспензурах и со стенами, облицованными глиняными трубами, в которых циркулировал горячий воздух. Комната для раздевания, которая, вероятно, использовалась так же, как военный клуб Дурь, была украшена фресками, но, к сожалению, от них уцелело всего несколько фрагментов. Все это поражает воображение. Нельзя не удивляться этой тихой самонадеянности римской армии, которая, оставив все, даже самые важные фортификационные работы, построила для себя по-настоящему прекрасные термы. И откуда только брали они воду для них? Таскали ли ее ведрами из Евфрата или выстроили водопровод? Еще более интересно, где они умудрялись добывать необходимое топливо. Вероятно, для отопления терм использовали дрова, так как рядом со зданием были обнаружены горы древесной золы; в связи с этим мы можем заметить, что количество дерева, использованного в качестве строительного материала, поражает. Откуда они его брали? Из лесов верхнего Евфрата, или местность около Дурь стала безлесной только позднее?

Главная задача римского гарнизона — охрана караванных и стратегических дорог, шедших через Дурь. Центр охраны евфратской дороги находился, вероятно, в полуразрушенной цитадели и вокруг нее, в то время как центром защиты дороги из Пальмиры были, несомненно, главные ворота города — монументальное сооружение, тщательно нами исследованное (см. рис. XXVI). Сами ворота могучи и впечатляющи, состоят из двух двойных башен, двух массивных деревянных дверей и внутреннего двора. Низкие двери связывали центральный двор с башней, и нет сомнений, что в римское время этот двор не имел крыши. Вереница алтарей выстроилась вдоль стен, и еще одна такая же группа находилась у ворот, связывающих его с городом. На многих алтарях — надписи на латинском, греческом и пальмирском языках. Здесь были найдены также несколько рельефов (см. рис. XXXI, 2), на большинстве из которых изображен Геракл.

Сотни других надписей были обнаружены на стенах ворот, покрывали нижнюю часть стен, особенно северной. Часть их вырезана или нацарапана на камне, часть — написана краской или нацарапана на штукатурке. Большинство — на греческом, латинском, пальмирском и сафаитском арабском. Все — очень короткие. Старейшие содержат имя и родовое имя поклоняющегося и иногда название страны, откуда он прибыл. Много имен местных европейцев, обитавших в Дуре, много семитских имен. Поздние надписи в дополнение к именам

авторов содержат формулу «*mnesthe*», что означает «помни!», помещенную перед именем и датой, и эта же самая формула содержится и в сотнях арабских надписей Петры, Хегры, Эль-Эла и Синая. *Mnesthe* — несомненно, греческий перевод семитской формулы. Другая семитская формула, соединенная с именем богини Тихе, переводится значением греческого глагола *eucharisto*, обозначающего «я думаю о тебе».

Тот факт, что большинство надписей на стенах и алтаре содержат имя Тихе, Судьбы или Фортуны Дуры и что все короткие надписи на стенах, несомненно, религиозного характера, указывает на то, что главный двор был священным местом, чем-то вроде храма, посвященного «Фортуне города». Это божество было хорошо известно иранцам, звавшим ее Хварено, и семитам, знавшим ее под именем Гад.

Религиозный характер центральной арки ворот становится очевидным из того факта, что в римское время по крайней мере вся верхняя часть стен была покрыта росписью. Они располагались выше уровня человеческого роста, так что были вне досягаемости поклоняющихся, желавших написать свои имена; по этой причине нижняя часть стен оставалась чистой. К сожалению, сохранилась только небольшая часть

Рис. XXXIV. Дура. Стенная роспись, изображающая Юлия Теренция, трибуна (Музей искусств Йельского университета) (см. описание в тексте)

росписей, однако то небольшое, что осталось, — только ноги стоящих фигур, подтверждает, что они были изображены здесь, как и в храме пальмирских богов, поклоняющимися божественной покровительнице города. Другие божества могли быть представлены рядом с ней, и в связи с этим интересно сравнить их с фресками храма пальмирских богов, на которых изображены трибун и его солдаты, приносящие жертвы пальмирской триаде. У ног божества изображены две Тихе — Дуры и Пальмиры. Если эта великолепно сохранившаяся фреска датируется III в. н. э. (что возможно), то она проливает значительный свет на последний период дуранской жизни, когда город стал частью Пальмирской державы.

Можно спросить: где и когда был воздвигнут храм самой дуранской Тихе? Подобно всем жителям города, она должна была входить в него через ворота, но где ее дом? Находился ли он в одной из башен, фланкирующих ворота? Мы тщательно осмотрели обе. В северной, на стенах которой следов росписи не было, мы обнаружили некоторые предметы, которые могли украшать такой храм. Один — маленькая дверь с цветным изображением фигуры Виктории в чисто парфянском стиле. Она обращена вправо; в руках ее пальмовая ветвь и венок; стоит она на шаре. Ясно, что расписная дверь составляла часть небольшой деревянной капеллы, наоса, эдикулы или небольшого храма с двумя дверьми. Внутри него или стояла маленькая скульптура, или была нарисована фигура главного божества. Здание похоже на египетские храмы или средневековые капеллы-триптихи, и если оно стояло за воротами святая святых, то его центральной фигурой, несомненно, была Тихе, властительница мира, изображенная увенчанной двумя Викториейми. Подходящий символ для военного святилища.

Другой интересный предмет, обнаруженный нами в башне, — деревянная доска с латинской надписью, в которой младшие офицеры когорты, квартировавшей там, выражают свою преданность Септимию Лисию, стратегу Дуры, и его семье: они передают портреты его, супруги и детей (некоторые с иранскими, некоторые — с греческими, а некоторые с семитскими именами) под покровительство богини. Нет сомнений, что портреты нарисованы или вставлены (если нарисованы на дереве) в стену храма, в наосе, принадлежащем ему.

Комментарий к рис. XXXIV.

Юлий Теренций — трибун и восемь офицеров его когорты, посвятители фрески, поклоняются трем пальмирским богам (Бел — в центре, Яхрибол — справа, Агрибол — слева), а также Тихе Дуры и Тихе Пальмиры (последняя со львом — Атаргатис). Отметим знаменосца когорты, жреца (за трибуном) и толпу солдат.

Несмотря на эти находки, природа башен не позволяет предположить, что храм богини находился там, поскольку они фланкируют ворота на военный манер, как делают это в других случаях. Следовательно, и обитель богини должна была находиться рядом с воротами, однако не обязательно в пределах городской черты, но я думаю, что ей мог принадлежать небольшой храм, расположенный вблизи них, обнаруженный во время наших раскопок 1929–1930 гг. В римское время напротив него через дорогу находились небольшие, но очень изысканные термы, посвященные «Великой Тихе терм», как нам сообщает надпись на мозаичном полу тепидария. Более того, в Дуре в небольшом здании, расположенном вблизи того, что, как я предполагаю, было храмом Тихе, найден большой клад монет и драгоценных украшений. Вполне возможно, что дом принадлежал жрецу храма и что сокровища были посвящены богине.

Тщательное исследование надписей на стенах городских ворот, особенно римского времени, рисует интересную картину дуранской жизни. Становится очевидным, что солдаты римского гарнизона правили городом и что святилище у ворот принадлежало им. Так, младшие офицеры гарнизона самыми витиеватыми фразами высказывали свою преданность богине; они — бенефициарии и «статоры», офицеры полевой жандармерии. Со времен Каракаллы все стали римскими гражданами, и все стали гордо добавлять новое имя Аврелий к своим греческим или семитским. Все подчинялись трибуну, командиру гарнизона, а это, очевидно, был человек, живущий во дворце на редуте, которого мы видим на фресках их храма совершающим жертвоприношения пальмирским богам и Тихе. Конечно, он и по происхождению, и по имени был римлянином, а не левантийцем и как таковой являлся более значительной персоной, чем полугреки Месопотамии или Сирии или арамейцы и арабы, служившие под его началом в армии, которые и составляли гражданское население Дуры. Подобно многим сегодняшним французским офицерам, эти римляне, вероятно, никогда не вступали в контакт с местным населением, а жили изолированной жизнью большого человека.

С другой стороны — младшие офицеры, его непосредственные подчиненные, вели такой же образ жизни, как и местные аристократы, члены совета, магистраты и другие сыновья богатых и именитых родителей. Подобно своим парфянским предшественникам, эта аристократия была типично левантийской. Когда Септимий Север возвел Дуру в ранг колоний, многие из них стали римскими гражданами (как их пальмирские соседи) и приняли имя Септимий. Однако они никогда не были настоящими римлянами или настоящими греками, хотя их предки, конечно, были греко-македонскими колонистами. Их нацио-

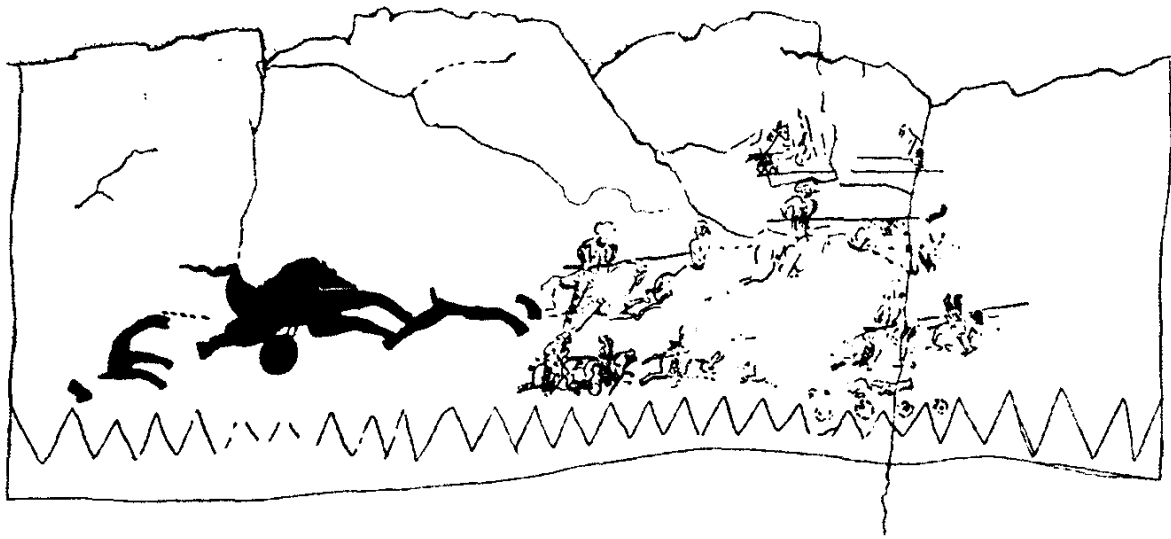

Рис. d. Общий вид на раннесасанидскую фреску, изображающую битву между персами и римлянами. Персы побеждают

нальность было невозможно определить, и в одной и той же семье отец мог иметь греческое имя, жена — семитское, а дети — греческое, латинское и семитское.

Интересная находка, сделанная нами в 1930–1931 гг., проливает свет на проблему занятости этой аристократии. В доме, стоящем на главной улице рядом с римской триумфальной аркой, украшающей ее, мы открыли очень интересную комнату. В этой комнате был шкаф, стоящий у наиболее удобной стороны стены. Он явно был предназначен для книг и бумаг. Ряд полок, прикрепленных к стене, служил для таких же целей. Все стены были тщательно побелены и покрыты надписями, нацарапанными на греческом языке. Отдельное место среди них посвящено гороскопам, шесть из которых принадлежали одному лицу — вероятно, преклонение перед астрономией в этот период было велико. Такими же интересными, как эти гороскопы, и даже более интересными, были другие тексты, так как они — деловой дневник владельца дома, человека по имени Небухел, жившего в III в. н. э. В нем записаны все проведенные им операции. Его занятия были разными: он был управляющим, ростовщиком и купцом. Он был покупателем одежды и материалов, а список его приобретений занимал всю стену его конторы. Его сына звали Абдухелом, а зять, которому принадлежали гороскопы, гордо величал себя Александром Македонским. Третьим и четвертым членами этой компании были Фраат, иранец, и Марабел, семит, — оба были партнерами, вкладывавшими свои капиталы в деловые операции Небухела.

Несколько подобных надписей было найдено также на стенах других домов; все они относились к позднему периоду Дуры. Ни одна из них

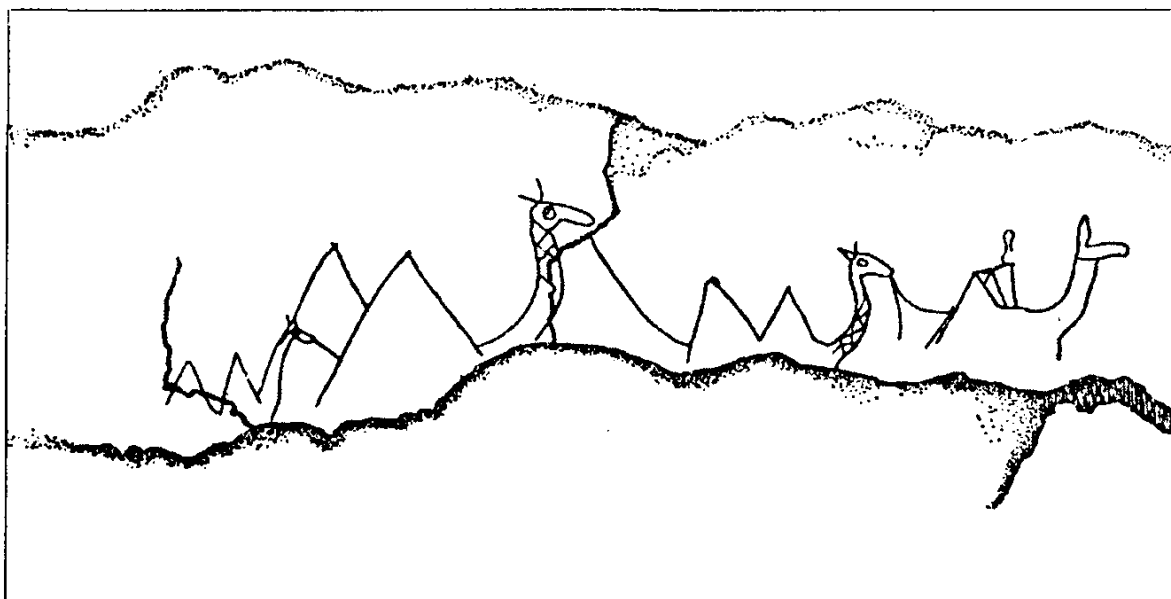

Рис. е. Граффити, изображающее караван в Дуру
(Музей искусств Йельского университета)

не содержала сведений о караванах и товарах, поступавших или отправлявшихся в Парфию. Похоже, что все деловые операции, осуществляемые этими купцами в III в., были местными сделками между ними самими, скорее между небольшими фирмами, чем отдельными лицами. Эта форма ведения дел характерна как для древнего, так и для современного Востока. Оборот был незначительным, так как III в. н. э. был периодом войн и общего упадка. В то же время дома, в которых эти надписи были обнаружены, были большими и богатыми; они принадлежали полусемитской, полумакедонской аристократии, предки которой жили в парфянское время и были более богаты; богаты настолько, чтобы расписывать стены своих храмов фресками, строить *oikoi* в большинстве этих храмов, покупать там места для своих жен и приносить в дар серебряные и золотые сосуды божествам, которым они поклонялись.

Аристократия была той же, но она обеднела и стала менее знатной; несколько семей теперь стали жить вместе в одном богатом, но отчасти пустом доме. Они зарабатывали себе на жизнь по мелочам и часто не могли себе позволить даже купить бумагу, поэтому сделки Небухела и его партнеров были записаны (директором компании) на оштукатуренных стенах его дома. Очевидно, начались трудные времена, единственным объяснением которых является то, что караванная торговля перестала обогащать Дуру. Ее путь в III в., когда начался упадок Римской империи и когда Сирия после смерти Александра Севера жила в постоянном страхе персидского вторжения, изменился. Мы уже видели, как последний персидский захват Дуры стал началом ее конца.

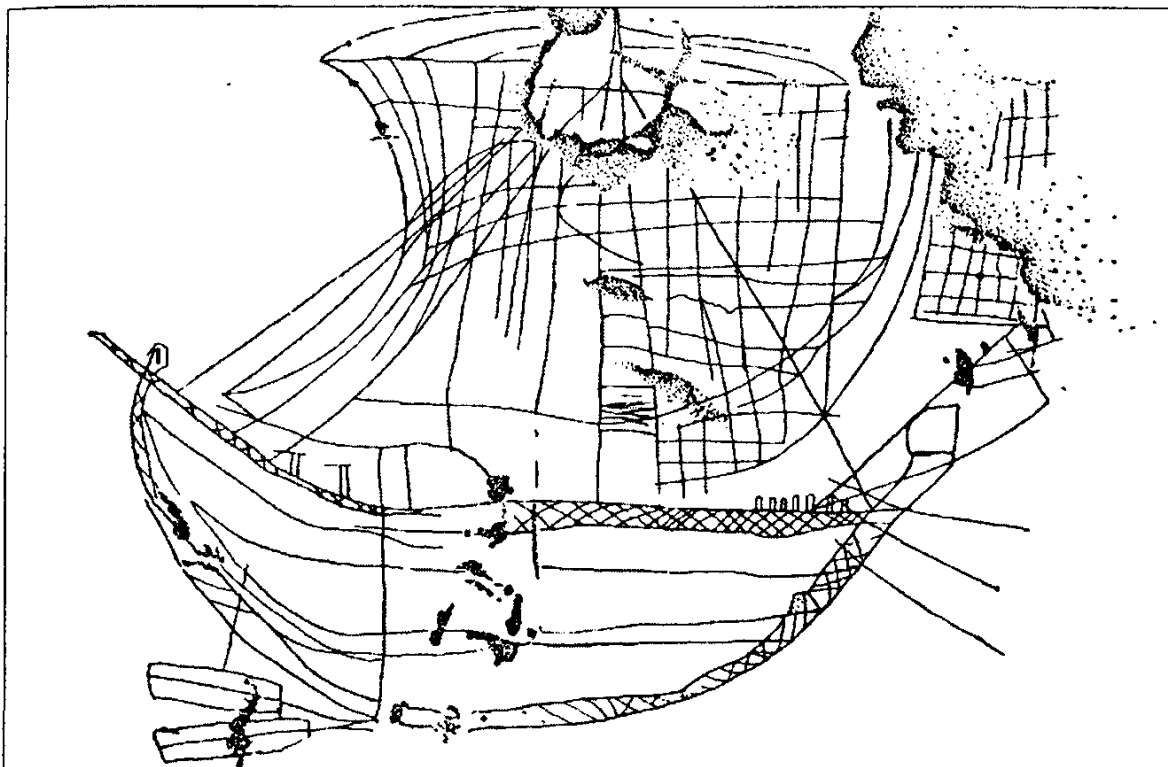

Рис. f. Граффити, изображающее евфратский корабль (Музей искусств Йельского университета). Такие корабли, возможно, использовались для перевозки не только товаров, но и солдат римской армии

Но не следует преувеличивать; хотя Дюра перестала быть караванным городом, случайные караваны продолжали посещать ее, потому что трудно предположить, что все имена, написанные на стенах, принадлежат ее жителям. Некоторые из них — имена чужестранцев, возможно, погонщиков верблюдов, которые обрели бессмертие, нацарапав свои имена сафаитскими буквами. Для того чтобы разобраться с этими караванами и с местной экспортной и импортной торговлей, у ворот сидели «сборщики налогов», о которых мы читаем в Библии. Надписи знакомят нас со всеми членами одной семьи III в., так как профессия, не очень уважаемая на Востоке, передавалась по наследству. Они собирали таможенные пошлины, называющиеся в надписях гибридным термином *telos portas*, т. е. «воротный сбор», и были рьяными поклонниками местной Тихе, от которой зависели направление торговли и караваны, проходившие через ворота города. В работе им помогали своего рода привратники, *pyloroi*, которые, похоже, собирали налог со всех, проходивших через ворота. Полиция в воротах тоже присматривала за путешественниками и караванами, так как именно они в надписях называли себя «бенефикариями» и «статорами» и таким образом обессмертили себя. Если сборщики налогов и привратники были пер-

Рис. XXXV. Дура. Фрагменты сасанидской стенной росписи из частного дома в Дуре (дом фресок в Дуре)

выми, кто очищал карманы путников, входивших в город, то следующей была полиция. Они, конечно, не держали себя за руки, когда допрашивали каждого посетителя: «Кто ты есть, куда и откуда путь держишь?» Филострат, биограф Аполлония Тианского, чудотворца, описал их нам и рассказал о страданиях путешественников перед тем, как им разрешили вступить в парфянский город.

В конце III в. н. э. на короткое время появились новые властители Дуры, персы, преемники парфян. Мы уже отмечали, что они находились там недолго — только два или три года. Тем не менее в одном из располитых домов мы нашли очень интересные свидетельства об их пребывании.

Работая в частном доме, мой ученик господин Алан Литл (Alan Little) обнаружил следы большой росписи на задней стене просторной приемной залы. Тщательное исследование показало, что это — часть большой композиции, когда-то целиком покрывавшей всю стену, воспроизводившей, вероятно, тканый ковер с изображением битвы. В соответствии с персидскими принципами ведения боя, как они отображены в литературе и искусстве, эта битва была представлена как серия отдельных сражений, а надписи на пехлеви рядом с фигурами рассказывают нам о том, кто эти победные герои (см. рис. XXXV). Одного из них звали Ормузд, сын, другого — Ардашир, в то время как у третьего — титул, типичный для членов правящего дома сасанидской Персии¹. На росписи за битвой наблюдают несколько фигур, изображающих или богов, или предков сражающихся воинов, которые сидят на возвышении в центре. Если мы предположим, что этот рисунок датируется III в., то он, конечно, изображает большую битву времен Ардашира или Шапура, вполне возможно, что битву у Эдессы, в ходе которой Шапур взял в плен Валериана. Удивительно, что такой документ был найден в малозначительном доме в Дуре.

Я ничего не буду говорить здесь о значении этой фрески в изучении сасанидской живописи, не буду говорить и о значении Дуры в изучении парфянского и сасанидского искусства, хотя нашей экспедицией выявлено много материалов, относящихся не только к архитектуре и живописи, но и к другим искусствам. Занавес, так долго искажавший историю и принципы парфянского искусства, наконец приподнялся, и наши знания о сасанидском периоде стали более полными. Хотя мы и не стремимся дать здесь общую картину парфянского искусства, мы можем отметить, что первое, чему нас научила наша недавняя работа, это то,

¹ Эта надпись была дешифрована специалистами по иранским языкам профессором Пальяро (Pagliaro) из Римского университета, профессором Бенвенистом (Benveniste) из Сорбонны и профессором Торри (Torrey) из Иеля.

что совершенно ошибочно считать парфянское искусство варварской копией греческого.

Я привлеку внимание читателя только к одному моменту. Несомненно, что в художественной жизни Дуры более заметна роль, которую играют в жизни города живопись и рисунок. Расписаны были все храмы. Фрески изображали богов и богинь, мифологические сцены, сцены жертвоприношений. В Дуре было несколько человек, пользовавшихся репутацией больших художников. Они полагали, что грядущие поколения будут помнить их имена, так как никогда не подписывали своих рисунков полными именами. Это, вероятно, имело религиозные мотивы. Они хотели, чтобы боги и богини, которых они изображали или чьих адептов они изображали, помнили их всегда. Хотя это только одна часть картины; в этих именах, храбро начертанных большими буквами под творениями художников, великая гордость, сродни той, которая была у живописцев эпохи Возрождения.

Наряду с храмами частные дома тоже сверкали веселыми цветами. Иногда стены красили, иногда облицовывали раскрашенным кирпичом или плиткой и, возможно, иногда увешивали роскошными коврами, орнаменты которых очень часто не ограничивались только лишь геометрическими, цветочными или животными мотивами, но на них изображали также сцены из жизни богов и людей. И те неизвестные художники, которые рисовали чернилами, царапали ножом различные фигуры, предметы и сцены на стенах домов, храмов и общественных зданий, тоже находились под влиянием храмовых живописцев и живописцев, расписывавших частные дома. Их отраженное искусство заслуживает тщательного изучения, так как оно может открыть нам многие характерные черты искусства периода, который иначе остался бы неизвестным.

Творения *pictores Durani*, или художников «школы Дуры» (см. рис. d, e, f), никогда не были предметом серьезного изучения специалистов по истории искусства. И Брестед, и Кюмон посвятили им очень познавательные статьи. Они указали на то, что большая часть произведений византийской живописи заимствована из этого источника. Однако возникает другой вопрос. Восходит ли месопотамская школа религиозной или светской живописи к семитским, вавилонским, ассирийским или финикийским источникам, или к какому-то другому сирийскому или анатолийскому изобразительному искусству, или искусству иранцев, о котором в промежутке между Ахеменидами и Сасанидами мы знаем очень мало?

Здесь не место длительного обсуждения таких проблем. Тем не менее я должен привлечь внимание к одному моменту. В светском искусстве Дуры много жизни и движения. В то время как религиозные сцены статичны и «ритуальны», фигуры скачущих всадников, охотников,

бегущих животных полны жизни и динамичнее, чем подобные фигуры в ассирийском искусстве. Любимый мотив художников Дуры — летящий галоп. Летящий галоп на короткое время появляется в эгейском искусстве и полностью исчезает только на позднегреческом горизонте. Однако такой же мотив существовал на всех этапах развития персидского и иранского искусства вообще. Мы наблюдаем его во всей красе при Сасанидах и раньше, в качестве нескольких мотивов, конечно, иностранного происхождения, в китайском искусстве эпохи Хань. Дура заполняет лакуну между Китаем и Сасанидской Персией и показывает, что парфяне усовершенствовали мотивы и полностью использовали их. В то же время такой мотив был хорошо известен и сарматским художникам не только в Сибири, но и на юге России.

Похоже, что в целом религиозное искусство Дуры пока представляет собой проблему, ее светское искусство черпало вдохновение в иранском, и поэтому может называться ветвью иранского искусства парфянского периода, точно так же, как другая современная ветвь того же самого искусства, известная нам на юге России и в Сибири.

Позвольте мне теперь суммировать мои замечания о городе Дура. Семь лет раскопок в Дуре проложили путь для тех, кто хотел видеть и узнать новое, а не втискивать новый мир в рамки известного старого. Если мы будем в состоянии продолжить там раскопки еще в течение двух или трех лет, то вклад Дуры в картину этого нового мира будет полным (хотя очевидно, что речь идет не о самой картине!). Под новым миром я подразумеваю мир, бывший колыбелью великой новой цивилизации, выросшей на Ближнем Востоке после распада Римской империи, т. е. Сасанидской Персии и еще более важной — магометанских арабов, которые так мощно повлияли на средневековую Восточную и Западную Европу. Возможно, что дальнейшие раскопки в Месопотамии, Сирии и иранских землях заменят бедные провинциальные памятники Дуры более богатыми и прекрасными, но вряд ли они скажут что-то абсолютно новое и неожиданное. Ее Тихе дала Дуре счастье быть первым обнаруженным месопотамским городом эллинистического, парфянского и римского времени и привилегию привлечь внимание ученого мира ко многим проблемам, которые до настоящего времени оставались неосознанными и несформулированными. Это, как и данные всех хорошо проведенных раскопок, которые привели к расширению наших представлений о Древнем мире в целом, и является ее величайшим вкладом в историю.

БИБЛИОГРАФИЯ

ГЛАВА I

А. История торговли в древности. Общие труды

1. *Speck E.* Handelsgeschichte des Altertums. I–III (1900–1906).
2. *Gummerus.* Handel und Industrie // Pauly-Wissowa-Kroll. Realencyclopaedie der klassischen Wissenschaften. IX. P. 1454 ff.
3. *Cagnat R., Besnier M.* Mercatura // Daremberg, Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. III. 2. P. 1772 ff.
4. *Schaal H.* Vom Tauschhandel zum Welthandel. 1931.

Б. Караванная торговля, караван и современная Аравия

1. *Doughty C. M.* Travels in Arabia Deserta. I–II (впервые опубликовано в 1888); см.: *Kraemer G. J., Jr.* Light from Arabia on Classical Things // The Classical Weekly. XXII (1929). P. 113 ff.
2. *Lammens P. H.* La Mecque à la veille de l'Hégire // Mélanges de l'Université Saint-Joseph de Beyrouth. IX. 3 (1924).
3. *Huvelin P.* Essai historique sur les droits des marchés et des foires. 1897.

В. Караванная торговля в различные эпохи

(а) Ранняя Вавилония и Ассирия

1. *Woolley C. L.* The Sumerians. 1928.
2. *Smith S.* Early History of Assyria. 1928.

(б) Поздняя Вавилония и Ассирия

3. *Meissner B.* Babylonien und Assyrien. I. 1920; II, 1925.

(с) Ранняя Каппадокия

4. *Lewy J.* Kappadokische Tontafeln // *Ebert M.* Reallexikon der Vorgeschichte. Vol. VI (1926). P. 212ff.; см.: *Clay A. T.* Letters and Transactions from Cappadocia. 1927 (прекрасные образцы каппадокийских деловых документов).

(d) Ранняя Индия

5. *Marshall J. Sir.* Mohenjo-daro and the Indus Civilization. I–III. 1931.

(е) Ранняя Аравия

6. *Nielsen D.* Handbuch der altarabischen Altertumskunde. I. Die altarabische Kultur. 1927.

7. Inscriptions of Ancient Arabia: Corpus Inscriptionum Semiticarum. Pars quarta. T. I–III; Répertoire d'épigraphie sémitique. Vol. I–V.

8. Coins of Ancient Arabia: *Hill G. F.* British Museum. Catalogue of the Greek Coins of Arabia, Mesopotamia and Persia. 1922. P. XLIV ff.; and P. 45 ff.

(f) Персия

9. *Meyer E.* Geschichte des Altertums. Vol. III. 1901; см.: Vol. II, 3 (готовится второе, посмертное, издание).

(g) Сирия и Палестина перед Александром

10. *Olmsted A. T.* History of Palestine and Syria to the Macedonian Conquest. 1931.

(h) Эллинистический период

11. Заключение и библиография: *Rostovtzeff M.* The Spread of Hellenistic Commerce // Cambridge Ancient History. VIII. P. 651 ff.; см.: P. 56 ff. (Pergamum). P. 619 ff. (Rhodes and Delos); VII. P. 109 ff. (Egypt); P. 155 ff. (Syria and the East, с картами торговых путей, по В. В. Тарну); см.: *Rostovtzeff M.* Foreign Commerce in Ptolemaic Egypt // Journal of Economic and Business History. 1932.

(i) Римское время

12. *Frank T.* An Economic History of Rome. 2nd ed., 1927.

13. *Rostovtzeff M.* Social and Economic History of the Roman Empire. 1926 (немецкое издание под названием: Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich, 1930; итальянское готовится к изданию).

(k) История Сирии в римский период

14. *Dobias J.* Histoire de la province romaine de Syrie. Part I: Jusqu'à la séparation de la Judée. 1924 (на чешско-словацком языке с французским резюме, готовится французское издание работы в четырех томах).

ГЛАВА II. ПЕТРА

А. Надписи

1. *Corpus Inscriptionum Semiticarum. Pars secunda. T. I, fasc. III* (здесь на P. 305 ff. библиография до 1889 г. и на P. 181 ff. очерк об истории Петры и набатеев).

2. *Repertoire d'épigraphie sémitique (passim).*

3. *Cantineau J.* Le Nabatéen. I. Notions générales — écriture — grammaire. 1930 (готовится продолжение).

4. *Du Mesnil du Buisson, Mousterde R.* Inscriptions grecques de Beyrouth. I. Dedicace à la Tyche de Petra // Mélanges de la Faculté Orientale. Université Saint-Joseph (Beyrouth). VII (1921). P. 382 ff.

В. Монеты

1. *Dussaud R.* // Journal asiatique. 1904. P. 189–238 ff.

2. *Hill G. F.* British Museum: Catalogue of the Greek Coins of Arabia, Mesopotamia and Persia, 1922. P. XII ff.; P. XXXVII ff., P. I ff.; P. 34 ff.

С. Руины и история

1. *Vincent H.* Les Nabatéens // Revue biblique. VII (1898). P. 567 ff.

2. *Brünnow R., Domaszewski A., von.* Die Provincia Arabia. I–III. 1904–1907; особенно I. Abschnitt III.

3. *Libbey, Hoskins.* The Jordan Valley and Petra. 1905.

4. *Хвостов М.* История восточной торговли греко-римского Египта. 1907. С. 248 сл.

5. *Schürer E.* Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi. 4th ed. I, P. 726 ff.
6. *Musil A.* Arabia Petraea. I–III. 1907.
7. *Dalman G.* Petra und seine Felsheiligtümer. 1908.
8. *Kohl H.* Kasr Firaun in Petra. 1910.
9. *RR. PP. Jaussen, Savignac.* Mission archéologique en Arabie. I. De Jérusalem au Hedjaz, Medain Salah. 1909; II. El-Ela, d'Hegra à Teima, Harrah de Tebouk. 1914.
10. *Thiersch H.* An den Rändern des römischen Reiches. 1911.
11. *Dalman G.* Neue Petra-Forschungen und der Heilige Pels von Jerusalem. 1912.
12. *Guthe H.* Die griechisch-römischen Städte des Ostjordanlandes (Das Land der Bibel. II. 5, 1918).
13. *Bachmann W., Watzinger C., Wiegand Th.* Petra, 1921.
14. *Kennedy A. B. W., Sir.* Petra, its History and Monuments. 1925.
15. *Kammerer A.* Pétra et la Nabatène. L'Arabic Pétrée et les Arabes du nord dans les rapports avec la Syrie et la Palestine jusqu'à l'Islam. 1929–1930.
16. *Tarn W. W.* Ptolemy II and Arabia // *Journal of Egyptian Archaeology*. XV. 1929. P. 9 ff.
17. *Robinson R. L.* The Sarcophagus of an Ancient Civilisation: Petra, Edom and the Edomites, 1930.
18. *Horsfield G., Conway A.* Historical and Topographical Notes on Edom; with an account of the First Excavations at Petra // *The Geographical Journal*. LXXVI. 5. 1930. P. 369 ff.
19. *Dalman G.* The Khazneh at Petra // *Palestine Exploration Fund. Annual* 1911.
20. *Mordtmann J. H.* Ein Nabatäer im Safäerlande // *Klio*. XXV. 1932. P. 729 ff.
21. *Clermont-Canneau.* Les Nabatéens en Egypte // *Rev. de l'histoire des religions*. VIII (1919). P. I ff.

ГЛАВА III. ДЖЕРАШ

Надписи

1. *Lucas H.* Mittheilungen des Deutschen Palaestinaverains. 1901.
2. *Cagnat R.* Inscriptions Graecae ad res Romanas pertinentes. III, nos. 1341–77.
3. *Perdrizet P.* // *Revue biblique*. XIII (1900). P. 432 ff.
4. *Cheesman* // *Journal of Roman Studies*. IV (1914). P. 13 ff.
5. *Abel F. M.* // *Revue biblique*. XXXVI (1927). P. 249 ff.; XXXVII (1928). P. 257 ff; см.: XXII (1909). P. 448 ff.
6. *Jones A. H. M.* // *Journal of Roman Studies*. XVIII (1928). P. 144 ff.; XX (1930). P. 43 ff.

Монеты

7. Hill G. F. British Museum: Catalogue of the Greek Coins of Arabia, Mesopotamia and Persia. 1922. P. XXXIII ff.; P. 31 ff.

Руины и история

8. Bibliography of the descriptions of the early voyages to Jerash in Guthe // Gerasa. P. 63. Примеч. 2.

9. Абамелек-Лазарев С. Джераш: Археологическое исследование. 1897.

10. Schuhmacher G. Dscherasch. 1902.

11. Guthe H. Gerasa: // Das Land der Bibel. III. 1-2, 1919.

12. Crowfoot J. W. Churches at Jerash // British School of Archaeology in Jerusalem. Suppl. Papers. III. 1931.

13. Отчеты о текущих раскопках в Quarterly Statements of the Palestine Exploration Fund (до 1931) и в Bulletin of the American Schools of Oriental Research (с 1931).

ГЛАВЫ IV И V. ПАЛЬМИРА

Надписи

1. Corpus Inscriptionum Semiticarum. Pars secunda. Vol. II, fasc. III (см.: Répertoire d'épigraphie sémitique, passim).

2. Chabot J. B. Choix l'inscriptions de Palmyre. 1922.

3. Cantineau J. Inventaire des inscriptions de Palmyre. 1930 ff. (в печати, fasc. I-VII выйдет в 1931); см.: Cantineau J. Fouilles de Palmyre // Mélanges de l'Institut Français de Damas. I. 1929.

4. Греческие надписи Пальмиры: Lebas-Waddington. Inscriptions grecques et latines, Кс., VI, Syrie; Dittenberger W. Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. nos. 629-51; Cagnat R. Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes. III, nos. 1026-56.

5. RR. PP. Poidebard A., Mousterde R. Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions. 1930. P. 183 ff.; La Voie antique des caravanes entre Palmyre et Hit au second siècle ap. J.-C. // Syria. XII (1931). P. 101 ff.

6. Cantineau J. Textes palmyréniens provenant de la fouille du temple de Bel // Syria. XII (1931). P. 116 ff.

Топография и географические условия

7. Musil A. American Geographical Society: Oriental Explorations and Studies. 3. The Middle Euphrates; N 4. Palmyrena, 1927-1928 (см.: Honigmann E. Neue Forschungen über den syrischen Limes // Klio. XXV (1932). P. 132 ff.).

8. Huntington E. Palestine and its Transformation. 1911.

9. Partsch J. Palmyra, eine historisch-klimatische Studie // Berichte und Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl. LXXIV (1922). P. I ff.

10. Carle G. De l'alimentation en eau de Palmyre dans les temps actuels et anciens // *La Géographie*. XL (1923). P. 153 ff.

11. Dussaud R. Topographie historique de la Syrie antique et médiévale. 1927.

С. Руины и история

12. О ранних изображениях памятников Пальмиры: *Duhn F., von.* // *Jahrbuch des Deutschen Archaeologischen Instituts*. Archaeologischer Anzeiger, 1894. P. 110 ff (живопись, изображения Пальмиры 1693 г. Г. Хофштед (G. Hofsted) в Амстердамском университете, см. рисунки, опубликованные в *Philosophical Transactions*. XIX (1695–1697). P. 83 ff.); *Anderson W.* Stralsunder Tageblatt. 17. 3, 1927 (о рисунках Корнелия Лооса).

13. Wood R. The Ruins of Palmyra. 1753.

14. Абамелек-Лазарев С. Пальмира: Археологические исследования. 1884.

15. Mommsen Th. Römische Geschichte. Vol. V. P. 413 ff.

16. Piccolo L. L'ascesa politica di Palmira // *Rivista di Storia Antica*. X. 1905. P. 75 ff.

17. Murray S. B. Hellenistic Architecture in Syria. 1921.

18. Clermont-Canneau Ch. Odeinat et Vaballat, rois de Palmyre, et leur titre romain de corrector // *Revue biblique*. XXIX (1920). P. 382 ff.

19. Chabot J. B. (см. N 2).

20. Dhorme P. Palmyre dans les textes assyriens // *Revue biblique*. XXXIII (1924). P. 106 ff.

21. Gabriel A. Recherches archéologiques à Palmyre. // *Syria*. VII (1926). P. 71 ff.

22. Février J. G. Essai sur l'histoire politique et économique de Palmyre. 1931.

23. Février J. G. La Religion des Palmyréniens. 1931.¹

24. Wiegand Th. Palmyra, Ergebnisse der deutschen Expeditionen von 1902 und 1917. Berlin; Keller (в печати).

25. Rostovtzeff M. Les Inscriptions caravanières de Palmyre // *Mélanges Glotz*. 1932.

26. Rostovtzeff M. The Caravan-gods of Palmyra // *Journal of Roman Studies*. XXII (1932).

Д. Искусство

27. Ingholt H. Studier over Palmyrensk Skulptur. 1928 (см.: idem. The oldest known grave-relief from Palmyra // *Acta Archaeologica*. I (1930). P. 191 ff.; *Syria*. XI (1930). P. 242 ff.).

28. Strzygowski J. Orient oder Rom. 1901.

29. Фармаковский Б. В. Живопись в Пальмире // *Известия Русского археологического института в Константинополе*. 1903. VIII. 3.

¹ Две книги М. Février попали в мои руки слишком поздно для того, чтобы их можно было использовать в тексте моей книги.

ГЛАВЫ IV И VI. ДУРА

**А. Надписи, пергаменты, папирусы, найденные в Дуре,
опубликованы в книгах и статьях, процитированных в пункте В**

В. Руины и история

1. *Breasted J.* Oriental Forerunners of Byzantine Painting. 1924.
2. *Cumont F.* Fouilles de Doura-Europos: Text and Atlas, 1922–1923.
3. *Baur P. V. G., Rostovtzeff M. I., Bellinger A. R.* The Excavations at Dura Europos. Preliminary Report. I. 1929; II. 1931; III. 1932.
4. *Rostovtzeff M.* Les Inscriptions de Doura-Europos (Salihieh) // *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions*. 1928. P. 232 ff.
5. *Rostovtzeff M.* Yale's Work at Dura // *Bulletin of the Associates in Fine Arts at Yale University*. 1930. February.
6. *Rowell H. T.* Inscriptions de Doura-Europos // *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions*. 1930. P. 265 ff.
7. *Rostovtzeff M., Welles C. B.* A parchment contract of loan from Dura-Europos on the Euphrates // *Yale Classical Studies*. II. 1931. P. 3 ff
8. *Johnson J.* Dura Studies. University of Pennsylvania. 1932.
9. *Koschaker H.* Ueber einige griechische Rechtsurkunden aus den östlichen Randgebieten des Hellenismus // *Abhandlungen der Phil.-hist. Kl. der Sächsischen Akademie der Wissenschaften*. XLII. 1931. N 1.
10. *Bellinger A. R.* The Temples at Dura-Europos and certain early churches // *Seminarium Kondakovianum*. IV. 1931. P. 173 ff
11. *Bellinger A. R.* Two Roman hoards from Dura-Europos // *Numismatic Notes and Monographs*. The American Numismatic Society. N 49. 1931.
12. *Rostovtzeff M., Welles C. B.* La «Maison des Archives» à Doura-Europos // *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions*. 1931. P. 162 ff.
13. *Rostovtzeff M., Little F.* La «Maison des Fresques» de Doura-Europos // *Mémoires de l'Académie des Inscriptions*. XLIII.
14. *Hopkins G.* The Palmyrene Gods at Dura-Europos. // *Journal of American Oriental Society*. LI. 1931. P. 119 ff.

УКАЗАТЕЛЬ

- А**
Абамелек-Лазарев, князь 4, 68, 106, 189, 190
Абгар 91
Абдухел 179
Абу-Кемаль 133, 143
Август 65, 92, 93, 95, 96, 112
Август, политика на Ближнем Востоке 37, 38, 55
Авидий Кассий 97
Аврелиан 41, 102
Агрибол 119, 121, 123, 125, 133, 161
Адриан 66, 96, 97, 125, 127–129, 170
Аззанаткона см. Артемида-Аззанаткона
Азизу 99, 115, 121, 124–127
Айла 35
Акаба 35
Аккад 20
Александр Великий 31–33, 57, 59, 87, 98, 135, 202
Александр Север 97–100, 102, 129, 158, 180
Александр Яннай 63
Александрия 30, 32, 33, 35, 59, 61, 62, 65, 66, 84, 85, 129
Алеппо 14, 24, 25, 30, 38, 86, 88, 104, 137–139
Аллат 47, 49, 119, 123
Амман 14, 31–39, 41, 42, 44, 45, 49, 51, 63, 68, 69, 71, 113; см. также Филадельфия
аммонитские правители 60
аммониты 60, 61
амориты 29
Анат 161, 163
английские купцы в Пальмире 104
Андерсон, проф. 106
Андрэ 90
Андюрен де, виконтесса 122, 126, 129, 130
Антигон Одноглазый 32, 57
Антиох I 33, 35, 63, 88, 89, 101, 138
Антиох III 33, 62, 63, 89, 91
Антиох IV Эпифан 35, 62, 63, 91
Антиохия 33, 35, 88, 89, 101, 138
Антиохия Герасенов см. Джераш
Антоний 37
Апалад см. Афлад
Апамея 138
Апамея-Зевгма 88
Аполлон 172
Аполлоний 60, 61
Аполлоний Тианский 183
арабы 19, 23, 27, 30–32, 36, 37, 40, 47, 49, 51, 67, 103, 117, 121, 178, 185
Аравийская пустыня 19, 23, 28, 29, 32
— торговля 36, 59, 60, 65
Аравия 14, 16, 21, 23, 27, 29, 31–33, 35, 37, 39–41, 52, 55, 59, 62, 64, 66, 67, 84, 119
Аравия Феликс 16, 23, 24, 35, 37
— южная 19, 24, 30, 31, 34, 57, 65
Арад 25
арамейский язык 106, 117, 129
арамейцы 61, 117, 178
Ардашир 98, 101, 183
Армения 32
Арсиноя 60
Арсу 99, 115, 121, 124, 125, 127
Артаксеркс Ох 31
Артемида 84, 156, 172
Артемида-Аззанаткона 95, 134, 160, 164, 167
Артемиды храм в Джераше 58, 67, 74–79, 84
Артемиды храм в Дуре 78, 147, 161, 171
Артемида-Нанайя 95, 119, 134, 153, 155, 157–159, 167
Аршакиды 64, 100, 101
Асклепий 119
Ассирия 21, 22, 24, 25, 27, 30, 31, 131, 167

Ассирийская держава
— свод законов 21
— украшения 25
Астарта 115, 119
Астрабад 20
Атаргатис 75, 91, 115, 119, 123, 134,
147, 153, 155, 164, 177
Атаргатис храм в Дуре 95, 157, 159,
161, 167
Аттал 93
Афганистан 32
Афлад 95, 160, 161, 163, 164
Африка 19, 21, 23, 29, 33, 35, 45, 51,
83, 174
африканские товары 32
Ахурамазда 124
Ашшур 90
Ашшурбанипал 27, 28

Б

Баал Шамин 115, 119, 161
Баальбек 91, 155; см. также
Гелиополь
Баб-эль-Мандеб 23
Баб-эс-Сик в Петре 51
Багдад 27
Бактрия 32
Балканский полуостров 153
Барлааский договор 169
Баур, проф. 167
бедуины 19, 22, 42, 44, 45, 49, 56, 99,
113, 129, 138, 141
Бекон, проф. 68
Бел 112, 114, 118, 119–124, 133, 161,
164, 177
Белл, Гертруда 133
Бенвенист, проф. 183
Бендеры 106
Бене Камора 118
Бене Маттабол 118
Берагиш 31
Береника 60
Бет-Цур 60
Библи 22, 25
Библия 27, 38, 51, 87, 181
Блейк Р. П. 41

Босра 37–41, 55, 63, 64, 81, 97
Брестед, проф. 133, 161, 184

В

Вабаллат 100–102
Вавилон 22, 97, 124, 125, 129, 167
Вавилония 19–25, 57, 116, 118, 119,
124, 129, 131, 132, 156
вавилонские боги в Пальмире 112,
115, 124
вавилоняне 27, 56, 138, 164
Вади Муса 52
Валериан 100, 101, 183
Веспасиан 65, 69
Виганд, проф. 43, 51
византийская караванная торговля
67
— период 41
виссон 59
Вифиния 32
Вогюе де, маркиз 106
Вологезия 97, 125, 127, 128
Вуд, писатель 106, 108

Г

Габриель М. 105, 113
Гад 47, 176
Газа 31, 61
Газара 60
Галлиен 101
Гарстанг, проф. 68
Гвиди 44
Гелиополь 91
Геннея 128
Геракл 175
Гераса см. также Джераш 38, 57, 62
герасены 63
Герры 23, 29, 36, 64
Герцфельд, проф. 90
Гета 174
Гиерополис-Бамбис 155
гиксосы 24
Гилеад 27
Гиппарх 36
Гордиан III 100
Греция 13, 19, 22, 29, 32, 113, 118, 159

- Д**
Давкинс 106
Дакия 97, 121
Дамаск 14, 24, 25, 27, 30, 36–39, 58, 61–64, 66, 81, 86, 87, 89, 91, 97, 117, 127, 129, 137, 139, 155
Дамаска музей 161, 168
Дарий 29–31
Дейр-эль-Зор 132, 136, 139, 143
Делос 62, 115
Деметрий 57
Дессау, проф. 106
Джераш 13, 14, 38, 39, 42, 44, 45, 49, 56–85, 110, 113, 116
Диодор 51
Диоклетиан 41
Диоскуры 47, 123
Домициан 65
Дон 30
Дура 13, 14, 38, 69, 78, 86–103, 112, 119, 132–185
— христианская церковь 165
— фрески 132, 167–169, 175–177, 182–184
— частные дома 166, 167, 169
Дюшара 49, 84
- Е**
Евдокс Книдский 36
евреи 42, 51, 56, 63, 65, 66, 69, 82
еврейская торговля 31
Европа 20, 29, 59, 62, 110, 185
Европос, см. Дура
Евфрат 16, 18, 19, 22, 23, 27, 32, 33, 36–38, 40, 64, 86–88, 91–95, 97, 100, 103, 123, 127, 133–139, 141, 143, 144, 146, 153, 161, 163, 170, 175
Египет 19, 20, 22–24, 26, 27, 30–33, 35, 36, 38, 57, 59, 60–62, 64–66, 97, 102, 106, 118, 129, 136, 151
Елена 44
Епифаний, епископ Кипра 83
- Ж**
Жюссен о. 52, 108
- З**
Заиорданский легион 42
Заиорданье 14, 33, 37, 42, 44, 57, 59–68
Зебида 117
Зевс 58, 69–73, 84, 119, 172
Зевс, храм в Джераше 58, 69–73
Зенобия 41, 102, 106, 110
Зенон 60–62
зороастрийская религия 124
- И**
Иерусалим 39, 44, 63, 67, 68, 117
Изиды храм в Петре 47
Ингхольт, проф. 128
индийская торговля 20, 23, 29, 32, 33, 59
Индия 19–21, 29, 32, 33, 35–37, 52, 57, 65, 86, 90, 124, 132, 135
Иордан 16, 65
Иран 19–20, 86, 87, 89, 90, 93, 94, 132
Иранское плато 16, 19, 21, 23, 32, 33, 38
— религия 123, 124, 164
Ирод Великий 65
исмаилитские караваны 27
Испания 19, 97
Италия 19, 29, 55, 129, 155
Итурейская династия 91
Иудея 36
Иштар-Астарты 115, 119
- Й**
Йельская экспедиция в Дуру 68, 95, 137, 143
— музей 130, 156, 158, 161, 173, 176, 180, 181
- К**
Кавказ 30
Калигула 38
Каната 38, 83
Каппадокия 19, 21, 23, 32
— рудники 21
Каракалла 97–100, 158, 174, 178
Карл XII Шведский 106

- Карры 92
карты, ранние 25
Кархемыш 131
Каспийское море 20
Каср-Фираун в Петре 52
Кассий Дион 90
Катабания 24
Кембридж, Фитцвильямский музей 44
Керчь 94
Киликия, рудники 21
Киммерийский Боспор 32
Кипр 13, 24, 83
Кирена 93
Китай 29, 39, 127, 185
китайское искусство в Дуре 132, 185
Киш 20
Клавдий 38
колоннадный двор, происхождение 112, 113
Коммагена 91, 131
Коммод 66
Константин 44
Конвей А., госпожа 26, 44, 51, 54
Конон 167–169
Красное море 16, 19, 23, 29, 31–33, 35–36, 59, 64–66
Красс 90, 92, 93, 115, 169
Крит 24
Кроуфут 68, 84
Ктезифон 100, 124
Кюль-Тепе 21
Кюмон Ф., проф. 99, 134–137, 143, 144, 146, 149, 155, 159, 161, 167, 184
- Л
Ламбезия 174
Лаодикея 25
Латышев В. В. 106
Левке Коме, Белая Деревня 36, 64
Лептис 83
Ливан 13, 16, 42, 91
Лигианитское царство 57, 59
Лидия 30
лимесы, римские 174
Лисамс 117
Лисий Септимий 177
Литл А. 183
Лоос Корнелий 106–108, 187
Лоу, коллекция 29, 39
Люций Вер 97
- М
Маан 42
Мазака 21
Македония 32
македонские колонии на Востоке 60, 62, 87, 172
— колонии в Дуре 87, 146, 161, 171, 178
Маккавеи 63, 65
Макрин 100
Малакбел 119, 123
Малая Азия 16, 19–23, 29, 75, 86–89, 92, 102, 119, 124
Мареша 60
Мариба 27
Марк Аврелий 66, 96–98
Маюм (семитский) 67, 81, 82
меаристы 56
Маин 31
Мекка 41, 49, 56
Мемфис 84, 85
Месопотамия 13, 16, 18, 20, 22, 23, 30, 33, 62, 66, 89–92, 94–100, 117, 119, 124, 128, 132, 135, 139, 166, 170, 178, 185
мидийцы 31
Милет 29
Минейское царство 31, 57
минейцы 24, 27, 31, 59
Митридат Великий 89, 92
Мичиганская экспедиция (Мичиганского университета) 90
Монд Г. 44
Моник 91
Моним 121
Мохаммед 85
Мохенджо-Даро 20
Мэрфи, капитан 133, 161, 167

Н

Набатей 29, 31, 36, 56–62, 64, 92, 99
 набатейская торговля 62, 64
 набатейские тексты 64
 набатейские цари 38, 52, 55, 56, 64
 набатейский период в Петре 52
 Набонид 29
 Навкратис 30
 Нанея см. Артемида-Нанайя
 Нарамсин 20
 Небухел 134, 179, 180
 Немезида 158, 159
 Нергал 119
 Нерон 38, 65, 69
 Никанор 87
 Никефореон 88
 Нил 19, 59
 Нимруд-Даг 91, 131
 Ниневия 27
 Ниппур 31
 Нововавилонское царство 29
 Нубия 32

О

Огел 128
 Однат 41, 100–102
 Омар II 67
 Оронт 16, 33, 88, 138
 Ортонобаз 167
 Осроена 91

П

Павел св. 38
 Пальяро, проф. 183
 Палестина 13, 14, 16, 19, 20, 33, 35–39, 42, 44, 57, 59–66, 81, 86, 89, 106, 117
 Пальмира 14, 27, 29, 36–41, 45, 49, 56, 81, 82, 86, 87, 89–137, 139, 153, 155, 159, 161, 164, 175
 — искусство 132
 — политическое устройство 96, 125
 пальмирский тариф 96, 106, 118, 125
 пальмирским богам храм в Дуре 134, 154, 156, 159–162, 167, 169, 177

Пантикапей 30, 94, 169

Парфия 33, 36, 38, 66, 90–98, 127, 128, 135, 172, 174, 180

Пергам 32, 93

Пердикка 57

персидская торговля 29

Персидский залив 16, 19, 23, 32, 33, 64

— период 31

Персия 25, 29–32, 40, 57, 86, 87, 100, 101, 103, 124, 129, 131, 135, 147, 183, 185

Петра 14, 26, 31–33, 35–59, 61–63, 64–67, 69, 73, 78, 81, 82, 92, 96, 97, 104, 110, 113, 116, 117, 121, 123, 129, 176

Петреа (Petraea) 29

Пилле М. 13, 137

Помпей 37, 38, 64, 65, 90–92

Помпей Трог 89

помпеянские фрески 47

Понт 32

Птолемеи 32, 33, 35–37, 59–62, 64, 68, 89

Птолемей, сын Меннея 91

Птолемей II Филадельф 33, 35, 36, 59–61

Птолемей VII Эвергет II 93

Пуадебар о. 128

Путеолы 55

Р

Раббат-Аммон 61

Ренар 146

Россия, юг 30, 94

Роуда 121

С

сабейские стелы 35

Сабейское царство 57

сабейцы 24, 27, 31

Савиньяк о. 52, 108

Сампсигерам 91

Самас 119

Саргон 20, 21, 27

сарматские воины 169

- сасанидское искусство 183
— период 185
— сатрапы 124
сафаитские арабы 121
Север Александр 97–100, 102
Север Септимий 83, 97–100
Северы, династия 66, 98
Северы, политика в Месопотамии 100–102
Сейриг А. 13, 112
Селевк I 33, 87, 90
селевкидская власть в Дуре 94
селевкидский период 143, 144, 159, 166, 170
Селевкиды 32, 33, 35, 37, 59–64, 88, 89–92, 98, 138
Селевкия 33, 64, 86, 88, 90, 138, 161
— в Пиерии 33
— на Эвлее 172
Сенджирли 131
Сидон 55, 60
Синайский полуостров 23, 64
Сирийская богиня 155
Сирия 13, 14, 16, 19–24, 30–33, 35–40, 57, 62–67, 75, 81, 86–89, 92, 93, 97–102, 106, 108, 112, 113, 115, 117, 119, 124, 125, 129, 131, 132, 135, 137, 138, 142, 151, 155, 164, 179
Сиро-аравийская держава 52
Сицилия 29
Скифополь 38
Соад 128
Соломон 27
Спасину Харакс см. Харакс
Средиземноморье 29, 30, 37
Страбон 51
Сузы 172
Суэцкий канал 29
— перешеек 19
- Т**
Тавр 16
Тадмор см. Пальмира
Тацит 90
Телль-Халаф 131
- Тема 23, 29
Тиберий 38, 93
Тиглатпаласар I 27
Тиглатпаласар III 27
Тигр 16, 18, 19, 22, 23, 33, 36, 86–88, 90, 95, 127, 138
Тир 25, 60
Тихе 46, 47, 123, 176, 177
Тихе Дуры 134, 164, 175, 176–178, 181, 184
Тихе Пальмиры 123, 175, 177
Тобия 61
торговля, древняя история 13, 14, 16, 18–27, 29–33, 35–41, 51, 52, 57, 59, 60, 62–67, 78, 82, 83, 87, 89, 92, 93, 96, 97, 102, 103, 110, 116, 117, 127–129, 171, 180
Торри, проф. 183
Траян 39, 40, 52, 55, 66, 95–100, 128, 169, 170
Траяна политика на Ближнем Востоке 39, 40, 66, 95–97
Триполи 51
Тунис 51
Туркестан 20, 30
Туркмание в Петре 51
Тутмос III 25
Тутхара в Петре 51
- У**
Уппсала, библиотека Университета 106, 107
Ур халдеев 20, 22, 166
— третья династия 20, 21
Ур-Намму 20
Успенский Ф. И. 106
Уэллс Ч. Б. 169
- Ф**
Фармаковский Б. В. 106
Фаюм 59
Феодора Стратилата св. храм в Джераше 67, 75, 83, 85
Филадельфия 38, 45, 58, 60, 61, 63, 81
Филипп Араб 83, 100
Филострат 183

Филотерия 60
 филэллины, цари 172
 Финикия 16, 19, 20, 33, 35–38, 55,
 57, 59, 60, 62, 66, 86, 88, 89, 97,
 119, 124
 Фишер К. 13, 58, 81
 Флавии 39, 65, 66
 Форат 125
 Фортуна см. Тихе
 Фраат, договор с 169, 179
 Фракия 32
 Фригия 30
 Фундуки (fondouqs) Пальмиры
 125–128

Х
 Хабур 16, 27
 Хадад 75, 91, 95, 115, 119, 122, 123,
 134, 155–157, 161, 163, 164
 халдеи 31, 166
 Халифакс В. 104
 Халкис 36
 — «у Ливана» 91
 Хама 30, 86, 127
 Хамас 38, 87, 89, 138; см. также
 Хама
 Хаммурапи 21, 22, 24
 Хантингтон Э., проф. 18
 Хань период 29, 39, 185
 Харакс 36, 64, 97, 125, 128
 Хараппа 20
 Хатра 89, 90, 146
 Хашаш 118
 Хварено 47, 176
 Хегра см. Эль Хегра
 хеттская власть 116
 хеттские законы 21
 хеттское искусство 131
 Хомес 30, 91, 137
 Хопкинс К., проф. 13, 134, 137, 143,
 163–165, 174
 Хорсфилд 44, 51, 68, 69, 75, 76
 Хрисороя 63, 79

Ч

Чай-ал-Каум 119

Черное море 29, 30

Ш

Шамаш 117, 119, 123
 Шапур 101, 102, 149, 183
 Штайн Аврель 90
 Шумер 20, 21
 шумерийская культура 22
 шумерский язык 21

Э

Эвергет I 59
 Эдесса 36, 89, 91, 101, 121, 165, 183
 эдомиты 29, 31
 Эланитский залив 39, 64
 эллинизация, политика 60, 62–64,
 91
 эллинистическая культура 32, 86, 92
 эллинистические гробницы в Петре
 45, 49
 эллинистический период 33, 36, 38,
 47, 51, 52, 55, 57, 63, 69, 71, 73, 86,
 132, 144, 146, 153, 159, 185
 Эль Муесра 51
 Эль Хабис 51
 Эль-Хазне в Петре 46, 64, 123
 Эль Хегра 52, 176
 Эль-Эла 31, 40, 59, 176
 Эмеса 30, 36, 38, 86, 87, 89, 91, 127;
 см. также Хомес
 Энджел Д. Р., проф. 136
 Эс-Сияг 51
 Эшмун 119

Ю

Юлиан 103
 Юлия Домна 97, 174
 Юлия Маммея 97
 Юлия Меза 97
 Юлия Созмида 97
 Юстиниан 67, 83, 84

Я

Яхрибол 119–121, 123, 125, 133, 161,
 177
 Яхрибол-Малакбел 119, 123

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОТ ВОСТОКА К ЗАПАДУ

1. КИПР И РОДОС

Нет резкой грани между Западом и Востоком, ни географической, ни культурной, ни исторической. Как ни резко различие между, скажем, Аравией или Персией нынешнего времени и современными Францией, Англией или Северной Америкой, для того, кто едет медленно с Востока на Запад, контраст сглаживается. Культура восточная постепенно переходит в западную. После арабов — сирийцы, после сирийцев — левантинцы городов Ближнего Востока, после них — греки, там — итальянцы. Восточный элемент все убывает, но не исчезает сразу.

Так же было, и в еще большей мере, и в древности: как в каждый данный период, так и в общем ходе исторического развития. Пока еще противники «восточного миража», опираясь на более чем сомнительный Глозель, не доказали нам, что Западная Европа сама научилась ходить и сама все выдумала, что не было у нее никаких учителей, а что сама она сразу начала и читать, и писать и стала этому учить других, мы все еще думаем, что Восток многому выучил Запад и что в основе, в эмбрионе, западная культура пришла с Востока по тем большим путям, которые издавна связывали Восток и Запад, по тем мостам, которые природа и история проложили из Египта и Сирии к Греции, Италии, не говоря уже о той неразрывной связи, которая искони объединяла иранский Восток и фракийский Запад через юг России и Балканский полуостров.

Через хеттскую Малую Азию от Тигра и Евфрата шла одна дорога — прямо к западным гаваням Анатолии и оттуда — через острова в Грецию. По этой дороге, чем далее на Запад, тем более дезориентализировался уклад мира и культуры. Хетты — еще почти чистый Восток, хотя и Восток индоевропейский. Но их преемники — фригийцы, лидийцы и ликийцы уже дают почувствовать в своей своеобразной культуре другой, западный уклад жизни. Другой, большой и не менее важный, путь шел от палестинских, финикийских и сирийских городов, с одной стороны, от северного побережья Египта — с другой, через Кипр и Родос в ту же Грецию и далее на северо-запад в Италию. Как большой окаменевший корабль залег тут на границе двух миров и таинственный

Крит с его своеобразной цивилизацией, такой восточной и такой западной одновременно. Эта могучая эгейская или минойская цивилизация не только помогла Западу выбраться из первобытных пеленок, она первая, задолго до Александра Великого, перебросила на Восток элементы иной, западной культуры. Ей мы обязаны в значительной мере тем, что не восточно в жизни и культуре Египта и палестинских (филистинских), финикийских и сирийских городов-государств: тем, что позволило этим городам сделаться учителями Греции и Италии.

Первого пути я никогда целиком не сделал: знаю его два конца — юго-восточный и северо-западный. Этот путь — Эльдorado для археологов. Его телли, руины его караванных городов, городов-святилищ, городов-ярмарок многое откроют нам такого, что и не снилось историку прошлого века. Одна только руина Богаскея с его хеттскими архивами уже начала приподнимать завесы над тем временем, когда впервые сложились неразрывные связи между Анатолией и ее своеобразной культурой и героической Грецией. А что дадут нам сотни других руин хеттской, фригийской, лидийской и ликийской Анатолии, особенно руины столицы Мидаса-Фригийца и все еще загадочных преемников хеттов в Ликии? Некоторое предвкушение будущих открытий дают раскопки хеттских мелких городов в северной Сирии, Сендкирли, Каркемиша, Арслан-Таша, Мишриффа, Телль-Халафа и др.

Но не об этом пути я хочу говорить теперь, а о другом, через Кипр и Родос, который я проделал в этом году. На Кипре я пробыл недолго. Успел повидать только большой и интересный музей современной столицы Кипра да проехаться на автомобиле по одной части острова. Кипр англичане, получившие его от Турции, в награду за «спасение» Константинополя в 1878 г., сделали удобным для путешествия, хотя и не очень привлекательным для туриста. Ездить туда обычному туристу не стоит, но для меня краткое пребывание на Кипре было весьма поучительно. Конечно, нет музеев в Европе и Америке, где не было бы кипрских древностей. И лучшая коллекция их не на Кипре, а в Metropolitan Museum в Нью-Йорке. Так богат Кипр свидетелями его прошлой жизни. Признаюсь, однако, что не лежало у меня сердце к этим древностям. Такое однообразие, такая скука, такое отсутствие оригинального творчества. Ряды однообразных скульптур, таких простых и безжизненных, тысячи расписных горшков. И нигде ни тени той кипучей творческой жизни, которую на каждом шагу хватаешь в бесконечном разнообразии критских вещей.

Чтобы понять Кипр, надо видеть его древности на месте, надо видеть их после того, как побывал на Востоке, и надо почувствовать их потом, изучая древности Запада. И они перестанут быть безжизненными и расскажут многое о той мировой проблеме, которая называется «вос-

точным миром». Здесь, на Кипре, на границе двух миров так ясно чувствуется их связь и взаимопроникновение. Начала культурной жизни, такие богатые и оригинальные, такие близкие к началу цивилизации в Сирии. И вот одна за другой волны чужих, более высоких, более быстро развивающихся культур с двух сторон: из Египта и Вавилонии — с одной стороны, и из близкого Крита — с другой. Захлестнули Кипр эти волны, и с трудом различаем мы под ними самобытную основу. За этими волнами — новые, и опять с Востока и Запада. С Востока — своеобразная финикийская культура, начала которой становятся теперь известными благодаря раскопкам в Библе, культура гибридная, торгашеская, жадно хватающая все модное и рыночное, с Запада — греческая многоцветная творческая цивилизация, выстраивающая на наших глазах из элементов эгейского творчества новую греческую жизнь. Но не привилась эта новая жизнь на Кипре. Слишком силен здесь Восток. Навсегда остался Кипр слегка архаичным, очень восточным, как бы застывшим в условной архаической улыбке ранней греческой культуры. Этой улыбкой улыбается Кипр и сейчас и, боюсь, будет улыбаться еще долгое время.

Иное — благословенный Родос — естественный мост от Востока к Греции и от Греции к Италии. Попал я на Родос — столицу итальянского «Додеканеса» как гость итальянского правительства и участник международного конгресса археологов. Целью конгресса было показать самой Италии и другим нациям, что Италией сделано для истории и археологии острова за короткое время ее владычества. Скажете, пропаганда в духе режима Муссолини? Да, если хотите. Но нас, русских, на этом не проведешь. Мы хорошо знаем потемкинские деревни. Должен сознаться — этих деревень я на Родосе не видел. Сделано итальянцами на Родосе много, и сделано прочно и хорошо, не напоказ. Исколесил я Родос вдоль и поперек, был и в греческих, и в турецких, и в европейских деревнях, заходил в дома, беседовал. По-гречески я говорю. Конечно, греки ворчат, хотят в объятия Заимиса и Вонизелоса. Но серьезно ли? Греки ведь всегда и всем недовольны. Такое уж неисправимое «политическое животное». Но возразить что-либо по существу они не могут. Должен сознаться и согласиться с турками и евреями, что нет сравнения между тем, чем был Родос при турках, и что он теперь. При Заимисе будет еще лучше. Ой ли? Что-то не видно этого в самой Греции!

Да, Родос имеет цветущий вид. Из города Родоса итальянцы сделали настоящую игрушку, чистую (это на Востоке-то), нарядную, кокетливую. Не пожертвовали ничем древним. Чудный город рыцарей Иерусалимского храма во всем его великолепии остался нетронутым, как и был, но из мерзости турецкого запустения призван к новой жизни. Старые здания — чудесные образцы западной архитектуры — почищены и в меру реставрированы. В одном из самых чарующих — госпиталь,

устроен музей и археологический институт, только что основанный. По старым укреплениям города можно гулять и переживать вместе с храмовниками ужасы последней осады. И жить в городе приятно. Для богатых есть чудеснейший отель на берегу моря со всеми достижениями отельного дела, для более бедных — ряд чистых и вполне привычных гостиниц. Честь и слава Италии. Дай Бог ей сделать столько же для своих новых — Триполитанской и Киренейской провинций. Что и там работа идет, показывают ежегодные сенсационные археологические находки, от которых слюнки текут у всех интересующихся древностью.

Если Кипр был для меня глубоко неинтересен, Родос оказался настоящим откровением. С внешней стороны картина та же, что и на Кипре. Местная доисторическая культура, волны влияний с Востока и Запада: из Сирии и Египта, с одной стороны, и из микенской Греции — с другой. Наконец, легкая финикийская и могучая греческая волна, сделавшая Родос не полугреческим, как Кипр, а греческим до мозга костей, т. е. творческим, живым и бесконечно разнообразным.

Вот эта-то последняя фаза особенно и интересна. День пути от Кипра — и такая перемена в декорациях. Запад вобрал в себя Восток, всосал все, что было ценно и важно, из этого выковал нечто, что нам кажется в корне новым и в истории неожиданным. Глубоко поучительно было с нашими итальянскими хозяевами видеть раскопки гробниц разных периодов, в некрополе одного из древнейших городов Родоса — Ялисе. Типичные поздние микенские склепы с их характерной посудой, единой на всем протяжении микенского мира. Затем новая серия — без перехода, рядом — геометрическая, бедная, с явным уклоном к Востоку. Еще позже пышная ориентализирующая культура, так ярко представленная раскопками датчанина Кинча. Казалось бы, Восток наложил на Родос руку свою навсегда. Но нет. Не восточная, а ориентализирующая была культура Родоса в VII–VI вв. до Р. Хр. Восток, претворенный Грецией. Немудрено, что следующий период уже дает нам чистую Грецию — с ее атлетами, стригилами, дисками, городом-государством и всем, что с ним связано.

Это — одна фаза в развитии Родоса. Но Родос все же был и остался мостом от Запада к Востоку. Остался им и в чисто греческой фазе своего развития. Долгое время Родос не мог вернуть себе той роли посредника между Западом и Востоком, которую он играл, вероятно, на заре истории. Города Малой Азии, тесно связанные географически, исторически и политически с Лидией, а затем с Персией, в Родосе не нуждались, а они в VII–VI вв. были хозяевами экономической жизни Греции. Морской путь для связей с Востоком они забросили. Им легче было закрыть финикийцам доступ в Грецию по морю. Сами они связаны

были с Востоком анатолийскими путями. Та же политика унаследована была и Афинами. И для них финикийцы были злыми врагами и конкурентами.

Но времена изменились. Персидское царство в VI в. до Р. Хр. стало разлагаться. Греция жила в сплошной анархии. Пала морская гегемония Афин. Малая Азия вновь сделалась персидской. Египет возродился. Старый морской путь вновь ожил. И с ним ожил и Родос. Старые купеческие навыки родосцев проснулись. Они поняли, что Родос, разбитый на ряд общин, — нуль, но Родос единый, с одной политикой, с одной политией, с одним флагом способен подняться на высоту небывалую. И по почину самих граждан создается единый Родос, сильная морская держава, коммерческий посредник между Египтом и Финикией — с одной стороны, и Грецией и новым богатым рынком Италии — с другой. Быстро растет Родос и богатеет. Обстраивается гавань, возникают новые богатые храмы. Родос становится тем, чем позднее стали Венеция и Генуя. Большой коммерческой торговой республикой, но не олигархической, а демократической.

Еще пышнее расцвел Родос в эллинистическую эпоху, после Александра, когда весь Средиземноморский мир стал одним рынком и когда морской путь из Египта и Сирии в Грецию и Италию с усовершенствованием судоходства стал могучим конкурентом сухопутного караванного, анатолийского. III век до Р. Хр. был апогеем процветания Родоса. Он стал Лондоном древности, его купцы развили лихорадочную деятельность. Улучшили и усовершенствовали суда. Создали поразительных моряков. Развили банковское дело. Положили основы торговому международному праву. Наряду с этим мудрой комбинацией демократии и аристократии, разумной социальной политикой Родос сумел избежать анархии внутри, не подчинившись вместе с тем ни одной из эллинистических держав. Вооруженный, дружественный всем противникам нейтралитет был их лозунгом, и они сумели заставить всех уважать этот нейтралитет, опираясь на свой лучший в тогдашнем мире военный флот. Наградой им было то, что нейтралитет этот молча был признан всеми. Более того, Родосу молча отдано было дело успокоения Эгейского моря.

Так длилось до того времени, когда равновесие сил в античном мире кончилось, и на его месте стала Римская империя. Для Рима в эпоху равновесия сил Родос был желанным союзником. Для Рима — господин мира, претензии Родоса были неприемлемы. И из царицы морей Родос сделался одним из многих богатых, но скромных морских портов Римской империи.

Этот Родос — царица морей — нам плохо известен. Для него сделано еще мало. Мы знаем кое-что из его истории. Мы знаем в общих

чертах, каков был расцвет художественной и культурной деятельности Родоса в это время. Музеи Италии и других европейских столиц полны скульптурами родосской школы. Нет их только в музее Родоса. Но это только временно. Чтобы это ощутить, достаточно побывать в руинах Линдоса, раскопанных датчанами. На скале, над живописной бухтой, над самым обрывом высится храм Афины линдийской. К храму вела лестница или священная ступенчатая дорога. На повороте этой дороги рядом с экседрой, где могли присесть усталые паломники, вырезан в скале эффектный рельеф — почетный памятник: родосская триера — властительница морей, и на ней — статуя ее капитана, одного из тех, кто создал величие Родоса. Символ и обещание. От этой триеры весь путь к храму усеян надписями. И одна из них оказалась фрагментом хроники линдийского храма, где рассказано было потомству местными историками, как «явления» богини создали величие Родоса. И опять — символ и обещание. Родос еще даст нам свою скульптуру. Знаменитого родосского колосса, стоявшего в гавани, не вернешь. Остатки его расплавили турки. Но многое еще лежит под землею и на дне родосских гаваней. И сам Родос расскажет нам устами своих граждан (один из них, сириец по происхождению и родосец по гражданству, и это символ, Посидоний, был величайшим из умов позднего эллинизма) свою славную историю, историю того, как Родос стал и как он был в течение двух эпох «царицей морей», наследником Кипра и Афин и предшественником Венеции, Лондона и Нью-Йорка.

2. ГРЕЦИЯ

Последним этапом моих скитаний по Ближнему Востоку была Греция. О современной Греции мне говорить не хочется. Трудно представить себе более печальную картину. С самых первых моментов появления в Греции чувствуешь напряженную, тревожную политическую атмосферу. Нигде въезд в страну не обставлен столькими идиотскими формальностями, как в Греции. Еще труднее выехать. Визы для въезда и выезда, налоги, марки, фотографии — ходишь от «Ирода до Пилата» без конца и только удивляешься, зачем все это. Единственная страна, которая еще больше боится иностранцев, чем Греция, — это Турция. В Константинополь я и не пытался проникнуть — бесполезная затея, — и рад был, что не испортил впечатлений прошлого. Тяжело смотреть на смерть большого-большого и прекрасного города. С борта парохода смотрел на св. Софию и мечети и, слава Богу, не видел разрушения и умирания Стамбула.

Сказать, что Греция дышит на ладан, как Турция, было бы неправильно. Греция живет. Афины лихорадочно растут. Ресурсов много. Но какая беспомощность и какой хаос. Одна мелочь, но типичная. Когда-то Греция была страной бедной и скромной. Путешественник знал, на что он идет, но знал также, что за отсутствие всякого комфорта он не заплатит сумасшедших денег. Теперь — иное. В смысле комфорта и удобства Греция дает даже меньше, чем раньше. Но цены! Всякий отель с клопами и остальными прелестями дерет цены такие же, как первоклассные отели в Париже и в Нью-Йорке.

Впрочем, не стоит об этом говорить. Меня в Грецию влекло не это, а ее памятники и ее история. И должен сказать, что в деле исследования своего прошлого Греция, как и раньше, работает с огромной энергией и с действительным пониманием настоящего положения вещей. Археологические богатства Греции так велики, так насыщена она памятниками прошлого, что ей нечего и думать справиться с задачей исследования одной, без содействия других европейских наций. Как и в прошлом, Греция это понимает и предоставляет всем компетентным иностранцам копать в Греции и обогащать ее музеи. И копают иностранцы в Греции много и с большим успехом. Недаром же в Греции работает столько иностранных институтов, как нигде. И трудно сказать, кто из них делает больше, кто меньше. Все работают по мере сил и средств. Франция — на Делосе и в Дельфах, на острове Фасос и в других местах. Америка вот уже много лет упорно раскапывает руины когда-то блестящего Коринфа (кстати, от нового Коринфа не осталось ничего; новые спазмы землетрясения доби́ли то, что еще оставалось полуразрушенным; старый Коринф пострадал меньше) и ждет только окончания переговоров с греческим правительством, чтобы взяться за систематическое исследование главной площади древних Афин — знаменитой «агоры», на что придется затратить миллионы драхм. Рядом с Американским институтом работают и другие американские организации. Продолжается исследование героической и догероической Греции бывшим вице-директором Американского института Блегеном (об этом ниже), начаты работы в городах благословенной когда-то Халкидики и т. д. Англия не оставляет Спарты и упорно добивается от неблагодарных и поздних руин ответа на многие спорные вопросы прошлого Спарты. Но я не собираюсь в этом письме давать сухое пояснение к старому изданию Бедекера. Позвольте поговорить о моих археологических впечатлениях в Греции.

Конечно, как и всегда, Греция привлекает туристов и восхищает ученых блеском своего классического, чисто греческого прошлого, памятниками VII, VI и особенно V и IV веков до Р. Хр. Греция Сапфо и Алкея, Греция Эсхила, Софокла и Еврипида, Греция Геродота и

Фукидида, Платона и Аристотеля, Фидия, Иктина и Праксителя — эту Грецию все знают и любят. И от времени до времени находки дополняют известную нам картину новым лучом света полубожественной красоты. Фрагменты архаической стелы спартанского бойца — может быть, идеализирующий портрет героического спартанца Леонида? Поразительная бронзовая статуя Эфеба, героя или бога, недавно найденная на дне моря, — все это и старо и ново. Ново — по новому откровению красоты, старо, потому что входит как деталь в уже известные серии. Каждая новая надпись, конечно, откровение для историка. Но надписи — это проза. Они рисуют нам греков-политиков, греков-торгащей. Купцами греки были хорошими, но политиками, как и теперь, из рук вон плохими. Изнанки греческой демократии так же мало привлекательны, как и изнанки любой современной демократии. Для историка это важно; для туриста лучше жить старыми иллюзиями.

Но рядом с греческой, классической Грецией, стоит другая — таинственная и увлекательная Греция, Греция доклассическая, Греция «Илиады» и «Одиссеи», Греция новых хеттских текстов, Греция таких мифических царей и героев, трагические истории о которых рассказала нам в образах вечной красоты греческая поэзия. Кто они, эти величавые и трагические фигуры Гомера, трагиков, лириков — боги, мифические герои — создания богатой греческой фантазии и глубокой греческой религиозности или отблески людей, живших и действовавших, фигуры ранней, догреческой истории Греции?

Этот вопрос стоит на первом плане теперь перед научными исследователями Греции. И ответ на это должна дать археология. Ее задача — если можно, превратить легенду в историю, воскресить настоящего Агамемнона, его предков и потомков, представить себе настоящего Ахилла и Нестора, Эдипа и Капанея. Возможно ли это? Могут ли гробницы и руины доклассической Греции превратить предысторию Греции в протоисторию, рядом с «Илиадой» и «Одиссеей», рядом с образами Эсхила и Софокла, Пиндара и Вакхилида поставить более прозаические образы исторических царей, но более реальные?

Со времени раскопок Шлимана в Трое и Микенах есть немало ученых, для которых герои греческой поэзии давно сделали историческими лицами. Но есть и такие, которые настаивают на чисто мифологическом характере образов греческого эпоса, греческой трагедии и греческой лирики. Раскопки Эванса, итальянцев, американцев, греков, французов на Крите и раскопки ряда ученых в Пелопоннесе и Средней Греции не позволяют более сомневаться в том, что фоном гомеровских поэм, греческих трагедий и греческой мифологической лирики была блестящая, красочная и богатая эпоха в жизни Греции, островов и Малой Азии, так называемая минойская эпоха для Крита и микенская — для

Греции. Великая культура выросла на Крите в III и II тысячелетиях до Р. Хр., и эта культура оплодотворила блестящее развитие Греции во II тысячелетии. В этом все согласны, и мы можем с документами в руках рассказать и показать значение эволюции этой культуры и ее постепенное распространение на Запад и на Восток.

Но остается и немало проблем. Эволюция минойской культуры ясна. Ясно и то, что носителями ее на Крите и островах были не индоевропейцы, а, вероятно, анатолийцы. Но Греция? Микенская Греция, Греция укрепленных каменных, импозантных дворцов, богатейших купольных гробниц и больших поселений около них, была она минойской колонией или развивалась самостоятельно под влиянием Крита, но без критян-поселенцев в Греции? И дальше, если микенский период есть блестящая заря великой греческой культуры Эллады, то кто были ее носители и создатели? Доиндоевропейское население Греции или первые индоевропейцы в Греции, протогреки, ахейцы? И наконец, был ли в развитии культуры Греции перерыв, когда микенская культура огрубела и исчезла и ее сменила новая культура первых греков, пришедших с севера; или этого перерыва не было, микенская культура, грубая, жила и греческая культура есть только свежий ее росток?

Над этой проблемой бьются и теперь ученые. Новые блестящие находки последних лет: раскопки шведа Персона в Мидее и Асине, исследования в Аргосе и аргосском гереоне, Фивах, Фисбе, в Пилосе, в Фессалии и Македонии постепенно расширяют наш кругозор. Не только обогащают наше уже довольно полное знание микенской культуры — такие отражения минойской культуры, как новые находки в царских гробницах Мидеи, но начинаем видеть мы воочию и то, чем была Греция до минойского, до микенского мира, и какой вид имела микенская культура в эпоху ее постепенного огрубения, в конце II и начале I тысячелетия до Р. Хр. в Греции. Ученые серьезно взялись за систематическое исследование греческого доисторического прошлого, и с легкой руки одного из пионеров этого исследования — американца Блегана мы уже не говорим для Греции о микенской культуре и ее фазах, но о постепенном развитии элладской культуры, развитии, параллельном фазам развития минойской культуры.

Когда ранним летом прошлого года я сидел с Блеганом на верхушке холма, где высился в классическую эпоху храм аргивской Геры, а до него — микенская цитадель и еще раньше — бедная элладская деревня, когда с этого холма смотрели мы на равнины и холмы Арголиты, так ясно представлялось мне доисторическое прошлое Греции. В далеком неолитическом прошлом вырастают одна за другой бедные деревни. С металлами появляются новые люди — первые индоевропейцы, — кузены хеттов, касситов, ариев, киммерийцев, индусов. Строят они большие богатые

деревни, занимаются земледелием и скотоводством, ведут торговлю. Деревень своих они не укрепляют. Жизнь их была мирной и спокойной. Появляются на берегах Эллады первые минойские купцы, часть их, может быть, селится на побережье. Минойская культура проникает в Грецию. С минойцами появляется и опасность иноземного владычества. Мирные неукрепленные деревни выбирают себе вождей-воителей. Они — эти «герои» Греции — строят себе укрепленные замки везде, где под влиянием минойской торговли и минойской опасности накапливаются богатства и милитаризируется жизнь. Среди этих «патеси» (позволю себе употребить этот шумерийский термин) есть и минойцы, и элладцы. Так возникают Микены, Тиринф, Аргос, замок на месте аргивского герайона, Мидеи, Асины. Все это в одной только Арголиде. А сколько за пределами ее! Как и в Вавилонии, и в Египте, как повсюду в пределах цивилизованного мира, эта распыленная Греция постепенно концентрируется вокруг нескольких центров: «золотые» цари Микен, Спарты, Мессены, Пилоса, Фив, Орхомена, Афин создают крупные и сильные державы, ведут за собой мелких, пускаются в далекие походы: они разрушают Кносс на Крите и кладут предел развитию минойской цивилизации, они позднее идут походом на Трою. Растет их флот и развиваются их коммерческие предприятия. Они, а не минойцы, открывают богатства Запада: Италию, Сицилию, Испанию. На это время падают и их дипломатические отношения с великой хеттской державой, если только правы те (а это сомнительно), кто прочел в хеттских документах греческие имена. Но Греция всегда была индивидуалистичная. Не в пример Востоку, Греция и в это время империи не создавала. Держава Агамемнона не была империей, а союзом, объединением вассалов около сюзерена. Постепенно Греция распыляет свои силы. На экспансию и на углубление культуры одновременно у нее не хватает творческой энергии. Творческим был Крит, Эллада шла сзади. Культура стандартизируется, мельчает, опрощается. Растет сепаратизм. Надвигается новая эпоха распыления.

Оттуда, из-за Балкан, движутся новые волны греков. Они катятся одна за другой, неся с собой свой племенной, негородской строй — свои навыки, свой быт, свою религию. И в темные первые столетия I тысячелетия до Р. Хр. Греция перестраивается, перековывает свою культуру, создает то, что мы называем Грецией. Но это не значит, что элладская микенская Греция умерла. Она свелась к элементам, к основам, но она помогла нашей Греции найти себя.

Так думалось мне на руинах герайона. Прав ли я, или нет, покажет будущее. Микенская Греция была молчалива. Она была грамотна, но писать не любила. Но за нее писали малоазийцы. И, может быть, близко то время, когда хеттские архивы расскажут нам настоящую, не мифическую историю ранней героической Греции.

РЕЦЕНЗИИ

*Johnson J. [Rev.] Caravan cities, by M. Rostovtzeff. Translated by D. and T. Talbot Rice. Pp. XIV + 232, with 5 maps and plans, 35 pls. from photographs, and 6 figs. in the text. Oxford: Clarendon Press, 1932**

Доктор Ростовцев написал книгу, жанр которой уже не очень знаком современным читателям. Как сам он осторожно отмечает, написание полной экономической истории караванной торговли и караванных городов Ближнего Востока от нас не зависит. Во-первых, все это необходимо рассмотреть как историческую последовательность. Однако особенности ее, существенные для экономической жизни Шумерского, Вавилонского и Ассирийского царств, стали осмысляться только теперь. Амман (Филадельфия), Дамаск и Алеппо имели для караванной торговли большее значение, чем Джераш, Пальмира и Дура, однако новые города по-прежнему перекрывают подступы к старым, и мы никогда не сможем понять это до конца.

Поэтому работа доктора Ростовцева дает общее представление о нынешнем уровне наших знаний. Ее первая глава — краткий исторический очерк изучения караванной торговли и ее значения для развития городов Ближнего Востока. В следующих главах он по очереди рассматривает четыре наиболее изученных караванных города — Петру, Джераш, Пальмиру и Дуру. Наиболее важным в городах указанного типа является их планировка. Несмотря на то что конкретные условия — амфитеатр, в котором располагалась Петра, овраги, разрезавшие Дуру, придавали им неповторимое своеобразие, тем не менее можно восстановить идеальную планировку, к которой каждый из этих городов стремился. Караванный город — единственный из типов городов, основанный на караванной торговле; обычно дорога древнее, чем город, и является его осью или «хребтом». С развитием города развивается рыночная площадь, она представляет собой открытое пространство, сопоставимое с агорой или форумом средиземноморских городов

* Опубликовано в: *The American Archaeological Journal*. 1933. Vol. XXXVII. P. 187–188.

(Петра, Джераш, Пальмира?). Однако насущными потребностями путника по прибытии в город являются разгрузка товара и, возможно, его размещение, условия для отдыха верблюдов и для того, чтобы стряхнуть с себя дорожную пыль, возможность поклониться Тихе — богине-покровительнице города, приютившего его. Поэтому рядом с форумом, а в некоторых случаях и вместо него (Дура?), возвышается каравансарай — большой постоянный двор, приспособленный под особые нужды, где можно было разгрузить товар, накормить и напоить животных. Он мог находиться вблизи от главного въезда (Джераш), но обязательно был доступен для караванов (Петра, Пальмира). В римское время и когда это позволяли запасы воды, устраивалось специальное помещение — купальня (Петра, Джераш, Дура). Храм Тихе располагался непосредственно у ворот (Петра, Дура).

Сохранившееся топографически нетипично для караванных городов. Цитадели (Петра, Дура) незначительны; остатки городских стен относятся к различным периодам, вплоть до сравнительно поздних (Пальмира). Для сирийских городов, независимо от типа, к которому они относились, типичен главный храм, который мог также служить торговым центром. В Петре и Джераше-Аммане существовали также греческие театры; в Пальмире и Дуре были булевтерии.

Благодаря интересному предмету исследования, четкому переводу и тщательно подобранным иллюстрациям книга великолепно читается. Имеются планы городов и карты местностей, а также большие блоки рисунков и прекрасных фотографий. Ссылки отсутствуют, однако приложена хорошая библиография, полезная для студентов, которые захотят заниматься этой темой. Обнаружены одна или две незначительные опечатки. В книге имеется указатель.

Мы бесконечно обязаны доктору Ростовцеву за эту великолепную книгу. Она четко указывает нам путь, по которому должны продвигаться наши исследования, а также дает ясный ответ на спор относительно этих древних как мир центров и о странствиях римского золота в поисках товаров с Востока. Эта книга не может не очаровать любого читателя, путешественника, историка или археолога.

Джотам Джонсон,
Университетский Музей,
Филадельфия

R. D. B. [Rev.] Caravan Cities, by M. Rostovtzeff. Translated by D. and T. Talbot Rice. Pp. XIV + 232; 25 plates, 5 maps and plans. Oxford: Clarendon Press, and London: H. Milford, 1932*

Названия последней книги профессора Ростовцева недостаточно для того, чтобы объяснить непосвященным нечто само по себе необъяснимое. Этим названием профессор Ростовцев придумал новый термин для описания особого типа общества, порожденного жизнью торговых путей, существовавших в пустыне на границах греко-римского и восточного миров с незапамятных времен. Именно на этом шатком основании построена книга. Получив посредством добротного и подталкивающего к размышлениям очерка представление об историческом значении этих путей, соединявших Индию с Западом, мы в четких и хорошо написанных главах, обобщающих результаты последних исследований, по очереди знакомимся с Петрой, Джерашем, Пальмирой и Дурой. В этом на первый взгляд произвольном выборе представлены города, в которых сохранилось больше руин для исследований; к примеру, раскопки Селевкии только начаты, планы древнего Дамаска и Алеппо только что сняты. Дополнительное оправдание этому можно найти в том, что автор, говоря о Дуре, описывает все изнутри, уверенно, с особой осведомленностью, как ее раскопщик. Эти очерки основаны на поверхностных путевых заметках, где-то прежде опубликованных, разговорный стиль повествования, обусловленный именно этим фактом, временами нисходит к дурновкусию, когда, например, месопотамская целла, к «великому изумлению», оказывается окруженной греческой колоннадой; или когда Зенобия венчается титулом «караванная царица». Далее на с. 77 о воротах Джераша нам говорят: «...только после того как путники принимали вид чистых, изящных и цивилизованных людей, они вступали в чистый и изящный город». Мы прощаем автору *ipse dixit*, вознаграждая этим его яркую фантазию. Однако утверждение на с. 64, что: «Rome permitted these barbarians [the Jews] to destroy everybody and everything Hellenistic with the greatest steadfastness and cruelty», является карикатурой на действительность.

* Опубликовано в: The Journal of Hellenic Studies. 1933. Vol. LIII. P. 125–126.

Тем не менее книга полезна и ценна для исследователей, просто читателей и путешественников по Востоку. Помимо всего прочего, открытый американцами в Дуре храм с фресками, датируемый временем до 250 г. н. э., ставит нас перед весьма интересным и значительным фактом. Причудливому смешению различных языческих культов уделяется заслуженное внимание; об именах двух из них — Афлада и Аззанатконы из Дуры, мы ждем разъяснений от востоковедов. Особого внимания заслуживает точка зрения профессора Ростовцева о том, что Хазне в Петре является храмом Тихе города.

Имеется несколько опечаток, карта Пальмиры неудовлетворительна, на карте Дуры отсутствует указатель сторон света. Перевод адекватен, фотографии хорошо подобраны и качественны, особенно полезна замечательно составленная библиография.

Р. Д. Б.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Аветисян К. А. М. И. Ростовцев, Ближний Восток и караванные города</i>	3
ПРЕДИСЛОВИЕ	13
I. КАРАВАННАЯ ТОРГОВЛЯ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ...	16
II. ПЕТРА	42
III. ДЖЕРАШ (ГЕРАСА)	57
IV. ПАЛЬМИРА И ДУРА	86
V. РУИНЫ ПАЛЬМИРЫ	104
VI. РУИНЫ ДУРЫ	133
БИБЛИОГРАФИЯ	186
УКАЗАТЕЛЬ	193
ПРИЛОЖЕНИЯ	
ОТ ВОСТОКА К ЗАПАДУ	
1. Кипр и Родос	201
2. Греция	206
РЕЦЕНЗИИ	211

Научное издание

Ростовцев Михаил Иванович

КАРАВАННЫЕ ГОРОДА

Под редакцией К. А. Аветисян

Редактор *В. С. Кизило*

Корректор *Л. А. Макеева*

Технический редактор *Е. М. Денисова*

Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 10.02.2010.

Формат 60 × 90 1/16. Тираж 500 экз. Усл. печ. л. 13,5. Заказ № 86.

Факультет филологии и искусств

Санкт-Петербургского государственного университета.

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.

«Нестор-История».

197110, Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21, тел. (812) 622-01-23